

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ **МАРИИ ВЕОДОРОВНѢ**, при посѣщеніи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Спасова Снита 21 мая 1891 г. Преосвященнаго *Амеросія* I—II

Вторая книга Моисея „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи *П. Горскаго-Платонова* 588—576

Сибирскіе архіепископы: Манарій, Нектарій, Герасимъ (1625 г.—1650 г.) (окончаніе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *П. Н. Буцинскаго* 577—616

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора *М. А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи). 161—176

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Реализмъ и Идеализмъ. *Н.* 408—415

Основы морали В. Вундта (окончаніе). *Стефана Говорова* 416—436

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. ВѢСОЧАЙШІЯ награды.—Правила о школахъ грамоты.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи I. II.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исваній лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗОРЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлыя 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 31 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*

РѢЧЬ

Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ,
при посѣщеніи Ея Величествомъ Спасова Скита,

произнесенная Преосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ
Харьковскимъ, 21 мая 1891 года.

Благочестивѣйшая Государыня!

Великую силу царствъ составляетъ взаимная любовь и единомысліе царей и народовъ. Но эта сила неизмѣримо возвышается и укрѣпляется совокупною и общео ихъ молитвою къ Царю царей о ниспосланіи имъ Божіей помощи и благословенія.

Благочестивѣйшій Государь нашъ и Ваше Величество любите молиться съ народомъ. Настоящее посѣщеніе Вами этого мѣста явленія Августѣйшему Семейству Вашему дивной милости Божіей представляетъ живое этому доказательство. И мы радуемся, срѣтая Васъ здѣсь, и имѣя возможность вкупѣ съ Вами вознести къ Спасителю Богу молитву вѣры и любви.

Здѣсь мы недавно раздѣляли съ Вами и ужасъ постигшаго Васъ несчастія, и радость о Вашемъ избавленіи. Здѣсь-же позвольте намъ предъ Лицемъ Вашимъ изъяснить нашу радость и вознести Господу благодареніе.

ніе и за новую милость, явленную Вамъ и намъ въ избавленіи отъ великой опасности Государя Наслѣдника Цесаревича. Вѣрьте, Благочестивѣйшая Государыня, народъ Вашъ съ заботой, какъ о родномъ дѣтищѣ, и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за дальнимъ и многотруднымъ Его путешествіемъ, и только молитва о Немъ, вѣра въ Божіе о Немъ промышленіе и опытомъ дознанное особое Божіе къ Дому Вашему благоволеніе служили намъ успокоеніемъ и утѣшеніемъ. И вотъ, мы слышимъ, что и на краю свѣта тотъ же Господь милосердый прикрылъ главу Цесаревича Своею десницею отъ смертельнаго удара, и Онъ уже шествуетъ къ намъ по своей родной землѣ, нося на челѣ своемъ знаменіе Божія о немъ промышленія.

Да будетъ же навсегда всѣмъ намъ опорой вѣры, крѣпости духа и упованія на Господа непреложное обѣтованіе святаго слова Его: *многи скорби праведнымъ и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. Хранитъ Господь вся кости ихъ. Ни одна отъ нихъ сокрушится.* (Ис. 33, 20).

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Продолженіе *).

О священныхъ облаченіяхъ (гл. 28).

28, 1. *И возьми ты къ себѣ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ Израиля, чтобы онъ былъ священникомъ Моимъ, Аарона, Надава и Авіуда, Елеазара и Ивамара, сыновъ Аарона. (2) И сдѣлаешь священныя одежды Аарону, брату твоему, въ славу и въ благоуміе. (3) И скажешь ты вѣмъ мудрымъ сердцемъ, кого исполнилъ Я духомъ мудрости, и сдѣлаютъ они одежды Аарону для посвященія его, чтобы онъ былъ священникомъ Моимъ. (4) И вотъ одежды, которыя сдѣлаютъ они: нагрудникъ, и оплечье, и ризу, и хитонъ клѣтчатый, повязку и поясъ; и сдѣлаютъ священныя одежды Аарону, брату твоему и сынамъ его, чтобы онъ былъ священникомъ Моимъ. (5) И пусть возьмутъ они золота, и голубой, и пурпуровой, и червеной пряжи, и виссона. (6) И сдѣлаютъ оплечье изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червеной пряжи, и изъ крученаго виссона, искусной работы. (7) Изъ двухъ соединяющихся наплечій будетъ состоять оно; на обоихъ концахъ своихъ оно будетъ соединено. (8) Поясная за-*

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 6.

вязка его на немъ—одинаковой съ нимъ работы, (изъ него же будетъ), изъ золота, голубой, пурпуровой и червленой пряжи, и крученого виссона. (9) И возьмишь два камня шогамъ, и вырѣжешь на нихъ имена сыновъ Израиля, (10) шесть именъ ихъ на одномъ камнѣ, и шесть остальныхъ именъ на другомъ камнѣ, по (порядку) рожденія ихъ. (11) Работою рѣщика по камню, какъ рѣжутъ печати, вырѣжешь на двухъ камняхъ имена сыновъ Израиля; въ золотыя оправы вставишь ихъ. (12) И положишь оба камня на наплечія оплечья, камни памятованія о сынахъ Израиля; и будетъ Ааронъ носить имена ихъ предъ Леговою, на обоихъ плечахъ своихъ, для памятованія. (13) И сдѣлаешь оправы изъ золота; (14) и двѣ цѣпочки изъ чистаго золота; витыя сдѣлаешь ихъ, плетеной работы и пришьлаешь плетенныя цѣпочки къ оправамъ. (15) И сдѣлаешь нагрудникъ суда, работы искусной; одинаковой съ оплечьемъ работы сдѣлаешь его изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленой пряжи и изъ крученого виссона сдѣлаешь его. (16) Квадратный будетъ онъ, двойной; пядень—длина его и пядень—ширина его. (17) И вставишь въ него, какъ составляютъ камни, четыре ряда камней. Рядъ: сердоликъ, топазъ, и изумрудъ—одинъ рядъ. (18) Второй рядъ: карбункулъ, санфиръ и ясписъ. (19) Третій рядъ: яхонтъ, агатъ и аметистъ. (20) Четвертый рядъ: хрисолитъ, бериллъ, ониксъ. Вставлены будутъ въ золото, въ оправы своихъ. (21) Камней будетъ, по именамъ сыновъ Израиля, двѣнадцать—по именамъ ихъ; какъ на печати вырѣзано будетъ на каждомъ по своему имени для двѣнадцати кольтъ. (22) И сдѣлаешь къ нагруднику цѣпочки витыя, плетеной работы, изъ золота чистаго. (23) И сдѣлаешь къ нагруднику два кольца золотыхъ, и пришьлаешь оба кольца къ двумъ концамъ нагрудника. (24) И вдѣнешь оба плетенія золотыя въ два кольца на концахъ нагрудника; (25) а два конца обоихъ плетеній пришьлешь къ двумъ оправамъ и пришьлешь къ двумъ наплечьямъ оплечья передней стороны его. (26) И сдѣлаешь два кольца золотыхъ, и пришьлаешь ихъ къ двумъ концамъ нагрудника на (томъ) краю его, который къ другому концу оплечья, къ срединѣ. (27) И сдѣлаешь два кольца золотыхъ и пришьлаешь ихъ къ обоимъ наплечьямъ оплечья внизу, насупротивъ, чтобы свя-

затѣ соединеніе его, повъше пояса оплечья. (28) И свяжутъ кольца нагрудника съ кольцами оплечья голубымъ шнуромъ, такъ чтобы онъ надъ поясомъ оплечья и чтобы не спускался нагрудникъ съ оплечья. (29) И будетъ носить Ааронъ имена сыновъ Израиля на нагрудникъ суда у сердца своего, входя въ святилище, для памяти предъ лицемъ Іеговы, навсегда. (30) И вложиши въ нагрудникъ суда Уримъ и Тјуммимъ, и будутъ они у сердца Аарона, когда входитъ онъ предъ лице Іеговы; и будетъ Ааронъ носить судъ сыновъ Израиля у сердца своего предъ лицемъ Іеговы всегда. (31) И сдѣлаеши ты ризу оплечья всю голубую. (32) И будетъ въ ней верхнее отверстіе; край у отверстія кругомъ будетъ работы тканой; какое отверстіе у брони, будетъ и у нея, чтобы не рвалось. (33) И сдѣлаеши по подолу ея гранатовыя яблоки изъ голубой, пурпуровой и червленой пряжи, по подолу ея кругомъ, и звонки золотые между ними, кругомъ. (34) Звонокъ золотой и гранатовое яблоко, звонокъ золотой и гранатовое яблоко,— по подолу ризы кругомъ. (35) И будетъ она на Ааронѣ въ служеніи, и слышенъ будетъ звукъ отъ него при входѣ его во святилище, предъ лице Іеговы, и при выходѣ его, и не умретъ онъ. (36) И сдѣлаеши пластинку изъ золота чистаго, и вырѣжеши на ней, какъ рѣжутъ печати: Святѣнѣя Іеговъ, (37) и возложиши ее на голубомъ шнурѣ, и будетъ она на повязкѣ; на передней сторонѣ повязки будетъ она. (38) И будетъ она на чель Аарона, когда Ааронъ будетъ возносить достояніе святѣнѣ, какія будутъ посвящаемы отъ сыновъ Израиля, при вѣсѣхъ дарахъ святѣнѣ ихъ; будетъ она на чель его всегда, ради благоволенія къ нимъ отъ лица Іеговы. (39) И сдѣлаеши кльчматый хитонъ изъ виссона; и повязку сдѣлаеши изъ виссона; и поясъ сдѣлаеши работы узорчатой. (40) И сынамъ Аарона сдѣлаеши хитоны, и сдѣлаеши имъ поясы, и повязки сдѣлаеши имъ, въ славу и въ благолѣтіе. (41) И облечеши въ нихъ Аарона, брата твоего, и сыновъ его съ нимъ; и помажешъ ихъ, и наполниши руки ихъ, и освятиши ихъ, и будутъ они священниками Моими. (42) И сдѣлай имъ исподнѣя одѣянѣ лнѣяныя для прикрытія тѣлесной наготы; отъ чреслъ и до бедръ будутъ они. (43) И будутъ они на Ааронѣ и на сынахъ его при вхожденіи ихъ въ скинѣю собранія или

при ихъ приближеніи къ жертвеннику для служенія въ святилищѣ, и не примутъ грѣха и не умрутъ; это постановленіе— на вѣкъ для него и для потомковъ его послѣ него.

Давъ Моисею повелѣнія относительно устройства святилища, Богъ даетъ затѣмъ повелѣнія относительно облаченій для лицъ, которыя призваны будутъ къ служенію во святилищѣ.

Ст. 1. *Возьми ты къ себѣ Аарона... и сыновъ его съ нимъ отъ среды сыновъ Израиля. Возьми къ себѣ: ты близокъ ко Мнѣ; ты—посредникъ между Мною и народомъ: въ такое же положеніе повелѣваю поставить и твоего брата съ его сыновьями. Отъ среды сыновъ Израиля: положеніе, которое займутъ Ааронъ и сыны его, возвыситъ ихъ надъ народомъ, выдѣлитъ изъ него.*

Чтобы онъ былъ священникомъ Моимъ: исполненіе обязанностей священнаго служенія, выдѣляя служащихъ изъ среды остальнаго народа и поставляя ихъ въ положеніе посредниковъ между Богомъ и народомъ, дѣлаетъ ихъ лицами принадлежащими Богу. Они не священники народа, а священники Бога.

Ст. 2. *И сдѣлаешь священныя одежды; священныя* и въ томъ смыслѣ, что надѣвать ихъ нужно было только при священнодѣйствіяхъ (Исх. 29, 29: 31, 10), и въ томъ смыслѣ, что надѣвать ихъ могли только священныя лица.

Въ славу и въ благолѣпіе. Священныя одежды должны служить славнымъ внѣшнимъ отличіемъ священныхъ лицъ отъ остальнаго народа; благолѣпіе этихъ облаченій требуется величіемъ царя—Иеговы, приблизившаго къ себѣ Аарона и его потомковъ, и должно соответствовать благолѣпію святилища.

Ст. 3. Для устройства священныхъ одеждъ Моисей долженъ пригласить *мудрыхъ сердцемъ*, то есть людей разумныхъ и искусныхъ въ художествѣ и ремеслахъ (ср. 31, 6; 35, 10; 36, 1, 2), одаренныхъ отъ Бога талантами по этому дѣлу.

Сдѣлаютъ они одежды Аарону для посвященія его. Возложеніе священныхъ одеждъ входило въ составъ посвященія (Лев. 8, 7--9).

Ст. 4. Переводя на русскій языкъ названія священныхъ одеждъ, руководствуемся древними переводами. О каждой изъ одеждъ подробная рѣчь будетъ далѣе.

Священныя одежды Аарону... и сынамъ его. Какія изъ наз-

ванныхъ одеждъ составляли облаченіе первосвященника и какія—облаченія священниковъ, это видно изъ стиховъ 40—43 изъясняемой главы.

Ст. 5. Пусть возьмутъ они золота и прочихъ матеріаловъ, собранныхъ путемъ добровольныхъ приношеній (Исх. 25, 3—7), и устроятъ изъ нихъ священные одежды.

Ст. 6. Описаніе священныхъ одеждъ начинается съ указація, какъ нужно устроить облаченіе, носящее названіе *ефода*. Руководствуясь древними переводами, и по невозможности отыскать первоначальное значеніе слова *ефода*, переводимъ его словомъ: *оплечье*. И соединяемъ съ этимъ словомъ понятіе объ одеждѣ, покрывающей плечи и спускающейся на грудь и на спину, до пояса.

Оплечье должно быть сдѣлано, то есть, соткано изъ нитей золотыхъ, изъ нитей голубой, пурпуровой и червленой пряжи и изъ нитей крученаго, бѣлаго виссона, искусной работы. Матерія оплечья должна была выходить такая же, какъ и матерія, изъ которой устроены нижній покровъ скиніи и завѣса, съ тѣмъ отличіемъ, что изображенія херувимовъ, бывшія на покровѣ и завѣсѣ, замѣнялись въ оплечьѣ золотыми нитями.

Ст. 7. Оплечье состояло изъ двухъ половинокъ, или *наплечій*; одна половина спускалась на грудь, другая на спину. Слово: *наплечіе* избираемъ, руководясь желаніемъ удержать въ переводѣ значеніе еврейскаго слова. Обѣ половины оплечья должны быть соединены; не сшиты, а соединены только на концахъ, именно, на верхнемъ и нижнемъ концахъ наплечій.

Ст. 8. Сначала указано, какъ наплечія нужно соединить между собою въ нижнемъ ихъ концѣ. Въ нижнемъ концѣ, по поясу, должны быть устроены изъ той же матеріи, не отдѣльные, а составляющія одно цѣлое съ наплечьями, завязки, которыя, нужно думать, завязывались въ узелъ или въ бантъ. Хотя такихъ завязокъ потребны были четыре: но онѣ обозначены словомъ: завязка, поставленнымъ въ единственномъ числѣ,—потому что связывали концы наплечій по одной линіи, въ одномъ направленіи.

Ст. 9—11. Указывается способъ соединенія наплечій въ верхнемъ ихъ концѣ около шеи. Они соединялись двумя камнями, вставленными въ оправы.

Возьмешь два камня шогамъ. Точное значеніе слова *шогамъ*— неизвѣстно. По преданію, сохранившемся въ древнихъ переводахъ, можно думать, что камни *шогамъ* суть камни онисовые. На каждомъ изъ камней должны быть вырѣзаны такою же рѣзбою, какъ на печатяхъ, имена колѣнъ израилевыхъ, по порядку рожденія сыновей Іакова, по шести именъ на каждомъ камнѣ. По преданію, на камнѣ, назначенномъ для праваго плеча, были вырѣзаны имена шести старшихъ сыновей Іакова. Камни должны быть вставлены въ золотыя оправы.

Ст. 12. *И положиши оба камня на наплечія оплечья.* Оправленные камни нужно было положить на оба наплечія, то есть, прикрѣпить ихъ къ обоимъ наплечіямъ. Это прикрѣпленіе къ обоимъ наплечіямъ и соединяло наплечія въ ихъ верхнемъ концѣ, около шеи, на такомъ, конечно, разстояніи отъ нея, чтобы оплечье могло свободно надѣваться черезъ голову.

Камни памятованія о сынахъ Израиля, не въ смыслѣ напоминанія самимъ сынамъ Израиля о себѣ самихъ, не въ смыслѣ напоминанія первосвященнику о сынахъ Израиля, но въ смыслѣ просительной молитвы къ Богу о томъ, чтобы онъ не забывалъ народъ свой. Вмѣстѣ съ первосвященникомъ, являвшимся предъ лице Божіе, являлись лицу Божію и носимыя на плечахъ первосвященника имена колѣнъ Израиля.

Ст. 13. 14. Къ упомянутымъ выше оправамъ для камней *шогамъ* (ст. 11) должны быть прикрѣплены двѣ золотыя цѣпочки, сдѣланныя не изъ колець, а витыя, плетеной работы. Назначеніе ихъ указано ниже.

Ст. 15. 16. Другую принадлежность первосвященническаго облаченія составлялъ нагрудникъ суда (ср. изъясненіе ст. 30-й), сдѣланный изъ такой же точно матеріи, какъ и оплечье, квадратный, вершковъ въ пять длины и ширины, двойной. Двойной не въ смыслѣ двойной толщины, или сшитой вдвое матеріи, но въ томъ смыслѣ что онъ имѣлъ верхъ и подкладку изъ одной и той же матеріи и представлялъ собою небольшой мѣшечекъ, который могъ служить влагалищемъ для небольшихъ вещей (ср. ст. 30).

Ст. 17—19. Въ нагрудникѣ, съ передней стороны его должны быть вставлены въ золотыхъ оправкахъ четыре ряда дра-

гоцѣнныхъ камней, по три камня въ каждомъ ряду. Точно опредѣлить, какіе это были камни, нѣтъ средствъ; и древніе переводы не даютъ вполне удовлетворительныхъ указаній. Не рѣшительно, а только съ вѣроятностію можно отчасти на основаніи древнихъ переводовъ, отчасти на основаніи свѣдѣній объ употребительныхъ въ древности драгоценныхъ камняхъ, полагать, что въ верхнемъ ряду были вставлены сердоликъ, топазъ и изумрудъ; во второмъ ряду: карбункулъ, санфиръ и яспись; въ третьемъ ряду: яхонтъ, агатъ и аметистъ; въ четвертомъ ряду: хрисолитъ, берилль и ониксъ. Сердоликъ—краснаго цвѣта, топазъ—золотистаго, изумрудъ—зеленаго, карбункулъ — огненнаго, санфиръ — голубаго, яспись—различныхъ цвѣтовъ, яхонтъ—золотисто-желтаго цвѣта, агатъ—различныхъ цвѣтовъ, аметистъ—фіолетоваго, хрисолитъ—зеленоватаго, берилль зеленоголубоватаго, ониксъ—въ родѣ агата различной окраски.

Ст. 21. На каждомъ изъ двѣнадцати камней нужно было вырѣзать имя одного изъ колѣнъ израилевыхъ, такую же рѣзбою, какъ рѣжутъ на печатяхъ. Не сказано, въ какомъ порядкѣ должны были слѣдовать имена колѣнъ, но вѣроятно, что въ порядкѣ старшинства (ср. ст. 10).

Ст. 22—25. Тѣ цѣпочки, о которыхъ сказано въ стихѣ четырнадцатомъ, назначались для соединенія нагрудника, въ верхнемъ его концѣ, съ оплечьемъ. Именно, у двухъ верхнихъ угловъ нагрудника нужно было придѣлать два золотыхъ кольца, вдѣть въ нихъ цѣпочки и прикрѣпить концы цѣпочекъ къ тѣмъ оправамъ, въ которыя вставлены были камни, соединяющіе два наплечія. Прикрѣпить къ оправамъ оставалось только два конца цѣпочекъ, потому что другіе два конца цѣпочекъ были прикрѣплены къ оправамъ прежде (ср. ст. 14.). Прикрѣпленіе къ оправамъ должно было произойти на переднемъ, ближайшемъ къ груди, концѣ оправъ.

Ст. 26—28. Нижній конецъ нагрудника нужно было прикрѣпить къ оплечью другимъ способомъ. На нижнихъ углахъ нагрудника надлежало придѣлать два золотыхъ кольца. Напротивъ ихъ, то есть, на одной линіи съ ними, нужно было прикрѣпить два другихъ золотыхъ кольца и соединить

этими кольцами двѣ отдѣльныя половины оплечья, повыше завязки, которою связывались обѣ половины оплечья (ст. 8). Въ кольца нагрудника и соотвѣтствующія имъ кольца оплечья нужно было продѣть голубой шнуръ и связать ихъ этимъ шнуромъ. Натянутый не слабо, шнуръ долженъ былъ приходиться по выше того пояса, которымъ связывались двѣ половины оплечья. Это боковое прикрѣпленіе нагрудника къ оплечью, вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ верхнимъ, не давало возможности нагруднику спускаться съ оплечья или сбиваться въ которую нибудь сторону.

Ст. 29. Первосвященникъ, нося на плечахъ своихъ имена колѣнъ Израилевыхъ, носилъ ихъ, начертанныя на камняхъ нагрудника, и у сердца своего. Это было нагляднымъ выраженіемъ духовныхъ отношеній первосвященника къ своему народу. Народъ—на его плечахъ; народъ—у его сердца. Начертаніе именъ на нагрудникѣ, такъ же какъ и начертаніе ихъ на камняхъ оплечья, имѣло значеніе молитвеннаго и просительнаго напоминанія Богу о томъ, чтобы Онъ не забывалъ народъ свой (ср. ст. 12).

Ст. 30. *И вложиши въ нагрудникъ суда Уримъ и Тيومмимъ.* Такъ какъ нагрудникъ былъ двойной и представлялъ собою родъ мѣшечка: то онъ могъ служить влагалищемъ для Урима и Тيومмима. Что такое были Уримъ и Тيومмимъ—неизвѣстно намъ; даже точнаго перевода этихъ словъ мы не знаемъ. Изъ того, что повелѣніе вложить Уримъ и Тيومмимъ дается *Моисею*, и изъ того, что повелѣвается *вложить*, справедливо заключать, что Уримъ и Тيومмимъ были предметами матеріальными, а не отвлеченными или составляли какой-нибудь одинъ предметъ, но во всякомъ случаѣ вещественный. Изъ употребленія Урима и Тيومмима въ качествѣ средства узнать волю Божію и открыть неизвѣстное такъ же можно вывести заключеніе, что Уримъ и Тيومмимъ составляли предметъ, доступный наблюденію чувствъ зрѣнія или слуха. Несуществованіе Урима и Тيومмима послѣ плѣненія Вавилонскаго объясняетъ намъ, почему у позднѣйшихъ іудеевъ не сохранились опредѣленныя понятія объ этихъ предметахъ; а отсутствіе у самого Моисея какихъ либо подробностей объ

устроеніи Урима и Тюммима можетъ быть изъяснено нежеланіемъ сдѣлать общеизвѣстнымъ предметъ, полный таинственности и глубокаго религіознаго значенія.

Сравнивая слова: *и будутъ они* (Уримъ и Тюммимъ) *у сердца Аарона съ словами: и будетъ Ааронъ носить судъ сыновъ Израиля у сердца своего*, справедливо будетъ заключить, что понятіе о судѣ имѣетъ ближайшее отношеніе къ Уриму и Тюммиму, и что ихъ присутствіе въ нагрудникѣ дало основаніе назвать его нагрудникомъ *суда* (ср. ст. 15). Открытіе воли Божіей посредствомъ Урима и Тюммима и есть открытіе *суда Божія* надъ сынами Израиля по каждому отдѣльному случаю, ихъ касающемуся.

Ст. 31. Третью принадлежность первосвященническаго облаченія составляла риза. *И сдѣлаешь ты ризу оплечья всю голубую*, одноцвѣтную, а не пеструю. Риза названа *ризою оплечья*, то есть, принадлежностію оплечья, которое безъ нея не надѣвалось первосвященникомъ. Оплечье имѣло болѣе важное значеніе, а потому не употреблено сочетаніе словъ такое: *оплечье ризы*, но: *риза оплечья*.

Ст. 32. *И будетъ въ ней верхнее отверстіе*. Риза была не распашная, не застегивающаяся, но цѣльная, съ отверстіемъ въ верхней части, для надѣванія ея черезъ голову. Верхнее отверстіе противопоставляется нижнему, у подола.

Край у отверстія кругомъ будетъ работы тканой, то есть, верхнее отверстіе не прорѣзывать нужно, а сдѣлать его при самомъ тканьи ризы, которая вся была тканая, а не сшивная (39, 22). Едва ли есть достаточное основаніе придумывать для верхняго отверстія особую тканую обшивку, наложенную кругомъ ворота.

Какое отверстіе у брони, будетъ и у нея, чтобы не рвалось. По поводу этого сравненія едва ли нужно отыскивать слѣды употребленія *льняныхъ* панцырей. И у обыкновенной металлической брони отверстіе около шеи могло быть цѣльное тканое, въ которомъ шея могла бы поворачиваться свободно. Цѣльное тканое, а не сшивное, отверстіе требовалось за тѣмъ, что бы оно не рвалось при надѣваніи и скиданіи черезъ голову.

По преданію, риза доходила до колѣнъ и рукавовъ не имѣла.

Ст. 33. 34. По всему подолу ризы шли въ перемежку трехцвѣтныя подобія гранатовыхъ яблокъ, сдѣланныя изъ голубой, пурпуровой и червленой пряжи, и звонки золотые, повидимому, имѣвшіе форму колокольчиковъ, а не бубенчиковъ. По указанію Исх. 39, 24 пряжа, употребленная для яблокъ, была изъ крученыхъ нитей.

Ст. 35. *И будетъ она на Ааронѣ въ служеніи.* Эти слова не то означаютъ, что Ааронъ долженъ надѣвать ризу для совершенія священнодѣйствій. И риза и другія одежды перво-священническаго облаченія всегда должны были надѣваться для совершенія священнодѣйствій; для того всѣ принадлежности облаченія и устроены; въ особомъ повелѣніи надѣвать ризу не было никакой надобности. Въ связи съ предшествующими и послѣдующими словами разбираемое выраженіе имѣетъ такое значеніе: по подолу ризы идутъ звонки; когда надѣнетъ Ааронъ ризу для служенія, тогда будетъ раздаваться звукъ звонковъ.

Звукъ отъ звонковъ при входѣ Аарона во святилище, предъ лице Іеговы, и при выходѣ его имѣлъ ближайшее отношеніе къ личной безопасности самого Аарона: *и не умретъ онъ.* Входя во святилище, мѣсто особаго присутствія Божія, Ааронъ, облеченный въ свои священныя одежды, являлся представителемъ и ходатаемъ народа, а не нарушителемъ святости мѣста, ознаменованнаго присутствіемъ Іеговы; потому Ааронъ долженъ быть чуждъ страха наказанія смертію за оскорбленіе величія Божія (ср. изъясненіе 24, 11).

Слова Іисуса, сына Сирахова (45, 11), указывающія, повидимому, на иную цѣль устроенія звонковъ, именно на то, *чтобы при хожденіи его (Аарона) они издавали звукъ, чтобы сдѣлать слышимымъ въ храмъ звонъ для напоминанія сынамъ народа Его,* въ дѣйствительности, будучи правильно поняты, не представляютъ разнорѣчія ни съ словами разбираемаго стиха книги Исхода, ни съ изъясненіемъ ихъ. *Напоминаніе* нужно разумѣть не сынамъ, но о сынахъ народа Его, то есть разумѣть то же самое, что сказано Исх. 28, 12, 29, по отношенію къ камнямъ, на которыхъ вырѣзаны были имена колѣнъ Израи-

левыхъ. Являясь предъ лице Іеговы ходатаемъ за сыновъ Израиля, молитвенно и просительно напоминая о нихъ и пошениемъ ихъ именъ и звукомъ звонковъ, первосвященникъ не могъ подвергнуться наказанію за нарушеніе святости святилища. Слова Іисуса сына Сирахова позволяютъ сдѣлать предположеніе, что число звонковъ на подолѣ первосвященнической ризы соотвѣтствовало числу колѣнъ Израилевыхъ, то есть, составляло двѣнадцать.

Ст. 36. Четвертую принадлежность первосвященническаго облаченія должна была составлять пластинка изъ чистаго золота съ вырѣзанными на ней, по способу рѣзбы на печатяхъ, словами: *святыня Іеговъ*. Эти слова, какъ видно изъ стиха 38-го, указываютъ на назначеніе тѣхъ приношеній, которыя будутъ посвящены Іеговѣ отъ сыновъ Израилевыхъ; они суть святыня, Іеговѣ приносимая. Значенію приношеній вполне соотвѣтствуетъ ясное указаніе этого значенія, помѣщенное на самомъ челѣ первосвященника, приносящаго святыне дары.

Ст. 37. Золотая пластинка голубымъ шнуромъ должна быть прикрѣплена къ повязкѣ, покрывавшей голову первосвященника. Пластинка не кругомъ всей головы шла, а находилась только на передней сторонѣ повязки; потому названіе ея вѣнцемъ (39, 30) нужно понимать такъ, что заднюю часть этого вѣнца составлялъ голубой шнуръ, охватывавшій по повязкѣ заднюю сторону головы. Отсюда правильно будетъ сдѣлать и тотъ выводъ, что завязанный шнуръ шелъ по одной линіи съ линіею пластинки, а не былъ привязанъ къ верху повязки или къ тому ея мѣсту, которымъ закрывалось темя головы; въ противномъ случаѣ названіе вѣнца не было бы употреблено.

Ст. 38. *И будетъ она на челъ Аарона, когда Ааронъ будетъ возносить достояніе святыни.* Этотъ переводъ основанъ на предположеніи, что слѣдуетъ читать въ еврейскомъ текстѣ одну букву вмѣсто другой (алефъ вмѣсто айна). Нужда сдѣлать такое предположеніе настоятельно указывается неудовлетворительностію обычнаго разумѣнія разбираемаго стиха; предполагаемая же перемѣна чтенія еврейскаго слова достаточно оправдывается связію рѣчи. При всякомъ приношеніи Богу отъ сыновъ Израиля, составляющемъ святыню, принадлежа-

щую Богу, на челѣ первосвященника должно находиться свидѣтельство о значеніи приношеній, чрезъ него представляемыхъ Богу, иначе сказать, исповѣданіе того, что представляемая приношенія суть святыня, единому Богу принадлежащая. Это исповѣданіе, оправдываемое самымъ дѣломъ приношенія святынь и свидѣтельствующее объ исполненіи долга сыновъ Израилевыхъ по отношенію къ Іеговѣ, и должно привлекать благоволеніе Бога къ приносящимъ.

Повязка на головѣ первосвященника была изъ виссона (ст. 39), то есть, изъ тонкой, по всей вѣроятности, бѣлой, ткани. И матеріаль повязки и значеніе еврейскаго слова, употребленнаго для названія этого предмета, даютъ основаніе думать, что повязка была мягкая, и что голова первосвященника ею обвивалась, или обматывалась.

Ст. 39. *И сдѣлаешь клѣтчатый хитонъ изъ виссона.* Слово *клѣтчатый* есть наиболѣе вѣроятный переводъ еврейскаго слова, здѣсь употребленнаго. Можно думать, что изъ одноцвѣтныхъ нитей матерія хитона была выткана шашечками или мелкими квадратами, въ которыхъ нити шли въ различныхъ направленіяхъ, образуя матерію въ родѣ пикэ, или камчатной скатерти. По преданію, хитонъ былъ до пятъ и имѣлъ рукава. На основаніи Исх. 39, 27 можно думать, что хитоны были не сшитые, а цѣльвые, тканые.

Для повязки, повидимому, велѣно употребить не клѣтчатый, а обыкновенный бѣлый, гладкій виссонъ.

Поясъ сдѣлаешь работы узорчатой, вѣроятно, тѣхъ же цвѣтовъ, какъ и завѣса у входа въ скинію (26, 36; ср. 25, 4).

Ст. 40. О хитонахъ для священниковъ не сказано, что они должны быть клѣтчатые, и о поясахъ для священниковъ не прибавлено, что они должны быть работы узорчатой: но отчасти самое умолчаніе объ этомъ, а отчасти и связь рѣчи въ Исх. 39, 27. 29 даютъ достаточное основаніе признавать, что хитоны и пояса какъ у первосвященника, такъ и у священниковъ, были одинаковы. Различіе же названій для головной повязки первосвященника и для головной повязки священниковъ и упоминаніе о нихъ отдѣльное (39, 28), хотя они были сдѣланы изъ одинаковой матеріи, заставляеть предполагать,

что повязка первосвященника отличалась отъ священнической или бѣльшею длиною и шириною, или дававшеюся ей формою. Думать, что повязки священниковъ имѣли форму островерхихъ скуфей, или же опрокинутыхъ стакановъ, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Въ славу и въ благолѣпіе. И для священниковъ, какъ и для первосвященника (28, 2), ихъ облаченія должны были служить славнымъ внѣшнимъ отличіемъ отъ остальнаго народа; благолѣпіе этихъ облаченій требовалось величіемъ Царя—Иеговы, приблизившаго къ себѣ священниковъ, и должно было соотвѣтствовать благолѣпію святилища. Ясное и неоднократно указаніе священнаго писателя на цѣль облаченій дѣлаетъ излишними попытки открывать предполагаемый сокровенный смыслъ цвѣтовъ, формъ и матеріала того или другаго священнаго облаченія.

Ст. 41. Подробное описаніе священныхъ одеждъ, какія нужно было изготовить для Аарона и сыновъ его, прерывается здѣсь краткимъ указаніемъ того назначенія, для котораго имѣютъ быть приготовлены священныя облаченія. Они нужны для поставленія Аарона и сыновъ его въ священный санъ. Это поставленіе будетъ состоять въ облаченіи Аарона и сыновъ его въ священныя одежды, въ помазаніи ихъ, въ принесеніи жертвъ и въ освященіи. Подробныя повелѣнія относительно сихъ дѣйствій изложены въ слѣдующей главѣ, а описаніе исполненія ихъ изложено въ осьмой главѣ книги Левитъ. Всѣ эти дѣйствія, кратко здѣсь упомянутыя, долженъ будетъ совершить самъ Моисей: слова: *облечешь, поможешь* и проч. ясно показываютъ, что самъ Моисей долженъ поставить первыхъ священныхъ лицъ для народа Еврейскаго.

Въ слѣдующемъ (42) стихѣ продолжается рѣчь объ одеждахъ священныхъ лицъ. Выдѣленіе этой далѣе слѣдующей рѣчи изъ предшествующей рѣчи вставкою указавія на назначеніе облаченій можно, повидимому, изъяснить различіемъ значенія прежде описанныхъ одеждъ отъ значенія той одежды, о которой говорится далѣе. Тѣ одежды—священныя, данныя для славы и благолѣпія, а эта только для прикрытія тѣлесной наготы, для того, чтобы не принять грѣха и не умереть.

Ст. 42 и 43. Исподнее льняное одѣяніе должно прикрывать наготу *отъ чреслъ, отъ поясницы, до бедръ*, до той части ноги, которая идетъ отъ таза до колѣна. Замѣнять слово *бедра* словомъ *голенн*, означающимъ часть ноги отъ колѣна до ступни, нѣтъ основаній. Очевидно, что исподнее одѣяніе было очень коротко и прикрывало только тѣ части тѣла, которыя имѣютъ особую нужду въ прикрытіи. Ношеніе исподняго одѣянія вмѣнено въ непремѣнную обязанность священнымъ лицамъ при вхожденіи въ скинію собранія и при служеніи у жертвенника, стоявшаго на дворѣ скиніи. Изъ этого открывается недостаточность того изъясненія, по которому ношеніе исподняго одѣянія имѣетъ будто бы цѣлю только устраненіе возможнаго обнаруженія наготы предъ глазами людей, особенно въ томъ случаѣ, когда священнодѣйствующій восходилъ къ жертвеннику для принесенія жертвъ (ср. 20, 26). При вхожденіи въ скинію едва ли можно было опасаться такой случайности, когда хитонъ доходилъ до пятъ и былъ весь тканый, а не распашной; скинія не на возвышеніи стояла. Правильнѣе думать, что повелѣніе, содержащееся въ разбираемомъ стихѣ, представляетъ собою одно изъ выраженій обязанности священныя лицъ строго заботиться о соблюденіи тѣлесной чистоты, стыдливости и возможныхъ внѣшнихъ проявленій благоговѣйнаго отношенія къ святости мѣста и обитающаго въ немъ Божества. Не взоры только людей долженъ имѣть въ своихъ мысляхъ приступающій къ священнодѣйствію. Правильность этого изъясненія подтверждается словами: *и не примутъ грѣха и не умрутъ*, то есть, при соблюденіи предписаннаго выраженія благоговѣнія, Ааронъ и сыны его не подпадутъ грѣху, не будутъ наказаны смертію за недостатокъ благоговѣйнаго отношенія къ Святому, къ Которому они приближаются, совершая священнодѣйствіе у жертвенника, или входя во святилище. *Это постановленіе—на вѣкъ*. И эти слова утверждаютъ въ мысли, что законъ имѣетъ въ виду не случайное открытіе наготы передъ взорами людей.

П. Горскій-Платоновъ.

(Окончаніе будетъ).

Сибирскіе архіепіскопы: Макарій, Нектарій, Герасимъ

(1625 г.—1650 г.).

(Окончаніе *).

III.

Послѣ смерти Макарія сибирская епархія почти годъ оставалася безъ архипастыря. Царю Михаилу Ѳедоровичу и новому русскому патріарху Іоасафу долго пришлось искать человека достойнаго занять Тобольскую архіепіскопскую кафедру и только въ слѣдующемъ году выборъ ихъ палъ на игумена Ниловой пустыни Нектарія. Это былъ монахъ по призванію: уроженецъ Остапкова, въ мірѣ Николай, еще 12 лѣтъ поступилъ въ только что основанный въ к. 16 в. монастырь на островѣ Столбенскомъ, гдѣ покоились мощи преподобнаго Нила, перваго подвижника на этомъ островѣ. Постригшись въ монахи подъ именемъ Нектарія, онъ велъ строгую подвижническую жизнь и, вѣроятно, подъ руководствомъ своего собрата монаха Арсенія Глухаго, извѣстнаго справщика церковныхъ книгъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, знавшаго греческій и латинскій языки, риторику и философію, получилъ высшее по тому времени духовное образованіе. Памятникомъ такого образованія служитъ его посланіе, автографъ котораго хранится въ Ниловой пустыни, именно — «Посланіе сибирскаго архіепіскопа Нектарія», а въ доказательство строгой

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 7.

его монашеской жизни можно указать на то, что онъ самъ никогда не пилъ вина и запретилъ пить другимъ монахамъ: «по заповѣди блаженной памяти строителя Нектарія, бывшаго архіепископа сибирскаго, въ пустынь Низа чудотворца Столбенскаго хмельному бѣ питью не быть», писалъ митрополитъ Новгородскій Пинтримъ въ Ниловскій Столбенскій монастырь ¹⁾. А будучи въ Сибири, Нектарій просилъ Михаила Ѳедоровича, чтобы тобольскіе воеводы вмѣсто положенныхъ на архіепископскій домъ ста ведеръ водки давали 50 пудовъ меду и государь разрѣшилъ подобную замѣну. Своимъ образованіемъ и подвижническою жизнью Нектарій обратилъ вниманіе: въ 1620 г. 33 лѣтъ отъ роду онъ былъ избранъ въ строители Ниловой пустыни, а Новгородскимъ митрополитомъ удостоенъ сана игумена. Біографъ сибирскихъ архіепископовъ Н. Абрамовъ въ своей статьѣ «Нектарій, третій сибирскій и тобольскій архіепископъ» рассказываетъ слѣдующее: въ 1628 игумень Ниловой пустыни Нектарій, по какому то случаю пріѣзжалъ въ Москву, представился царю Михаилу Ѳедоровичу и предсказалъ послѣднему рожденіе его сына, впоследствии царя Алексѣя Михайловича. Съ этого времени царь Михаилъ обратилъ вниманіе на Нилову пустынь и на ея игумена, а когда тобольская каеэдра сдѣлалась свободной, то предложилъ занять ее именно Нектарію. Какъ не лестно было это предложеніе, но Нектарій не охотно разставался съ своею пустынею и только, повинаясь волѣ царя и патріарха, согласился принять архіепископскій санъ и отправиться на тобольскую каеэдру ²⁾. Послѣ хиротоніи въ архіепископа въ 1636 г. 4 февраля, Нектарій скоро отправился въ Сибирь и перваго апрѣля благополучно прибылъ въ тобольскій Знаменскій монастырь, а на другой день имѣлъ торжественный входъ на гору, въ городъ ³⁾. Третій сибирскій архіепископъ оказался прекраснымъ хозяиномъ: его заботы о развитіи хозяйства софійскаго дома доходили

¹⁾ А. А. Э. т. IV. № 165.

²⁾ Странникъ 1866 г., февр. стр. 68—69.

³⁾ Др. Рос. Вивл. ч. III, стр. 156.

до стяжательности и были столь настойчивы, что непріятно поражали даже само московское правительство; да и на историка эта страсть къ стяжанію производитъ непріятное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что Нектарій, какъ мы упоминали, отличался строгою подвижническою жизнью. Послѣ смерти Макарія, по распоряженію правительства, боярскимъ сыномъ Веревкинымъ произведена перепись вотчинъ, крестьянъ и вообще движимаго и недвижимаго имущества дома Софіи Премудрости Божіей. Изъ этой переписи Нектарій увидѣлъ, что крестьяне четырехъ деревень архіепископскихъ «разбрелись неизвѣстно куда». Вслѣдствіе этого первою его хозяйственною заботою было отыскать бѣглецовъ и посадить ихъ на прежнія мѣста; заботы его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: съ его пріѣзда опять начинаютъ свое существованіе упомянутыя деревни. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ призывать въ софійскія деревни новыхъ крестьянъ, обѣщая имъ льготы и подмогу; на его призывъ, какъ увидимъ, откликнулись очень многіе: одни садились на пашни, другіе на оброкъ, а нѣкоторые записывались въ софійскіе закладчики. Но въ то время, какъ хозяйственная дѣятельность Нектарія шла такъ успѣшно, правительство наносило ему одинъ ударъ за другимъ. Прежде всего денежное жалованье софійскому дому было уменьшено до половины: вмѣсто 690 рублей 65 коп. велѣно давать только 321 руб. 65 коп. Затѣмъ, въ 1638 г. присланъ указъ Тобольскому воеводѣ, чтобы, съ слѣдующаго года давать софійскому дому вмѣсто хлѣбнаго жалованья деньгами, а съ 1642 г. совсѣмъ прекратить хлѣбную ругу. Этотъ указъ велѣно показать Нектарію,^{x)} чтобы онъ впередъ на государево жалованье не надѣялся, и строился своею пашнею, потому что послѣ Макарія за софійскимъ домомъ осталось много крестьянъ и ими пашню можно завести не малую». Но, вѣроятно Нектарій зналъ, что эти распоряженія исходятъ не столько отъ царя, сколько отъ правителей сибирскаго приказа,—зналъ, что религіознѣйшій Михаилъ Ѳедоровичъ не можетъ такъ обижать домъ Софіи Премудрости Божіей. Поэтому немедленно же, одно за другимъ, послалъ къ царю два слезныхъ прошенія. Въ одномъ изъ нихъ онъ билъ челомъ, что

ему строить свою пашню не кѣмъ, «пашенныхъ крестьяншекъ и бобыльковъ за софійскимъ домомъ мало». Но такъ какъ въ Москвѣ изъ переписи Веревкина знали, что и земли и крестьянъ у архіепископа достаточно, то Нектарій въ своей челобитной жаловался, «что въ этой переписи пашенные крестьяне писаны вдвое, отцы съ дѣтьми, а дѣти малы и не пахутъ, съ Ницынской и Тавдинской слободъ идетъ хлѣбъ не великій, а оброчные даютъ въ Софійскую казну только по 50 коп. въ годъ». Въ другомъ прошеніи Нектарій писалъ: «Нынѣ (1639 г.), государь, мнѣ богомольцу твоему и софійскимъ соборянамъ и дворовымъ людямъ даютъ за твое государево жалованье за хлѣбъ деньгами— за четверть ржи по полтинѣ, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 мѣры) покупаютъ по 1 руб. 25 коп. и противъ, государь, торговой цѣны даютъ менѣе половины; между тѣмъ софійскіе соборяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, покупая хлѣбъ дорогою цѣною, въ конецъ погибли и одолжали великими долгами». Затѣмъ архіепископъ просилъ, чтобы давали въ домъ Софіи Премудрости Божіей хлѣбную ругу по прежнему хлѣбомъ, а не деньгами. Въ заключеніе челобитной читаемъ обыкновенный жалобный припѣвъ сибирскихъ архіепископовъ: «государь, смилуйся, пожалуй, чтобъ отъ хлѣбной скудости намъ нищимъ твоимъ богомольцамъ въ конецъ не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богомолье безъ службы не было-бы». Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ устоять противъ такой челобитной и велѣлъ снова давать софійскому дому хлѣбную ругу, впрочемъ только до 1642 г. Теперь посмотримъ, на сколько справедливы были жалобы Нектарія на нищету софійскаго дома. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ «государевы богомольцы дальной сибирской вотчины», не смотря на ихъ громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьянъ, бѣдствовали и терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ? Совершенно справедливо, что хлѣбъ въ Сибири въ 1639 году значительно поднялся въ цѣнѣ по случаю неурожая въ этомъ году, справедливо и то, что воеводы, выдавая софійскому дому хлѣбную ругу деньгами, обсчитывали ружниковъ въ свою пользу: вое-

водамъ указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цѣнѣ, какую цѣною, въ которомъ году учнутъ хлѣбъ на торгу покупать», а они давали за четверть только по 50 коп., вмѣсто 1 р. 25 к. Но дѣло въ томъ, что софійскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлѣба къ торговымъ людямъ: въ его житницахъ всегда находились громадныя запасы хлѣба, а въ погребахъ и кладовыхъ было въ изобиліи всякихъ питій и яствъ. Данныя объ этихъ запасахъ столь интересны, что мы считаемъ нужнымъ выписать здѣсь оныя изъ переписныхъ книгъ.

Въ 1636 году въ софійскомъ домѣ были слѣдующіе запасы:

Разнаго хлѣба	39,100 п.
Масла коровьяго	65 «
Соли	418 «
Меду прѣснаго	132 «
Хмелю	19 «
Вина горячаго	236 в.
Меду кислаго	79 «
Пива простаго	224 «
Пива поддѣльнаго	35 «
Вина церковнаго	13 «
Романей красной	1/4 «
Уксусу	20 «
Масла конюшняго	6 «
Масла орѣховаго	1/4 «
Воску	6 п.
Жиру рыбаго	10 ф.
Лимоновъ	110 шт.

Въ сушилахъ:

Осетровъ	202 шт.
Стерлядей	163 «
Нельмъ	243 «
Щукъ	260 «
Семгъ	7 «
Икры черной	1/4 п.

Просольной рыбы:

Щукъ	1343 шт.
Нельмъ	50 «
Стерлядей	120 «
Язей	301 «
Окуней	140 «
Осетровъ	17 «

Добавимъ къ этому, что у софійскаго дома было въ это же время 32 рабочихъ лошади и множество рогатаго скота. Для каждаго очевидно, что этимъ однимъ запасомъ «нищіе богомольцы», которыхъ съ дѣловыми людьми въ 1836 г. было 70 человѣкъ, могли не только прокормить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ могли кормить всю армію Ермака, съ которою онъ завоевалъ Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при такихъ запасахъ можно было этимъ богомольцамъ голодать, или чтобы они дѣйствительно имѣли намѣреніе «брести врозь». Но вѣдь это только запасы, остатки отъ ежегодныхъ приходовъ. Въ томъ же году они должны были получить изъ казны хлѣба 6,180 пуд., меду 60 пуд., вина горячаго 100 ведеръ, за рыбныя ловли 110 руб. 13 коп., денежнаго жалованья 321 руб. 65 к. Несправедливо также жаловался архіепископъ Нектарій, что съ вотчинъ софійскаго дома «идеть не великій хлѣбъ». Изъ переписныхъ книгъ Веревкина видно, что въ 1636 г. съ одной Ницынской слободы привезено въ Tobольскъ въ софійскія житницы разнаго хлѣба 4,535 пудовъ. Таковы были средства софійскаго дома до вступленія Нектарія на сибирскую кафедру. Но при немъ эти средства должны были значительно увеличиться: каждый годъ селились на софійскихъ вотчинахъ новыя крестьяне и, значить, каждый годъ усиливалось хлѣбопашество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество «пятиннаго хлѣба», собираемаго софійскими выдѣльщиками, все болѣе и болѣе увеличивалось. По переписи, произведенной послѣ оставленія Нектаріемъ сибирской архіепископской кафедры, т. е. въ 1640 г., за софійскимъ домомъ числилось крестьянъ: въ деревняхъ—Комарицкой, Матвѣевской, Кисилевской и Безсоновской—58 чел., въ Ницынской слободѣ—182 чел., въ Тавдинской—79 чел., да бобылей въ Tobольскѣ, Тюменѣ, Туринскѣ и Верхотурьѣ—111 чел., всего 427 чел. мужскаго пола, тогда какъ Нектарій унаслѣдовалъ отъ Макарія только 138 человѣкъ. Кромѣ того, своему преемнику, архіепископскому Герасиму, онъ оставилъ: разнаго хлѣба 3,858 ч., ссудныхъ и заемныхъ кабалъ и памятей 756, денегъ по этимъ кабаламъ 1,906 р. 26 коп., хлѣба 2,323 ч., 61 лошадь,

да массу рогатаго скота и всякихъ съѣстныхъ припасовъ и питій. Что софійскому дому не было надобности обращаться за покупкой хлѣба къ торговымъ людямъ можно уже судить потому, что въ 1639 г. во время неурожая архіепископъ Нектарій нашелъ возможнымъ дать изъ софійскихъ житницъ въ долгъ самому правительству 1,500 ч. ржи и 500 ч. овса.

IV.

Далеко не съ такимъ усердіемъ Нектарій занимался своими архіерейскими дѣлами, какъ хозяйственными. Н. Абрамовъ въ вышеупомянутой статьѣ объ этомъ архіепископѣ замѣчаетъ, что «онъ управлялъ сибирскою епархіей недолго, но и въ этотъ срокъ успѣлъ внушить къ себѣ почтеніе и любовь паствы и ознаменовать ревность свою къ благу церкви многими полезными и достославными дѣйствіями»¹⁾. Съ этимъ отзывомъ мы рѣшительно не согласны: въ немъ только одно справедливо, что Нектарій управлялъ епархіей недолго, а все остальное—вымыселъ самого біографа. Въ своей статьѣ онъ не приводитъ этихъ «многихъ полезныхъ и достославныхъ дѣйствій», а пишетъ о предметахъ большею частію нисколько не относящихся къ пастырскому служенію Нектарія, напр. объ основаніи въ Сибири въ то время городовъ и сель, приводитъ выписъ изъ синодика о побѣдѣ Ермака надъ Кучумомъ, о гибели Ермака съ товарищами и т. п.; мы же и въ документахъ не нашли ничего такого, что оправдывало бы отзывъ о Нектаріи этого писателя. Несомнѣнныя историческія данныя не только не свидѣтельствуютъ о почтеніи и любви сибирской паствы къ своему архипастырю, а напротивъ говорятъ, что Нектарій въ первый же годъ пребыванія въ Тобольскѣ возбудилъ противъ себя общую ненависть—воеводъ, дьяковъ и подьячихъ, боярскихъ дѣтей, монаховъ, своихъ старцевъ и дворовыхъ людей; въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на массу доносовъ на Нектарія отъ лицъ разнаго званія и положенія. Правда, эти доносы оказывались неосновательными и сами доносчики сознавались въ ложно-

¹⁾ См. стр. 83.

сти своихъ обвиненій Нектарія «во многихъ государевыхъ дѣлахъ», но тѣмъ не менѣе самое появленіе множества доносовъ ужь никакъ не можетъ свидѣтельствовать о почтеніи и любви сибирской паствы къ своему архипастырю. Вполнѣ естественно, что Нектарій, какъ строгій монахъ, не могъ ужиться съ развращеннымъ сибирскимъ населеніемъ: послѣ слабаго Макарія, снисходительно относившагося къ нравамъ своей паствы, строгость его преемника не по вкусу пришлась сибирякамъ. Развѣ архіепископскія боярскія дѣти, старцы, дворовые люди и клиръ могли простить Нектарію, напр. замѣну казеннаго вина медомъ—о чемъ мы упоминали выше: прежде архіепископскій домъ одной казенной водки вышивалъ 100 ведеръ въ годъ, а теперь вмѣсто этого государева жалованья давали ему только медъ.

Трудно было Нектарію управлять сибирскою епархіей: съ 12 лѣтъ онъ жилъ внѣ міра, въ Ниловой пустыни, вель строгую подвижническую жизнь и вдругъ такого человѣка угодно было царю Михаилу и патриарху Іоасафу назначить архіепископомъ на Тобольскую кафедру! Ему Тобольскъ показался сущимъ адомъ: старшій воевода Темкинъ Ростовскій былъ въ непримиримой враждѣ съ младшимъ Волынскимъ; тотъ и другой обращаются къ новому архіепископу съ разными кляузами другъ на друга. Нектарій принимаетъ сторону одного и тѣмъ вооружаетъ противъ себя другаго, а этотъ послѣдній не стѣсняется въ средствахъ, чтобы досадить ему: побуждаетъ своихъ странниковъ шумѣть на архіепископа, ругать его «всякою нѣподобною бранью». Старцы, монахи, попы, боярскія дѣти и др. ведутъ безобразную жизнь, кляузничаютъ другъ на друга, а Нектарію приходится разбирать ихъ: онъ хочетъ «смирять» виновнаго, а послѣдній кричитъ на него «государево слово и дѣло», бѣжитъ въ съѣзжую избу и требуетъ, чтобы воеводы выслушали его иногда самыя нелѣпыя обвиненія. Не легко было Нектарію, отвыкшему отъ мірской жизни, ориентироваться въ подобныхъ дѣлахъ и онъ самъ сознавался царю, что не умѣетъ управиться съ людьми: «я человѣкъ пустынный и всякія мірскія дѣла мнѣ не за обычай», писалъ этотъ архіепископъ Михаилу Федоро-

вичу. Но архіепископу невозможно было жить только келейною жизнью; кругъ его обязанностей слишкомъ великъ и ему необходимо было считаться со всякими мірскими дѣлами, а для этого нуженъ тактъ, умѣнье быть во время строгимъ или снисходительнымъ. Между тѣмъ Нектарій, какъ видно, относился ко всѣмъ какъ строгій монахъ и думалъ управлять сибирскою паствою точно такъ же, какъ онъ управлялъ монахами въ Ниловой пустынѣ. Вотъ гдѣ лежала причина общей къ нему неависти и многочисленныхъ на него кляузъ. На Нектарія жаловался ризничій черный дьячекъ Илья, который присланъ въ Tobольскъ «для наученія архіепископа святительскому чину», жаловался черный попъ Макарій, жаловались боярскія дѣти—Павель Хмелевскій и Савва Французининъ, а заводчиками разныхъ кляузъ были второй воевода и дьяки. «Да и софійскіе, государь, писалъ Нектарій Михайлу Ѳедоровичу, дворовые люди, старцы, дѣти боярскія и цѣвчіе дьяки, кромѣ стараго дьяка Саввы Есипова, умышляютъ на меня богомольца твоего и угрожаютъ доводными составными всякими дѣлами...¹⁾ А почему эти люди жаловались? Черный дьяконъ Илья «много безчинства дѣлаетъ» «приходитъ въ церковь многіе дни пьянъ и дѣлалъ безчинство», а когда Нектарій хотѣлъ послать ихъ «на смиреніе», то они начали говорить на него государево дѣло. Про Павла Хмелевскаго, ссыльнаго литвина, Нектарій писалъ царю слѣдующее: «въ нынѣшнемъ 1637 года Генваря 24 дня прибѣжали ко мнѣ предъ церковь двое ребятъ бить челомъ на ссыльнаго литвина Павла Хмелевскаго боярскаго сына въ духовномъ и великомъ дѣлѣ—одинъ бить и весь въ крови, а другой жженъ огнемъ. Я велѣлъ распросить ихъ и они сказали: живутъ де они у Павла Хмелевскаго, одного зовутъ Гришкою, а другого Ивашкою и тотъ де Павель для злого богомерзскаго блуднаго грѣха бьетъ и мучитъ ихъ неповинно»... Нектарій допросилъ объ этомъ духовнаго отца и послѣдній подтвердилъ, что Павель Хмелевскій билъ и жегъ огнемъ тѣхъ ребятъ за то, что не соглашались съ нимъ на тотъ содомскій

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 571 нenumerованъ.

грѣхъ. «Я много разъ, доносилъ Нектарій, посылалъ за Павломъ, чтобы онъ пришелъ для допросу, но онъ учинился силенъ и къ сказкѣ не пошелъ... А нынѣ по твоему государеву указу велѣно Хмелевскаго отпустить въ Москву и онъ похваляется на меня всякимъ дурномъ»¹⁾. Съ перваго взгляда кажется страннымъ то, что Нектарій не могъ заставить Павла Хмелевскаго явиться къ себѣ на судъ, такъ какъ воеводамъ строго предписывалось давать архіепископамъ пристававъ на ослушниковъ по первому ихъ требованію. Положимъ, что Нектарій былъ во враждѣ со вторымъ тобольскимъ воеводой и отъ него, конечно, не могъ получить содѣйствія, но главный воевода Темкинъ-Ростовскій, повидимому, не враждовалъ съ Нектаріемъ и стало бытъ могъ приказать приставу силой привести виновника на судъ архіепископа. А между тѣмъ, какъ видно изъ донесенія самого архіепископа, этого не случилось. Почему же? Дѣло въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ господствовали такіе оригинальные порядки, которые давали возможность каждому виновному избавиться отъ всякой власти, будь этою властью воевода или архіепископъ: стоитъ ему только объявить на того и другого государево слово и дѣло и власть ихъ тогда теряетъ свойственный ей авторитетъ до тѣхъ поръ, пока не явится на этотъ счетъ указъ государя. Лучше всего эти порядки можно показать на дѣлѣ объ извѣстѣ одного ссыльнаго француза Саввы на архіепископа Нектарія и воеводу Темкина-Ростовскаго. Это интересное дѣло началось слѣдующимъ образомъ. Въ 1637 году упомянутый французъ является къ главному Тобольскому воеводѣ Темкину-Ростовскому и говоритъ: «тамъ гдѣ я родился есть руда серебрянная, мѣдная и желѣзная и рудное дѣло мнѣ хорошо извѣстно; пожалуй, отпусти меня въ Верхотурскій уѣздъ къ желѣзной рудѣ, а я государю прибывъ сдѣлаю и государь тебя похвалить». На это воевода отвѣчалъ: «государь потерялъ казну подъ Смоленскомъ (неудачный походъ Шеина)—нѣмцамъ бл..... дѣтямъ роздалъ, а послѣ того въ мѣдной же рудѣ потерялъ казну чрезъ нѣм-

¹⁾ Ibid.

цевъ же, а я такъ терять не хочу». Потомъ Савва Французанинъ просилъ отпуска въ Тюмень, но воевода выгналъ его вонъ. Ссылный оскорбился и затаилъ злобу на воеводу. Вскорѣ послѣ этого одинъ боярскій сынъ Рукинъ подалъ воеводамъ искъ на 86 руб. на того же ссылнаго француза. Но послѣдній, зная взаимную вражду воеводъ, рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для оттяжки своего дѣла. Такъ какъ отвѣтчикъ не надѣялся на Темкина Ростовскаго, то ему нужно было, выражаясь по нашему, отвести его, но какимъ образомъ? Оказывается, что въ тогдашнее время это дѣлалось очень просто. Савва Французанинъ заявилъ, что знаетъ за воеводой государево слово и дѣло и вслѣдъ затѣмъ подалъ на него письменный извѣтъ второму воеводѣ Андрею Волинскому и дьякамъ. Но послѣдніе не посмѣли сдѣлать допросъ Темкину-Ростовскому относительно обвиненія его въ государевомъ дѣлѣ и передали извѣтъ архіепископу Нектарію, а извѣтчикъ Савва просилъ послѣдняго переслать его извѣтъ въ Москву къ царю. Только Нектарій, вѣроятно, по дружбѣ къ Темкину-Ростовскому, долго не посылалъ этотъ извѣтъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу. Тогда Савва Французанинъ, предполагая, что Нектарій держитъ сторону главнаго воеводы и что онъ не только не перешлетъ его челобитную въ Москву, а даже можетъ написать царю противъ него, затѣялъ и на Нектарія государево слово. «Когда мы сидѣли въ съѣзной избѣ, писали царю второй воевода и дьяки, то услышали крикъ— что бьютъ и рѣжутъ, и потомъ входитъ Савва Французанинъ и говорить, что за нимъ великое государево слово дѣло и патріаршее духовное на Нектарія»... Второй воевода и дьяки обяваны были сдѣлать допросъ и для этой цѣли зовутъ въ съѣзжую избу главнаго воеводу Темкина-Ростовскаго, но послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, на допросъ не пошелъ, говоря, что «Савва и на него сказалъ государево дѣло, а потому мнѣ допросить его не умѣть», т. е. Темкинъ-Ростовскій не могъ быть судьей въ дѣлѣ того, кто на него выкрикнулъ слово и дѣло. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то, что московское правительство признавало подобный порядокъ веденія дѣлъ нормальнымъ и послѣ этого по

дѣлу Саввы Французянина уже вело переписку не съ главнымъ воеводой, а съ его товарищами и въ царскихъ грамотахъ къ послѣднимъ имя Темкина-Ростовскаго не упоминалось, а равнымъ образомъ и товарищи главнаго воеводы отвѣчали царю по тому же дѣлу только отъ себя—главный воевода какъ бы не существовалъ, его значеніе уничтожилось извѣтомъ. Вотъ почему Нектарій а) не могъ уже просить главнаго воеводу ни сдѣлать допросъ Саввѣ Французянину относительно извѣта на него, ни посадить извѣтчика подъ арестъ и б) не могъ самъ сдѣлать допросъ объ извѣтѣ того же лица на Темкина Ростовскаго. А когда архіепископъ за этимъ обратился къ товарищамъ главнаго воеводы, то они по не дружбѣ къ нему отказали, говоря, что «такихъ по прежнимъ обычаямъ сажать въ тюрьму нельзя». Между тѣмъ Савва, сказавши на Нектарія слово и дѣло, подалъ второму воеводѣ А. Волынскому и дьякамъ письменный на него извѣтъ на французскомъ языкѣ. Нектарій просилъ перевести этотъ извѣтъ на русскій языкъ, а Андрей Волынскій и дьяки отвѣчали ему, что въ Tobольскѣ нѣтъ человѣка, который зналъ бы французскій языкъ. Но это была ложь: въ Tobольскѣ были люди знавшіе французскій языкъ. Нектарій писалъ Михаилу Ѳедоровичу, что такіе знатоки есть и могутъ перевести съ французскаго языка на русскій, но Волынскіе и дьяки по враждѣ къ нему и «наровя тому нѣмчину» не дозволяли того сдѣлать. Да и сами эти власти писали царю, что они не давали перевести извѣта на архіепископа не велѣдствіе отсутвія лицъ въ Tobольскѣ умѣвшихъ это сдѣлать, а потому, чтобы Нектарій напередъ не узналъ, въ чемъ заключается содержаніе извѣта, «чтобъ онъ не вѣдалъ твое государево дѣло, мы послали то письмо къ тебѣ государю»... Оно было послано въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «A la tres grande Maieste Micael Tedrovitz l'empereur de moscou et de toute la roussie»... Послѣ такого обращенія Савва жалуется, что овъ подалъ архіепископу Нектарію челобитную къ царю съ извѣтомъ на воеводу Темкина Ростовскаго, но не смотря на то, что онъ уже давно отдалъ челобитную, архіепископъ до сихъ поръ не отсы-

лаеть ее. «Пожалуй, государь, быть мнѣ въ Москвѣ и я расскажу про злыя неправды воеводы и про злыя дѣла архіепископа. А я французской земли дворянинъ, присланный изъ голландской земли отъ князя Мориса; крестилъ меня ростовскій митрополитъ, а имя мнѣ Сава. Грамота обо мнѣ находится въ посольскомъ приказѣ и въ ней объявится моя службшка» (последнимъ словомъ русскій человѣкъ перевелъ фразу *«mon fidelle service»*). Между тѣмъ ссыльный французъ былъ на свободѣ и оставался совершенно безнаказаннымъ. Второй воевода и дѣяки явно ему покровительствовали, а другой власти надъ нимъ теперь въ Tobольскѣ не было. Въ это дѣло вмѣшались было боярскія дѣти: такъ какъ главный воевода и архіепископъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ не могли сдѣлать ему допросъ, а товарищи не хотѣли, то нѣкоторые изъ боярскихъ дѣтей предлагали поставить Савву Французанина предъ всѣмъ народомъ и распросить его, другіе же кричали, что слѣдуетъ этого «вѣдомаго вора убить или бросить въ Иртышъ». Но Волыскій и дѣяки опять вступились за ссыльнаго, а потому изъ вмѣшательства боярскихъ дѣтей ничего не вышло. Точно также и вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ архіепископъ Нектарій не могъ найти управы въ Tobольскѣ и на Павла Хмелевскаго, обвиненнаго въ самомъ ужасномъ преступленіи. Черезъ годъ послѣ начала дѣла Нектарій жаловался Михаилу Ѳедоровичу: «въ прошломъ году писалъ я на Павла Хмелевскаго за его неистовое жите и что онъ меня богомольца твоего бранилъ всякою неподобною бранью, смилуйся, пожалуй дай оборону»... Не могъ Нектарій найти управы въ Tobольскѣ и на другихъ извѣтчиковъ и разныхъ преступниковъ. Не разъ онъ писалъ государю о защитѣ противъ враговъ и ослушниковъ, не разъ и государь предписывалъ tobольскимъ воеводамъ дать удовлетвореніе архіепископу, но вслѣдствіе вражды воеводъ исполненія этихъ предписаній не было. Это вынудило Нектарія написать Михаилу Ѳедоровичу самую отчаянную челобитную; послѣ разныхъ жалобъ онъ заключилъ челобитную такимъ образомъ: «пожалуй, государь, меня богомольца твоего, вели мнѣ быть въ Ниловой пустыни, или гдѣ ты укажешь, а мнѣ въ Сиби-

ри отъ такихъ заводныхъ доводовъ быть отнюдь невозможно никакими обычаями» ... Только послѣ этого государь указалъ: Савву Французанина выслать изъ Тобольска въ Тюмень, а Павла Хмелевскаго въ Красноярскъ, но съ сохраненіемъ службы и денежнаго и хлѣбнаго жалованья ¹⁾).

Не мало безпокойствъ и непріятностей доставляли Нектарію и монахи тобольскаго знаменскаго монастыря то своимъ «неистовымъ житьемъ», то своими кляузами другъ на друга. Мы выше упомянули, что половина монаховъ этого монастыря состояла изъ разныхъ ссыльныхъ преступниковъ, а изъ одного документа, относящагося ко времени архіепископства въ Сибири Нектарія, оказывается, что большинство этихъ ссыльныхъ были литовцы. Въ Сибирскомъ приказѣ мы нашли «Выпись изъ извѣтнаго дѣла тобольскаго города Знаменскаго монастыря ссыльнаго чернеца Малаха...», которая сообщаетъ въ высшей степени интересныя данныя о ссыльныхъ монахахъ. Малахъ это-тотъ самый чернецъ, который въ 1632 г. присланъ былъ въ Тобольскъ изъ Соловецкаго монастыря за «безчинство и многое воровство». Въ 1637 г. онъ объявилъ за собой государево слово и дѣло и его потребовали къ допросу въ съѣзжую избу. Здѣсь Малахъ сказалъ, что онъ то царское дѣло не скажетъ никому въ Тобольскѣ, а только въ Москвѣ; тогда воеводы спросили извѣтчика «съ пристрастіемъ» и у него языкъ развязался. Прежде всего онъ заявилъ, что вѣдаетъ царское дѣло на ссыльныхъ литовскихъ старцевъ Знаменскаго монастыря—на чернаго попа Гелактіона, келаря Аркадія и на старцевъ Капитона и Михаила. Изъ этого уже видно, какой элементъ господствовалъ въ Тобольскомъ мужскомъ монастырѣ: въ немъ были одинъ черный попъ и одинъ келарь, да и тѣ изъ ссыльныхъ литовскихъ старцевъ. Далѣе Малахъ рассказываетъ воеводамъ слѣдующее. Когда стало извѣстно въ Тобольскѣ, что посланы государевы ратные люди на службу подъ Смоленскъ, то онъ Малахъ сказалъ черному попу Гелактіону: «для чего де въ Знаменскомъ монастырѣ не поютъ молебновъ, чтобъ Богъ поручилъ Смоленскъ государю...» а Гелактіонъ отвѣ-

¹⁾ Ibid.

чалъ — «пошли де государевы люди подѣ Смоленскъ и имъ по ихъ де правдѣ такъ и будетъ и, показавъ ему Малаху въ кельѣ персть, (кукишъ) — вотъ де что имъ будетъ...» «А почему, снова спросилъ Малахъ, Бога не молятъ о государскомъ здоровьѣ?» На это Гелактіонъ отвѣчалъ: «а тебя кто объ этомъ спрашиваетъ?» Малахъ: «получаютъ де они государево жалованье, а за государево многолѣтнее здравіе Бога не молятъ: въ понедѣльникъ, среду и пятницу молебновъ не поютъ противъ того, какъ на Руси это дѣлается». Гелактіонъ: «послали де ратныхъ людей подѣ Смоленскъ патриархъ, да старцевъ сынь (т. е. Михаилъ Ѳедоровичъ), захотѣли де литвы взять — вотъ де что имъ будетъ...» и снова Гелактіонъ показалъ персть въ кельѣ. Малахъ: «Я про эти рѣчи Гелактіона прежде де не посмѣлъ сказать воеводѣ Голицыну, потому что ссыльный человѣкъ, архимандрита же въ то время въ монастырѣ не было, а когда заявилъ о нихъ келарю Аркадію, то Аркадій сказалъ: «чортъ де тебя спрашиваетъ — зналъ бы себя, отъ чорта де ты пріѣхалъ...» Затѣмъ извѣтъ Малаха касается другихъ старцевъ — Капитона и Михаила. «Приносили они отъ Нектарія, рассказываетъ извѣтчикъ, яству попу Гелактіону, котораго Нектарій архіепископъ ссылалъ въ енесейскій острогъ, а Гелактіонъ принялъ яству и поилъ ихъ до вечера, а я въ то время сидѣлъ за монастырскими воротами; Капитонъ и Малахъ выпили къ нему пьяны и Капитонъ сказалъ мнѣ: отца де ихъ духовнаго Гелактіона посылаютъ въ енесейскій острогъ за тебя худаго доводчика, а ты Малахъ забылъ свою вѣру и набрался де русскаго сабачьяго духу. «А старецъ Михаилъ къ этому еще добавилъ: «судилъ де его Малаха Суздальскій архіепископъ Іосифъ и тотъ де своей вѣры не забылъ, а хотѣлъ ѣхать въ Литву и съ нимъ хотѣли же ѣхать ихъ (литовцевъ) человѣкъ десятковъ пять и шесть, да вывернулся такой же доводчикъ, какъ Малахъ, рассказалъ про то и ихъ разослали въ Сибирь...» ¹⁾.

Въ этомъ дѣлѣ упоминается семь литовцевъ, жившихъ въ

¹⁾ А. М. Ю. Счб. Пр. ст. № 81, лл. 390—406.

Тобольскомъ мужскомъ монастырѣ, а другіе документы указываютъ, что такого же происхожденія были и старцы—Нафанаилъ и Герасимъ. Хотя они и принимали православіе, но въ душѣ оставались католиками, съ презрѣніемъ относились къ иноческимъ правиламъ русскихъ православныхъ монастырей и къ самимъ русскимъ, вели безпутную жизнь, а потому никакія мѣры архіепископовъ не въ состояніи были поднять нравственный уровень сибирскихъ монастырей до тѣхъ поръ, пока послѣдніе наполнялись ссыльными.

Вражда къ Нектарію отразилась и на отношеніяхъ къ нему воеводъ другихъ сибирскихъ воеводъ: послѣдніе, такъ же какъ и при Кипріанѣ, начинаютъ вмѣшиваться въ духовныя архіепископскія дѣла, не обращаютъ никакого вниманія на грамоты Нектарія и покрываютъ всякія духовныя преступленія. Особенно возмущало Нектарія то, что воеводы сибирскіе безъ государева указа и безъ сношенія съ ними отпускали изъ Сибири на Русь черныхъ и бѣлыхъ поповъ, въ которыхъ и безъ того была крайняя нужда. Такъ въ 1638 г. архіеп. Нектарій жаловался царю на Мангазейскаго воеводу Бориса Пушкина за то, что онъ «для своей бездѣльной корысти» безъ архіепископскаго вѣдома и безъ государева указа отпустилъ на Русь тамошняго священника. «И нынѣ, государь, писалъ Нектарій, въ Мангазеѣ попа нѣтъ, богомолье стоитъ безъ службы, служилые и всякихъ чиновъ люди умираютъ безъ покаянія и безъ причастія, а младенцы безъ крещенія. Да тотъ же попь Иванъ, которому была приказана мангазейская и туруханская десятина и всякія духовныя и церковныя дѣла, свезъ съ собою на Русь всякія десятинные и церковныя данныя, софійскія сборныя деньги и книги, а въ Сибири попами скудно и послать въ Мангазею некого» ¹⁾. А какъ была велика нужда въ духовенствѣ объ этомъ можно судить уже потому, что въ Сибири рады были всякимъ попамъ—даже ворами и грабителями, лишь бы только они служили въ церкви. Въ подтвержденіе этого можно было привести много данныхъ изъ документовъ сибирскаго приказа,

1) А. М. Ю. Слб. Пр. Ст. № 165 л. 101.

но мы здѣсь упомянемъ о двухъ случаяхъ. Въ 1638 г. игумень верхотурскаго Никольскаго монастыря Іона, заручившись отпускою отъ воеводы, ограбилъ монастырскую казну и убѣжалъ въ Соли-Камскъ. Нектарій просилъ царя отыскать этого бѣглеца и опять прислать въ Сибирь, потому что «игуменами и черными попами скудно»; въ той же грамотѣ онъ писалъ, что и изъ иныхъ сибирскихъ городовъ воеводы отпускаютъ на Русь игуменовъ и бѣлыхъ поповъ ¹⁾. Въ Сибири были и попы—самозванцы, которые никогда не были посвящены въ священническій санъ, а являлись туда подъ именемъ поповъ ради корыстныхъ цѣлей и тѣмъ не менѣе и такими дорожили, если они служили въ церкви. Архіепископъ Нектарій въ грамотѣ къ Михаилу Ѳедоровичу отъ 1639 г. пишетъ про одного мангазейскаго попа слѣдующее. Въ 1635 г. при Макаріѣ пріѣхалъ съ Мезени бѣлый попь Евстафій и служилъ въ Мангазеи, но попадыи не имѣлъ, какъ не имѣлъ и никакого вида и архіепископскаго благословенія на служеніе; въ томъ же году онъ убѣжалъ на Русь. Да и прежде при архіепископѣ Кипріанѣ, тотъ же Евстафій появлялся въ Мангазеи, служилъ нѣкоторое время въ качествѣ попа и затѣмъ убѣгалъ за Камень. Что же это за личность и съ какою цѣлю названный попь почти ежегодно пріѣзжалъ въ Мангазею и также часто бѣгалъ на Русь? Изъ грамоты Нектарія оказывается, что Евстафій «будучи въ Сибири торговалъ соболями и на промыслы соболиные посылалъ отъ себя промышленныхъ людей» ²⁾. Дѣло въ томъ, что съ торговыхъ людей бралась въ казну десятая пошлина какъ за торговлю, такъ за промыслы, а духовныя лица и особенно священники пользовались въ этомъ отношеніи нѣкоторыми привиллегіями. И вотъ, вѣроятно, какой-нибудь торговый чловѣкъ, чтобы воспользоваться этой привиллегіей, назвался попомъ, служилъ въ мангазейской церкви и въ то же время занимался промыслами, а какъ только наловить соболей, то убѣгаетъ на Русь, продаетъ ихъ тамъ и снова появляется въ

1) Ibid. Разб. Столб. № 323.

2) Ibid. Разб. Ст. № 327.

Мангазеи и т. д. Интереснѣе всего то, что Нектарій, хотя и имѣлъ такія свѣдѣнія объ Евстафіѣ, но тѣмъ не менѣе дорожилъ имъ: когда въ 1639 г. этотъ мнимый попъ попросилъ у него отпуска на Русь, то Нектарій не далъ и просилъ царя приказать Евстафію по прежнему служить въ мангазейской церкви, такъ какъ «въ Сибири, государь, попами скудно» и государь указалъ, велѣлъ «тому попу быть въ Сибири».

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы нашли въ разныхъ документахъ о жизни и дѣятельности третьяго сибирскаго архіепископа: никакихъ многихъ «достолавныхъ дѣйствій» Нектарія, о которыхъ говорить Н. Абрамовъ, мы не могли отмѣтить. Совершенно несправедливо предполагаетъ этотъ писатель, что будто бы при Нектаріѣ заведено самостоятельное иконописаніе при архіепископскомъ домѣ и при сибирскихъ монастыряхъ (стр. 79). Иконописцы присылались въ Тобольскъ и Верхотурье изъ Руси по указу государя и притомъ только на время: такъ было при Кипріанѣ, Макаріѣ и никакихъ новостей на этотъ счетъ мы не встрѣчаемъ при архіепископѣ Нектаріѣ. Знаемъ, что при немъ изъ Сольвычегодска и Устюга В. присланы иконописцы, но только на время, для написанія нѣкоторыхъ иконъ ¹⁾. О нихъ Нектарій писалъ Михаилу Теодоровичу: присланные два иконника написали за 38 р. къ Софіи Премудрости Божіей иконы «пядницы» и теперь вели, государь, дать имъ подводы на обратный проѣздъ ²⁾. Но Абрамовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: «хотя тѣло Нектарія далеко погребено отъ Сибири, но имя и память о немъ будутъ незабвенны» ³⁾. Именно потому, думаемъ мы, что съ его именемъ связанъ праздникъ чудотворной иконы Абалакской Божіей Матери—первой мѣстной святыни, столь почитаемой въ Сибири. Въ «Запискахъ къ Сибирской Исторіи» объ установленіи этого праздника находимъ слѣдующее извѣстіе: въ 1636 г. въ 25 день іюля, въ Тобольскѣ явилась одной женѣ пресвятая Богородица съ чудотворцемъ Нико-

¹⁾ Дал. въ А. И. т. IV, № 165.

²⁾ А. М. Ю. Слб. Пр. Разб. Ст. № 324.

³⁾ Странникъ, 1866 г., февр. стр. 70.

лаемъ, повелѣвая сказать о своемъ святомъ явленіи архіепископу, воеводамъ и всѣмъ христіанамъ, чтобъ во имя ея святого, честнаго и славнаго знаменія, которое было въ Новгородѣ, воздвигнули въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Абалакѣ другую церковь подлѣ Преображенія церкви; и потому ея пресвятой Богородицы святому явленію церковь въ Абаласкѣ воздвигнута въ 1637 году; а потому ея святому явленію и образъ былъ написанъ вскорѣ и поставленъ въ той ея новозданной церкви; и были въ то время отъ образа иконы пресвятой Богородицы многія чудеса и до сегодні; и такъ установилось ея празднество ¹⁾. Самый образъ былъ написанъ протодьякономъ Матвѣемъ, тѣмъ самымъ, который прибылъ въ Тобольскъ съ первымъ сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ ²⁾.

Нектарій и четырехъ лѣтъ не пробылъ въ Сибири. Мы упоминали выше, что этотъ архіепископъ съ неохотой ѣхалъ на мѣсто новаго служенія, а прибывъ въ Тобольскъ, онъ особенно долженъ былъ почувствовать тягость своего положенія вслѣдствіе тѣхъ непріятныхъ отношеній, которыя установились между нимъ и тобольскими властями и населеніемъ. Поэтому уже со второго года своего служенія въ Сибири онъ началъ просить Михаила Ѳедоровича объ отпускѣ его въ Нилуву пустынь. Въ 1639 году Нектарій послалъ царю слѣдующую челобитную. «Взять я, ржевскаго уѣзда, Новгородскаго митрополя, изъ Ниловы пустыни и посланъ въ Сибирь въ архіепископы. И я, богомолецъ твой, старъ и боленъ, а постригся въ Нилувѣ пустынѣ тому 39 лѣтъ и отецъ мой духовный игуменъ Герасимъ у престола Господня, въ олтарѣ благословилъ меня и запретилъ съ клятвою, чтобы мнѣ изъ Ниловой пустыни не выйти до смерти живота своего. А будетъ де ты въ кой монастырь или городъ пойдешь жить до своей смерти и не будетъ де на тебѣ милость Божія и мое благословеніе отца твоего духовнаго и въ ономъ вѣкѣ лица

1) Др. Р. Вивл. ч. III, стр. 156.

2) Въ нашей статьѣ «Открытие Тобольской епархіи»... вкратчѣ ошибка: на стр. 21 въ прим. 3 напечатано — «при архіепископѣ Магаріѣ»; читай: «при Нектаріѣ».

Божія не увидишь... Пожалуй меня, богомольца твоего, отпустить изъ Сибири на обѣщаніе мое въ Нилову пустынь ради запрещенія отца моего духовнаго и моихъ различныхъ скорбей и болѣзней»¹⁾... Эта челобитная была уважена и Михайлъ Ѳедоровичъ разрѣшилъ Нектарію оставить Тобольскую каѳедру и возвратиться въ Нилову пустынь. Изъ одной отписки Тобольскихъ воеводъ видно, что Нектарій выѣхалъ изъ Тобольска 1640 г. генваря 8 дня, на подъемъ ему дано 32 подводы»²⁾. Хотя Нектарій и жаловался царю на свою старость и немощь, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ еще не старъ—ему въ 1640 г. было только 52 года и настолько имѣлъ крѣпкій организмъ, что, послѣ оставленія Тобольской каѳедры, прожилъ еще 26 лѣтъ. Прибывъ въ Москву, онъ «сложилъ съ себя святительскій санъ», смиренія ради облекся въ черную мантию и скоро отправился въ Нилову пустынь, которою и управлялъ до самой смерти. Въ 1666 г. онъ по дѣламъ пустыни былъ въ Москвѣ и здѣсь преставился въ Чудовомъ монастырѣ на 79 г. отъ рожденія, завѣщавъ похоронить себя въ столь любимой имъ Ниловой пустыни. «По преставленіи Нектарія, передаетъ одинъ сибирскій лѣтописецъ, тѣло его провожалъ за земляной городъ самъ великій государь и со властями, а въ Ниловъ для погребенія посланъ былъ тверской архіепископъ»³⁾.

V.

Преемникомъ Нектарія на тобольской архіепископской каѳедрѣ былъ Герасимъ. Объ этомъ четвертомъ Сибирскомъ архіепископѣ его біографъ Н. Абрамовъ замѣчаетъ, что «о жизни и дѣйствіяхъ сего преосвященнаго по управленію епархіей не сохранилось ни устныхъ преданій, ни письменныхъ актовъ: преданія отъ времени исчезли; дѣла тобольскаго архіерейскаго приказа, изъ которыхъ можно было извлечь надлежащія свѣдѣнія сторгѣли въ пожаръ 1659 года»⁴⁾. Хотя

1) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. ст. № 322.

2) Ibid. ст. № 303.

3) Др. Рос. Вѣдл. ч., III стр. 162.

4) Странникъ, 1866 г. Авг., стр. 49.

и мы не можемъ похвалиться обиліемъ соотвѣтственнаго матеріала, но тѣмъ не менѣе историческіе документы, извлеченные нами изъ Сибирскаго Приказа проливаютъ яркій свѣтъ на личность архіепископа Герасима и даютъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить о его дѣятельности въ Сибири.

До посвященія въ архіепископа сибирскаго и тобольскаго, Герасимъ жилъ въ одномъ изъ новгородскихъ монастырей—Тихвинскомъ и управлялъ этимъ монастыремъ въ санѣ игумена. Московское правительство преимущественно назначало на тобольскую кафедру уроженцевъ новгородской области: изъ шести первыхъ тобольскихъ архіепископовъ, несомнѣнно, пять принадлежали по рожденію и воспитанію къ Великому Новгороду. Всѣ они отличались высшимъ духовнымъ образованіемъ и за исключеніемъ Макарія обладали твердымъ и энергичнымъ характеромъ. На высшее образованіе архіеп. Герасима указываетъ уже одно то, что онъ получилъ оное въ училищѣ при новгородскомъ архіепископскомъ домѣ, давшемъ московской Руси много просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ людей. И будучи въ Сибири, этотъ святитель не бросалъ книжныхъ занятій: новыя книги, напечатанныя въ Москвѣ немедленно выписывались имъ въ Тобольскъ. Н. Абрамовъ сообщаетъ, что въ библиотекѣ тобольской архіерейской ризницѣ до сего времени хранятся нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ архіеп. Герасиму. «Весьма примѣчательна, говоритъ онъ, рукописная книга, писанная полууставомъ: «Алфавитъ неудоборазумѣваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ словенскаго языка». Она раздѣляется на двѣ части: въ первой грамматика, во второй алфавитъ словъ арабскихъ, армянскихъ, греческихъ, еврейскихъ, египетскихъ, ефіопскихъ, иверскихъ, индійскихъ, польскихъ и проч. и проч., съ изъясненіемъ русскимъ. По нижнимъ полямъ in-fol. рукою преосвященнаго Герасима сдѣлана красивая и твердая надпись: «Сія книга, глаголемая алфавитъ, сибирскаго архіеп. Герасима 1645 г.» Тамъ же въ библиотекѣ ризницы находятся слѣдующія книги, относящіяся ко времени сего преосвященнаго: «четвероевангеліе толковое св. Іоанна Златоуста, напечатанное въ Москвѣ 1640 года; Бесѣды св. Іоанна Златоуста на евангеліе Іоанна, печат. въ Москвѣ 1645 г.; Толкованіе на

четыре евангелиста Теофилакта архіеп. Болгарскаго, печат. въ Москвѣ 1649 г.»¹⁾ Къ этому добавимъ и мы съ своей стороны, что самыя отписки Герасима къ царю и патриарху свидѣтельствуютъ о его образованіи: онѣ писаны хорошимъ тогдашнимъ русскимъ языкомъ и очень толково изложены.

Посвященный въ санъ архіепископа въ 1640 г. 31 мая Герасимъ скоро отправился на мѣсто новаго служенія. Упомянутый Абрамовъ говоритъ, что этотъ архіепископъ «при отправленіи въ Сибирь взялъ съ собою изъ новгородской епархіи нѣсколько ученыхъ монаховъ, какъ для проповѣди Слова Божія инородцамъ, такъ и для обученія юношества и приготовленія священно и церковно-служителей...» Но это не болѣе—какъ вымысль писателя, которому нечего сказать! Изъ одной царской грамоты оказывается, что съ нимъ ѣхали въ Тобольскъ только дворовые люди, въ числѣ коихъ были его близкіе родственники, которые, какъ увидимъ скоро, играли важную роль въ хозяйственной дѣятельности четвертаго сибирскаго архіепископа²⁾.

Герасимъ ѣхалъ въ Сибирь не съ пустыми руками: «на поставленье ему дано съ казеннаго двора на царское мѣсто и патриаршее мѣсто бархатовъ и суконъ по казенной цѣнѣ на 69 руб. 78 коп., да изъ сибирскаго приказа въ займы 1000 р.»³⁾ Путь его въ Сибирь лежалъ чрезъ Коломну, Переяславль Р., Касимовъ, Муромъ, Н. Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, Казань, Лашевъ и Соликамскъ; этотъ путь онъ совершалъ по рѣкамъ на стругѣ «съ чердакомъ, кровлей и передѣлами...», а отъ Соликамска Герасиму велѣно ѣхать сухимъ путемъ до самаго Тобольска. Судя по тому, что Герасимъ прибылъ къ Тобольску 31 дек. 1640 г., а выѣхалъ изъ Москвы еще въ то время, когда былъ водяной путь, можно сказать, что путешествіе его было слишкомъ продолжительно.

1-го января 1641 года Герасимъ торжественно вошелъ въ Тобольскъ и въ тотъ же день, какъ онъ самъ писалъ царю, «въ соборной церкви С. Пр. Б. молебны пѣлъ, воду святилъ,

1) Ibid. стр. 61—62.

2) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 307.

3) Ibid. Разб. Ст. № 310.

литургію служилъ со всѣмъ соборомъ, молилъ Бога за царя, царицу... и пр.»¹⁾).

Съ первыхъ же дней своей жизни въ Tobольскѣ архіепископъ Герасимъ началъ усиленно заниматься хозяйственными дѣлами софійскаго дома. Изъ переписныхъ книгъ «софійской домовою и архіепископскою казны и всякому домовому строенію и въ софійскихъ вотчинахъ казны и всякаго строенія», подписанныхъ самимъ Нектаріемъ и врученныхъ Герасиму видно, что архіепископское хозяйство послѣ Нектарія находилось въ блестящемъ состояніи. Въ виду постоянныхъ жалобъ Герасима на нищету софійскаго дома, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ данными указанныхъ переписныхъ книгъ. Нектарій оставилъ своему преемнику: 3 мантии, 3 шубы, 2 ряски, 2 свитки, 4 шапки, 3 клобука, 200 ар. разныхъ матерій—бархату, атласу, сукна и холста, пять ковровъ, два дорогихъ полстя, нѣсколько паръ сафьянныхъ и телячьихъ башмаковъ и сапогъ, 50 золотыхъ, 4 цѣвки золота, 6 цѣвокъ серебра, разныхъ сосудовъ серебряныхъ 12, два жемчужныхъ ожерелья—мужское и женское, двое часовъ желѣзныхъ съ боемъ, 65 серебр. пуговицъ, разной домовою утвари мѣдной, оловянной и деревянной—654 предмета, въ числѣ этихъ предметовъ, между прочимъ, упомянуто 56 «скорородокъ», т. е. сковородокъ, 33 скатерти и, кромѣ того, «всякой иной мѣдной и желѣзной дворовою посуды»; голову сахару и много разныхъ пряностей и зелей; 20 осетровъ, 9 щукъ вяленыхъ и 2000 свѣжихъ, 1000 карасей, 20 нельмъ и четверть сухихъ снѣжковъ; бочку вина ренскаго, 1½ бочки пива прѣснаго и простаго, бочку меду кислаго въ 43 ведра, 150 пудовъ меду прѣснаго, три пуда воску, одиннадцать пудовъ хмелю и 400 п. соли; разнаго хлѣба въ житницахъ 3858 четв.; коней 29, жеребцовъ 12, кобылицъ 20, три жеребенка, 17 коровъ, два быка и 14 телятъ. Да кромѣ всего этого Нектарій оставилъ 756 ссудныхъ и заемныхъ кабалъ и памятей на пашенныхъ крестьянъ и всякихъ людей, по которымъ Герасимъ могъ взыскать—денегъ 1906 р. и хлѣба 2323 ч. «А денегъ, читаемъ въ переписныхъ книгахъ, ничего не написано—всѣ

¹⁾ Ibid. № 309.

вышли въ расходъ на домовое мельничное строеніе и на пашенныхъ крестьянъ»¹⁾. Прибавьте еще къ этому, что по переписнымъ книгамъ послѣ Нектарія за софійскимъ домомъ значилось тысячи десятинъ земли и 427 крестьянъ и вы увидите насколько основательны жалобы архіеп. Герасима на бѣдность софійскаго дома.

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ Тобольскъ, этотъ архіепископъ послалъ въ Москву протопопа Андрея со святою водою и съ просфорами и съ челобитною «о многихъ софійскихъ домовыхъ нуждахъ». Но царь Михайль Ѳедоровичъ, имѣя подъ руками упомянутыя переписныя книги, съ недовѣріемъ отнесся къ жалобамъ сибирскаго архіепископа на нужды и отвѣтилъ на нихъ молчаніемъ. До насъ дошла челобитная протопопа Андрея, въ которой онъ писалъ, что его уже высылаютъ изъ Москвы въ Тобольскъ, а между тѣмъ государева указа на отписку государева богомольца Герасима о многихъ нуждахъ нѣтъ никакого²⁾. Этого указа и не послѣдовало и посоль Герасима возвратился въ Тобольскъ ни съ чѣмъ. За то послана была къ тобольскому воеводѣ совершенно неожиданная для софійскаго дома царская грамота, которою предписывалось выскать съ Герасима не только заемныя деньги 1000 р., но и за стругъ 39 р. 75 к. и за бархаты и суква 69 р. 80 коп., которыя даны Герасиму «на поставленьѣ» на государево и патріаршее мѣсто³⁾. Это была первая непріятность, послѣдовавшая изъ Москвы для четвертаго сибирскаго архіепископа. Но Московское правительство, кажется, забыло или думало, что софійскій домъ забылъ его собственный долгъ: въ 1639 г. при Нектаріѣ во время страшнаго неурожая въ Сибири, правительство заняло у софійскаго дома 1500 четвер. ржи и 500 ч. хлѣба на жалованье служилымъ людямъ. Объ этомъ долгѣ узналъ Герасимъ, и въ отвѣтъ на царскую грамоту послалъ въ Москву челобитную, въ которой, жалуясь на нищету софійскаго дома, просилъ тѣ заемныя деньги за-

1) А. М. Ю. Сиб. пр. Разб. ст. № 17.

2) А. М. Ю. Сиб. Пр. Разб. Ст. № 312.

3) Ibid. № 310.

честь за хлѣбъ, взятый въ займы казною при архіеп. Нектаріѣ. «А мнѣ, писалъ Герасимъ, платить тѣхъ денегъ нечѣмъ, потому что въ софійской казнѣ послѣ Нектарія денегъ ничего не осталось. Доходы же съ городовъ, остроговъ и съ слободъ собираются въ софійскую казну малые—всего въ годъ дани только 161 р. и тѣхъ денегъ съ великою скудостью едва ставится на домовые расходы»¹⁾. Эта челобитная была уважена, хотя и неполнѣ: тобольскимъ воеводамъ велѣно зачесть архіепископу Герасиму, за заемныя въ Москвѣ деньги хлѣбъ, занятый у Нектарія, разсчитывая четверть ржи по 60 к. и овесъ по 22 к.—всего 1000 р., а остальные 112 р. взять съ Герасима по прежнему указу²⁾. Затѣмъ непріятности для софійскаго дома шли одна за другою: изъ Москвы одинъ за другимъ присылались въ Тобольскъ указы, которыми наносились самыя существенныя удары хозяйственнымъ стремленіямъ новаго сибирскаго архіепископа. Въ 1641 году Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ, чтобы съ 1642 г. хлѣбной руги не давать софійскому дому, а пусть архіепископъ «строится своею пашней». Но еще большее значеніе для софійскаго хозяйства имѣло то распоряженіе правительства, которымъ велѣно было воеводамъ отобрать на государя разныхъ софійскихъ закладчиковъ. Еще въ концѣ 1639 г. туринскіе и посадскіе люди и пашенные крестьяне били челомъ Михаилу Ѳедоровичу, «что въ туринскомъ острогѣ и въ туринскомъ уѣздѣ живутъ на государевой землѣ архіепископскіе закладчики—6 человекъ съ женами и дѣтьми; папшутъ на себя пашню, косятъ сѣно, а государевыхъ людей тѣснятъ и съ своихъ дворовъ и пашенъ денежнаго оброку и выдѣльнаго хлѣба въ государеву казну не платятъ». Въ заключеніи челобитной просили, чтобы эти закладчики «тянули» вмѣстѣ съ ними всякія государевы подати. Въ отвѣтъ на эту челобитную въ концѣ 1640 г. присланъ туринскому воеводѣ указъ, которымъ велѣно тѣхъ закладчиковъ отписать на государя и впредь тѣмъ, которые живутъ на посадахъ, ни чьими закладчиками не называться. Вѣроятно, узнавъ объ

1) Ibid. № 316.

2) Ibid. № 319.

этомъ указѣ, и тобольскіе посадскіе люди жаловались на 14 человекъ софійскихъ закладчиковъ, что послѣдніе живутъ въ Тобольскѣ на государевой землѣ, торгуютъ въ своихъ лавкахъ и на площади, промышляютъ всякими промыслами, а съ ними съ посадскими людьми никакихъ государевыхъ службъ не служатъ и оброку въ казну не платятъ, и затѣмъ тобольскіе челобитчики просили того же, что и туринскіе. Изъ этихъ челобитныхъ, между прочимъ, видно, что положеніе архіепископскихъ закладчиковъ было очень выгодное: заплативши въ домъ Софіи Премудрости Божіей небольшой оброкъ, они уже были свободны отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей. Однако не всегда было такъ, не всѣ архіепископы довольствовались отъ своихъ закладчиковъ однимъ оброкомъ: Герасимъ, отличавшійся особенною страстью къ стяжанію, требовалъ отъ нихъ и другихъ повинностей и смотрѣлъ на софійскихъ закладчиковъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ людей. Тѣ же тобольскіе архіепископскіе закладчики 14 человекъ, о которыхъ упоминается въ челобитной посадскихъ людей, въ концѣ 1641 г. подали царю Михаилу Ѳедоровичу на Герасима слѣдующую жалобу. Упомянувъ въ ней о томъ, что «одни изъ нихъ жаловались за Макарія, а другіе за Нектарія, чтобы они заступались за нихъ во всякихъ обидахъ», челобитчики пишутъ: «Се нынѣ стало невозможнымъ жить за архіепископомъ, притѣсненія и налоги великіе, какъ отъ самаго архіепископа, такъ и его дворовыхъ людей: дѣтей нашихъ берутъ насильно къ себѣ во дворъ, дочерей нашихъ насильно выдаютъ замужъ за своихъ пашенныхъ крестьянъ, а за твоихъ государевыхъ людей отдавать не велятъ, накладываютъ на насъ сиротъ налоги не вмѣру, заставляють насильно пахать свои пашни, архіепископъ торговать не велитъ и изъ Тобольска не пускаетъ, а мы люди торговые, а не пашенные... и отъ тѣхъ притѣсненій, государь, одинъ изъ нашей братіи сбѣжалъ, бросивъ жену и дѣтей, другой, Михалко огородникъ, отъ его мученья удавился, и одного закладчика жена отъ его же архіепископскаго мученья удавилась...» Въ заключеніе этой жалобы закладчики просили жить за государемъ и вмѣстѣ съ посадскими людьми «тянуть службу и тягло». Что въ этой челобитной нѣтъ преувеличи-

ваній, мы не сомнѣваемся: только жестокія притѣсненія Герасима могли заставитьъ закладчиковъ желать измѣненія своего положенія, потому что вообще закладчикамъ и крестьянамъ какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, за софійскимъ домомъ и за монастырями жилось лучше, чѣмъ за государемъ. Воеводы сибирскіе не разъ отписывали царю, что съ Сольвычегодска, Соликамска и др. городовъ приходятъ въ Сибирь крестьяне съ женами и дѣтьми, селятся на государственной землѣ, но сейчасъ же закладываются за архіепископскій софійскій домъ, за монастыри и боярскихъ дѣтей, а на государя пашни не пахутъ и никакихъ податей не платятъ.

Вслѣдствіе приведенной выше челобитной, тобольскому воеводѣ присланъ государевъ указъ, которымъ велѣно тѣхъ закладчиковъ взять въ посадъ и быть имъ за государемъ и вмѣстѣ съ тобольскими посадскими людьми платить казенныя подати и служить всякія государевы службы. Такимъ образомъ софійскій домъ при Герасимѣ лишился 20 закладчиковъ. Но этотъ архіепископъ съ необыкновенной энергіей стремился къ расширенію софійскаго хозяйства и былъ настолько настойчивъ въ своихъ стремленіяхъ, что могъ побороть всякія въ хозяйственныхъ дѣлахъ препятствія—откуда не шли бы послѣднія. Указъ объ отобраніи софійскихъ закладчиковъ подалъ ему поводъ послать Михаилу Федоровичу одну за другой двѣ самыхъ слезныхъ челобитныхъ. Въ одной изъ нихъ Герасимъ писалъ, что ему и его дворовымъ людямъ съ 1642 г. не указано давать хлѣбнаго жалованья, а велѣно заводить свои пашни; но ему заводить пашенъ нечѣмъ и нечѣмъ, такъ какъ у него взято въ Тобольскѣ 14 человекъ и въ Туринскѣ 6 человекъ. Государь смилостивился и велѣлъ выдать софійскому дому хлѣбную ругу и послѣ 1642 г. въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ другой челобитной Герасимъ просилъ, чтобъ государь возвратилъ въ домъ Софіи Премудрости Божіей вышеупомянутыхъ туринскихъ и тобольскихъ закладчиковъ, «чтобъ софійская домовая пашня не залегла, домъ Софіи Премудрости Божіей не оскудѣлъ и чтобъ дворовые люди *отъ голода не разбрелись врозь*». Чѣмъ кончилось дѣло о закладчикахъ, мы не знаемъ. Въ одномъ докладѣ, поданномъ Алексѣю Михайловичу, сказано: «велѣно тѣхъ закладчиковъ взять на госу-

даря, но взяты-ль, того неизвѣстно». Вообще религіозный Михайль Ѳедоровичъ слишкомъ снисходительно относился къ своимъ сибирскимъ богомольцамъ и если иногда издавалъ указы, запрещающіе софійскому дому увеличивать число крестьянъ и количество поземельной собственности. то по первой же челобитной сибирскаго архіепископа немедленно измѣняли оныя. Это ясно будетъ видно, если мы обратимся къ хозяйственной дѣятельности архіепископа Герасима. Въ 1641 г. тюменскаго Преображенскаго монастыря черный попь съ братіей дали вкладъ въ домъ Софіи Премудрости Божіей свою заимку, находящуюся въ тюменскомъ уѣздѣ, по нижнему теченію Туры, за Щучьимъ озеромъ и за рѣчкой Терентьевой, впадающей въ Туру,—заимку въ 150 десятинъ пахотной земли и на 500 копенъ сѣнныхъ покосовъ. По распоряженію тобольскаго воеводы, эти земли были отведены софійскому дому, какъ того желали вкладчики и записаны въ книги. Тогда Герасимъ билъ челомъ государю объ утвержденіи въ правахъ владѣнія тою заимкою. Но въ Москвѣ посмотрѣли на эту уступку иначе, чѣмъ тобольскій воевода. Михайль Ѳедоровичъ, выслушавъ о ней докладъ, рѣшилъ, что Герасимъ «то дѣлаетъ не по дѣлу, что хочетъ имать въ софійскій домъ монастырскія земли—вкладъ, ему владѣть тѣми землями, какими владѣли прежніе архіепископы, а до монастырскихъ земель ему нѣтъ никакого дѣла». На основаніи этого рѣшенія послана (въ 1643 г.) тобольскому воеводѣ грамота, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не отдавалъ вышеупомянутыхъ земель въ домъ Софіи Премудрости Божіей и впередъ *«смотрѣлъ бы накрѣпко, чтобъ никто никакихъ земель архіепископу вновь не давалъ и архіепископъ бы никакихъ земель вновь не захватывалъ»*. Очевидно, правительство поняло, что софійскимъ домомъ просто овладѣла страсть къ стяжанію, къ увеличенію земель безъ всякой надобности; ибо и безъ этой заимки за домомъ Софіи Премудрости Божіей числилось по переписнымъ книгамъ громадное количество поземельной собственности—нѣсколько тысячъ четей. Это—первый указъ, ограничивающій права сибирскихъ архіепископовъ на расширение софійскихъ владѣній въ Сибири. Но это ограниченіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, было только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

Вѣроятно, Герасимъ предвидѣлъ подобный исходъ дѣла въ Москвѣ и, не дожидая онаго, постарался разными средствами укрѣпить за софійскимъ домомъ право владѣнія вкладомъ Преображенскаго монастыря: въ 1642 г. онъ поселилъ на тѣхъ земляхъ 20 семействъ софійскихъ крестьянъ, построилъ тамъ острожекъ и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнавъ же о царской грамотѣ, Герасимъ немедленно, именно въ августѣ 1643 г., послалъ Михаилу Ѳедоровичу челобитную, въ которой, ссылаясь на поселеніе въ новомъ селѣ крестьянъ и на постройку тамъ «государева богомолья», просилъ дать грамоту за красною печатью, чтобъ та земля была крѣпка за софійскимъ домомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же челобитной Герасимъ просилъ, чтобъ и на будущее время государь велѣлъ отводить въ домъ Софіи Премудрости Божіей тѣ земли, какія онъ прищеть, такъ какъ прежней за софійскимъ домомъ мало (!) и его дворовымъ людямъ хлѣба пахать негдѣ. И что же? Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ и указалъ (въ окт. 1643 г.) тобольскому воеводѣ не отнимать у софійскихъ богомольцевъ уступленныхъ тюменскимъ монастыремъ земель, потому что тамъ уже стоитъ «государево богомолье храмъ Покрова Пресвятой Богородицы». Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшія основаніе на лѣвомъ берегу Туры, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Тоболь, слободы Покровской.

Не смотря на царское запрещеніе софійскому дому впредь не увеличивать земель «нѣкоторыми дѣлы», подъ Покровскую слободу отведенъ новый значительный кусокъ земли. Въ 1644 году архіепископъ Герасимъ билъ челомъ государю, что въ 1645 г. государеву богомолью—софійскому дому не велѣно давать хлѣбнаго жалованья и онъ, архіепископъ, теперь заводитъ пашню, чѣмъ бы ему и его дворовымъ людямъ прокормиться и не умереть съ голоду, а подъ Покровскимъ селомъ уступленной тюменскимъ Преображенскимъ монастыремъ земли мало и новыхъ крестьянъ посадить негдѣ. Вслѣдствіе этого Герасимъ просилъ отвести къ этому селу земли и сѣнные покосы, которые лежатъ внизъ по Тоболу, по рѣчкѣ Усалкѣ и по рѣчкѣ Искѣ на обѣ стороны. Государь пожаловалъ. Но въ то же время (дек. 1644 г.) тобольскому воеводѣ

послана подтвердительная грамота, чтобы впредь въ Софійскій домъ и въ сибирскіе монастыри ни русскіе, ни татары, ни остяки никакихъ земель, сѣнныхъ покосовъ и угодій не давали, а какія земли, послѣ этого указа, найдутся за сибирскимъ архіепископомъ, или за сибирскими монастырями городовъ тобольскаго разряда, то отбирать на государя безповоротно и безденежно, и чтобъ тобольскій воевода и другіе воеводы смотрѣли за этимъ «крѣпко на крѣпко». Однако Герасимъ нисколько не смутился и подтвердительнымъ указомъ: онъ привыкъ уже считать такія запрещенія мертвой буквой и зналъ, что слезныя челобитныя отъ «софійскаго государева богомолья» имѣютъ большое вліяніе на религіозныхъ московскихъ государей. Въ слѣдующемъ году едва только Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престоль, какъ Герасимъ билъ ему челомъ, что земля Усть-Ницынской слободы выпахалась, а смежная съ ней земля за р. Моставою около 300 десятинъ пустая и въ дачахъ ни за кѣмъ не была и просилъ отвести въ домъ Софіи Премудрости Божіей эту землю. И государь пожаловалъ и въ то время послалъ указъ, чтобы впредь и т. д. ¹⁾.

Вообще за софійскимъ тобольскимъ домомъ нужно признать большое колонизаціонное значеніе; онъ былъ самымъ энергичнымъ факторомъ въ исторіи заселенія Сибири: Въ какихъ-нибудь 25 лѣтъ послѣ своего основанія этотъ домъ построилъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько слободъ и деревень и населилъ ихъ крестьянами. Правительство уже вступаетъ въ борьбу съ нимъ: ограничиваетъ его право относительно увеличенія земельной собственности и крестьянъ, приказываетъ воеводамъ отбирать отъ софійскаго дома лишнія земли и лишніхъ крестьянъ на государя «безповоротно и безденежно». И тѣмъ не менѣе и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ софійскій домъ, благодаря энергіи архіепископовъ, дѣлаетъ новыя займки, увеличиваетъ годъ отъ году число крестьянъ и находитъ средства укрѣплять за собою пріобрѣтенія, сдѣланныя противъ самыхъ строгихъ царскихъ указовъ. Не всегда эти указы, однако, оставались мертвой буквой: во второй половинѣ 17 в. два раза самимъ дѣломъ отбирались на

¹⁾ См. наше изслѣд. Заселеніе Сибири... стр. 130—135.

государя крестьяне, какъ отъ софійскаго дома, такъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ монастырей. Но уже самый фактъ, что правительству приходилось силой выгонять крестьянъ изъ архіепископскихъ владѣній и сажать ихъ на земляхъ государевыхъ указывать на то, насколько было лучше крестьянамъ жить за софійскимъ домомъ, чѣмъ за государемъ. Мы не нашли переписныхъ книгъ вотчинъ софійскаго дома послѣ Герасима, но судя по его энергичной и настойчивой хозяйственной дѣятельности, можно сказать, что въ дѣлѣ развитія софійскаго хозяйства четвертому сибирскому архіепископу принадлежитъ выдающаяся роль.

Не мало печали и заботъ причинилъ Герасиму пожаръ въ Тобольскѣ въ 1643 г. Съ 13 на 14 августа загорѣлась нагорная часть города и жертвою этого пожара сдѣлались, между прочимъ, софійскій домъ, соборная и двѣ другія церкви, бывшія на архіепископскомъ дворѣ. Герасимъ переѣхалъ жить въ Знаменскій монастырь и началъ заботиться о постройкѣ новаго собора и новаго архіепископскаго дома. Еще въ 1644 г. тобольскому воеводѣ князю Гр. Куракину прислана была грамота отъ Михаила Ѳедоровича, которою велѣно «въ Тобольскѣ послѣ пожарнаго времени воздвигнуть соборную церковь Софіи Премудрости Божіей на старомъ мѣстѣ и въ такую же мѣру, какова была и прежняя церковь, а деньги за лѣсъ и плотникамъ давать изъ казенныхъ тобольскихъ доходовъ» ¹⁾. Изъ того же документа видно, что соборная церковь была заложена именно при воеводѣ Куракинѣ и не позже 1645 г., такъ какъ этотъ воевода въ генв. 1646 г. уже уѣхалъ изъ Тобольска. Поэтому лѣтописецъ сибирскій, на которомъ и основывается Н. Абрамовъ, совершенно несправедливо записалъ, что новый соборъ Софіи Премудрости Божіей заложенъ только 24 мая 1646 г. ²⁾. Соборъ строился долго, болѣе четырехъ лѣтъ и освященъ только 13 авг. 1648 г.; одновременно съ нимъ началась постройка и архіепископскаго дома, но когда она окончена—мы этого не знаемъ. Новый соборъ имѣлъ два предѣла в 13 главъ, а величина его, вѣроятно,

1) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 246, л. 279.

2) Странникъ 1866 г. авг., стр. 31; Др. Рос. Ввѣл. ч. III, стр. 173.

была такая же, какъ и прежняго, построеннаго Кипріаномъ, но мѣсто для него выбрано иное, вопреки царской грамотѣ 1644 г. Воевода Гагаринъ и архіепископъ Герасимъ въ 1646 г. отписывали въ Москву, что новая церковь Софіи Премудрости Божіей заложена на томъ мѣстѣ, гдѣ до пожара находилась церковь Спаса Нерукотвореннаго; «а на прежнемъ церковномъ мѣстѣ той соборной церкви поставить было нельзя за тѣсно-тою и потому, что съ прежняго мѣста не было выхода къ площади» ...

Дальнѣйшія наши свѣдѣнія о четвертомъ сибирскомъ архіепископѣ касаются уже его отношеній къ тобольскимъ воеводамъ, софійскимъ дворовымъ людямъ и т. п. Предъ нами лежатъ нѣсколько документовъ изъ Сибирскаго приказа— царскія грамоты, отписки самого Герасима, извѣты на него разныхъ людей; въ нихъ мы находимъ о жизни этого архіепископа интересныя свѣдѣнія, которыми и подѣлимся съ нашими читателями. На основаніи этихъ историческихъ данныхъ мы можемъ сказать, что Герасимъ не пользовался уваженіемъ тобольскаго населенія; онъ самъ не разъ жаловался царю и патриарху на вражду къ себѣ воеводъ, софійскихъ дворовыхъ людей, старцевъ и тобольскихъ жильцевъ. И нужно замѣтить, что причины этой вражды въ значительной степени лежали въ самомъ архіепископѣ. Несомнѣнно—Герасимъ былъ человѣкомъ жестокаго нрава. Мы выше упоминали о жалобѣ софійскихъ закладчиковъ на жестокости Герасима, послѣдствіемъ чего были даже самоубійства нѣкоторыхъ изъ нихъ, и высказали основанія—почему этой жалобѣ слѣдуетъ вѣрить. Другіе документы подтверждаютъ тоже самое. Напр. протодьяконъ соборной церкви Матвѣй Мартыновъ, тотъ самый, который написалъ св. икону Абалакской Божіей Матери, за обмолвку при произнесеніи многолѣтія государю былъ посаженъ Герасимомъ на цѣпь въ мукосѣйню и только по случаю дня ангела царя Алексѣя Михайловича былъ наконецъ помилованъ. Это наказаніе нужно считать слишкомъ жестокимъ, именно потому, что протодьякону Матвѣю, какъ отписывалъ царю самъ Герасимъ, въ это время было болѣе 80 лѣтъ и такому дряхлому старику естественно было сдѣлать обмолвку— произнести на многолѣтіи вмѣсто имени царя Алексѣя, имя

покойнаго государя. На жестокость Герасима жаловались софійскіе дворовые люди и даже сами воеводы. Григорій Куракинъ съ товарищами предъ самымъ отъѣздомъ изъ Тобольска послалъ царю двѣ челобитныхъ, въ которыхъ жаловался на поведеніе архіеп. Герасима. Мы не нашли этихъ документовъ въ архивѣ, но о смыслѣ жалобъ воеводъ можно судить по челобитнымъ царю самого архіепископа. Въ одной изъ нихъ Герасимъ, упомянувъ о «доводныхъ воровскихъ статьяхъ», которыя на него взводятъ, замѣчаетъ: «а я твой, государевъ богомолецъ, и въ молодыхъ лѣтахъ будучи и въ мѣрѣ живучи никакихъ воровскихъ статей не держался и не за какимъ дурномъ не хаживалъ, а теперь, государь, уже къ старости приближаюсь, такъ какое мнѣ дурно дѣлать, или помыслить про тебя государя, или какое иное безчиніе заводить?...» Далѣе Герасимъ пишетъ, что онъ уже пятый годъ терпитъ въ Сибири всякое безчестіе и позоръ отъ разныхъ крамольниковъ и если до сего времени не билъ челомъ государю на тѣхъ воровъ, то надѣялся, что они укротятся и перестанутъ сочинять «воровскіе злые заводы»; между тѣмъ они еще больше прежняго вооружились противъ него и всячески позорятъ, безчестятъ и напрасно оглашаютъ... Теперь «терпѣніе стало уже не въ мѣру: по вся дни отъ ихъ воровскихъ умысловъ угрозъ зѣло стражду и мучусь въ великой скорби и печали: земля дальняя, а люди, государь, своеобразные и тяжкосердые—все ссыльные, стражду отъ нихъ аки овца посреди волковъ...»¹⁾ На эту челобитную государь отвѣчалъ, что Герасимъ не упоминаетъ именъ тѣхъ, которые его безчестятъ, не упоминаетъ ихъ воровскихъ дѣлъ и преступленій и когда онъ объ этомъ напишетъ, то на этотъ счетъ будетъ указъ...²⁾ Изъ другой челобитной Герасима видно, что воеводы жаловались царю на его «жестокое смиреніе» разныхъ чиновъ людей. Въ оправданіе свое этотъ архіепископъ пишетъ: «никому, государь, отъ меня, твоего государева богомольца, жестокаго смиренія не бываетъ, никого ничѣмъ я не оскорбляю: а если и доводится кого посмирить

1) А. М. Ю. Сяб. Пр. Столб. № 139, л. 269.

2) Ibid. л. 723.

за неистовство. да и то съ пощадою, а не жесточно...» Писались на Герасима и иного рода извѣты. Такъ чернецъ Герасимъ обвинялъ архіепископа въ томъ, что онъ мирволить нѣкоторымъ своимъ дворовымъ людямъ и особенно родственникамъ, которые, опираясь на его высокое покровительство, дѣлають всякія беззаконія: родной братъ Герасима, Гаврило Черницынъ билъ чернаго дьякона Андріана «пинками и ослопами» за то, что зналъ про духовныя дѣла Герасима; племянники архіепископскіе—дьякъ его Иванъ Манзинъ (Мильзинъ вѣрнѣе), да Гавриловъ сынъ Степанъ Черницынъ безпрестанно курятъ у себя вино и продають его всякимъ людямъ; дворовый челоуѣкъ Андрюшка Хлепня держитъ у себя табакъ, самъ пьетъ (курить) его и продаетъ другимъ; архіепископскіе дворовые люди Алешка Нѣмой, да Васька Соснинъ покрали въ Знаменскомъ монастырѣ монастырскую казну и съ тою кражей были пойманы, но старцы Знаменскаго монастыря, опасаясь архіепископа, тѣхъ воровъ въ сѣзжую избу не водили... «А тѣхъ воровъ архіепископъ взялъ къ себѣ,—Ваську Соснина назвалъ себѣ сыномъ и поставилъ его дьякономъ, а другаго вора Алешку держитъ у себя въ хлѣбнѣ и никакого наказанія имъ не учинилъ... да и другіе архіепископскіе дворовые люди воровали на посадѣ въ Тобольскѣ въ разныхъ мѣстахъ, а онъ Герасимъ, вѣдая ихъ воровство, потакаетъ имъ въ томъ и за нихъ стоитъ...»¹⁾ Дѣйствительно Герасимъ прибылъ въ Тобольскъ не одинъ, а съ цѣлымъ родомъ—и племенемъ и, можетъ быть, въ этомъ, помимо личныхъ недостатковъ, заключалось его несчастіе: его родственники были люди жадные и не брезгали никакими средствами, чтобы нажиться. Герасимъ не могъ быть строгимъ и справедливымъ къ нимъ: онъ жилъ на чужой сторонѣ среди людей, по его выраженію, «своеобычныхъ и жестокосердыхъ»; нуждался въ ихъ поддержкѣ въ разныхъ дѣлахъ, а они, опираясь на его защиту, злоупотребляли своимъ положеніемъ, притѣсняли другихъ и вели разгульную жизнь. И если Герасимъ, какъ мы видѣли, отличался страстью къ стяжанію, то очевидно—ему было для кого собирать богат-

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139, лл. 481—484.

ство. За то несомнѣнно, что родственники Герасима своимъ поведеніемъ въ значительной степени подрывали его нравственный авторитетъ и возбуждали противъ него гнѣвъ у другихъ жителей Тобольска. Правую руку у этого архіепископа былъ его племянникъ Ивашка Мильзинъ: онъ завѣдывалъ всѣми хозяйственными дѣлами и дворовыми людьми и былъ дьякомъ въ архіепископскомъ приказѣ. Но что за человекъ Мильзинъ? Объ этомъ мы можемъ судить по одной челобитной къ царю преемника Герасима, архіепа. Симеона. Нужно замѣтить, что послѣ смерти Герасима, Тобольская кафедра оставалась незанятою полтора года и во все это время Мильзинъ управлялъ архіепископскимъ софійскимъ домомъ. Когда же прибылъ въ Тобольскъ Симеонъ, то онъ нашелъ домъ Софіи Премудрости Божіей совершенно ограбленнымъ: «хлѣбъ всякій, жаловался Алексѣю Михайловичу Симеонъ, медъ прѣсный и вино горячее, всякія питья и всякую посуду разносилъ къ себѣ и съ племенемъ и друзьями всякимъ софійскимъ добромъ дѣлился; да кромѣ того онъ Мильзинъ приходилъ съ друзьями и племенемъ, съ женами въ архіепископскій домъ, пили, ѣли и прохлаждались въ архіепископскихъ кельяхъ и вслѣдствіе этого такъ разорилъ софійскій домъ, что я, богомолецъ твой, по пріѣздѣ въ Тобольскъ не нашелъ никакой посуды ни въ кельяхъ, ни въ поварнѣ и нечѣмъ было воды зачерпнуть, а денегъ въ казнѣ не осталось ни одной деньги...»¹⁾

Мы привели историческія свѣдѣнія далеко не въ пользу Герасима и которыя рисуютъ его съ дурной стороны. Правда, къ извѣтамъ на сибирскихъ архіепископовъ нужно относиться осторожно и критически: эти документы въ большинствѣ случаевъ и малой доли не заключаютъ въ себѣ правды. Но если мы иначе относимся къ извѣтамъ на Герасима, то, между прочимъ, и потому, что имъ вѣрили и царь и патріархъ. Получивъ вышеупомянутыя отписки тобольскихъ воеводъ о поведеніи Герасима, патріархъ Іосифъ, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, писалъ къ этому архіепископу, чтобы онъ «впредь отъ такого дурна унялся». Значитъ, въ Москвѣ вѣрили въ «нейстовое поведеніе» Герасима, если сочли нуж-

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 100.

нымъ дѣлать ему такое рѣзкое замѣчаніе! Между тѣмъ какъ извѣты на другихъ архіепископовъ большею частію кончались тѣмъ, что правительство выдавало имъ этихъ извѣтчиковъ головою. По всему видно, что Герасимъ не пользовался уваженіемъ такъ же и въ Москвѣ, какъ и въ Tobольскѣ: его предшественники часто получали отъ царя и патріарха награды и подарки въ видѣ драгоценныхъ паногъ и крестовъ, мантий, рясы, шубъ и т. п., но Герасима въ этомъ отношеніи совершенно обходили.

По поводу грамоты патріарха Іосифа, Герасимъ написалъ царю Алексѣю Михайловичу объясненіе; оно очень пространно, а потому мы приведемъ здѣсь только болѣе интересныя мѣста изъ него. Сначала Герасимъ говоритъ о причинахъ ссоры его съ воеводами: послѣдніе ради своей бездѣльной корысти начали вмѣшиваться въ духовныя архіепископскія дѣла, а онъ за это укорялъ ихъ, говорилъ имъ, что они дѣлаютъ то «насилъствомъ» противъ царскихъ указовъ, а воеводы на такіе указы отвѣчали жалобами царю на неистовое житіе архіепископа. «А мое грѣшное житіе, пишетъ Герасимъ, извѣстно всему софійскому собору и софійскимъ дворовымъ людямъ... Не мною то, государь, грѣшнымъ началось и не мною кончится, что злокозненный врагъ супостать душъ нашихъ изначала и безпрестанно воюетъ на христіанскій родъ, а паче же на нашъ духовный чинъ своими злокозненными различными ухищреніями и ни одинъ архіепископъ въ Сибири отъ такихъ воровъ и крамольниковъ и ложныхъ извѣтчиковъ не пробылъ безъ позору и безъ оглашенія...» Затѣмъ Герасимъ говоритъ, что писались такіе извѣты на Кипріана и на Нектарія, а если на Макарія они не извѣщали своихъ ложныхъ заводовъ, такъ потому, что не смѣли: «боялись большаго страху и жестокаго наказанія блаженной памяти отца твоего Мих. Ѳед. и дѣда твоего патріарха Филарета Никитича, что они государи такихъ воровъ и крамольниковъ на святительскій чинъ не попускали...». «А Нектарій архіепископъ, поживъ въ Сибири немногое время и узнавъ ихъ злонравные обычаи, воровскіе, бездѣльные и всякіе ихъ крамольные заводы, упросилъ у государя милости: по государеву жалованью уклонился отъ ихъ воровскихъ за-

водовъ въ монастырь на свое обѣщаніе... А такихъ, государь, воровъ и крамольниковъ и ложныхъ составщиковъ, какъ въ твоей дальней отчинѣ въ Сибири, нѣтъ нигдѣ во всей твоей государевой державѣ». Въ заключеніе этого объясненія архіеп. Герасимъ просилъ государя не вѣрять отпискамъ воеводъ, а «про мое всякое неистовство вели, государь, сыскать въ Тобольскѣ всѣмъ священнымъ чиномъ и всякими жилецкими людьми тобольскаго города, опричь воровъ и крамольниковъ...»¹⁾. Но правительство равнодушно отнеслось къ этому объясненію и не дѣлало «сыска», какъ того требовалъ Герасимъ.

Слѣдуетъ также замѣтить, что архіеп. Герасимъ, страстно занятый хозяйственными дѣлами, кажется, съ небреженіемъ относился къ своимъ архіерейскимъ дѣламъ. Его предшественники то и дѣло жаловались царю на недостатокъ духовенства въ Сибири и почти ежегодно били челомъ о присылкѣ священниковъ изъ другихъ русскихъ епархій. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ со стороны Герасима. Его отписки къ царю наполнены или жалобами на воеводъ, боярскихъ дѣтей, дворовыхъ людей, или объясненіями по поводу извѣтовъ на него разныхъ лицъ, или извѣщеніями «о смиреніи» того или другого виновнаго въ духовномъ дѣлѣ тюрмой, муко-сѣйней, батогами и пр., но просьбъ о присылкѣ священниковъ совершенно не встрѣчаемъ. И не слѣдуетъ думать, что въ архіепископство Герасима Сибирь въ этомъ отношеніи была удовлетворена. Преемникъ его Симеонъ едва только прибылъ въ Тобольскъ, какъ началъ уже жаловаться на недостатокъ черныхъ и бѣлыхъ поповъ въ сибирской епархіи и просилъ выслать ихъ изъ Руси. Но и въ отпискахъ Герасима мы находимъ много интересныхъ свѣдѣній касательно нравовъ тогдашняго сибирскаго населенія. Такъ въ 1645 г. была ему челомъ «дѣвка Авдотьяца на отца своего Богдашку-ссылнаго съ Костромы посадскаго человекка въ томъ, что тотъ отецъ ея требуетъ отъ ней, чтобъ она жила съ нимъ блуднымъ грѣхомъ и нѣсколько разъ тащилъ ее на постель и хотѣлъ изнасиловать, а въ противномъ случаѣ угрожалъ

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 246, лл. 226—232.

выдать ее замужъ за зерщика». Свидѣтели вполнѣ подтвердили показаніе Авдотьицы. Сообщая объ этомъ дѣлѣ патріарху, Герасимъ просилъ отъ него указа, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ съ Авдотьицей и ея виновнымъ отцомъ. Хотя это дѣло духовное, но патріархъ Іосифъ почему-то не рѣшился постановить своего рѣшенія, а отослалъ дѣло въ царскій приказъ. На оборотѣ отписки Герасима мы находимъ слѣдующее интересное рѣшеніе этого дѣла... «Сент. 8 д. по патріаршей отписки государю царю Ал. Мих. докладывалъ бояринъ и дворецкій князь А. М. Лыковъ, и того жъ дня государевымъ царевымъ... словомъ приказалъ бояринъ и князь Н. И. Одоевскій дьяку Гр. Протопопову написать къ тобольскимъ воеводамъ государеву... грамоту и велѣть: того Богдашку за воровство и безчинство бить кнутомъ по торгамъ нещадно и послать въ тюрьму; а дочери его Авдотьицѣ дать изъ тобольскихъ казенныхъ доходовъ три рубли денегъ и выдать её замужъ, за кого она похочетъ...»¹⁾ Въ одной отпискѣ Герасима читаемъ слѣдующее: «Въ 1645 г. дьяконъ соборной церкви Кирилко Ивановъ хотѣлъ зарѣзать въ Тобольскѣ посадскаго человѣка Пятого, но потомъ повинился тому Пятому и написалъ своею рукою письмо, а въ письмѣ написано: память мнѣ дьякону Кирилу, что хотѣлъ зарѣзать посадскаго человѣка Пятого съ его братомъ Ортюшкою и нынѣ я дьяконъ Кирилъ его Пятого зарѣзать не хочу и впредь мнѣ дьякону на него никакого дурна недумать; то письмо дьяконово Пятой подалъ въ съѣзжую избу твоимъ гос. воеводамъ...» Вслѣдствіе жалобы Пятого тобольскіе воеводы отдали дьякона «за пристава». Но за виновнаго вступился его отецъ соликамскій священникъ Иванище Елизарьевъ и прислалъ Герасиму въ Тобольскъ грозное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «отпусти къ намъ въ Соликамскъ сына нашего Кирила, поигрался нашимъ сыномъ—да время пожаловать, знай, что и ты святитель не ангелъ и намъ Господь Богъ поможетъ и государь пожалуетъ и добрые люди вступятся, а только не отпустишь, то и тебѣ не легче будетъ

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 1183.

нашего, *тогда и мы станемъ отдаіе празднику сотворятъ...* ¹⁾. Интересна отписка Герасима относительно послѣдняго остяк-скаго кодскаго князя Дмитрія Алачева. Его отецъ Михаилъ, сынъ Игичея, принявши христіанскую вѣру, пристроилъ въ своей вотчинѣ Кодѣ церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовалъ туда разные священные сосуды и книги; на серебряномъ потирѣ была даже надпись, что сереб. сосуды даны въ церковь Ж. Тр. кн. Михаиломъ Алачевымъ 1629 г. 1-го сент. Самъ Михаилъ постоянно жилъ въ Тобольскѣ и здѣсь построилъ церковь во имя Живон. Тр.; онъ и умеръ въ этомъ городѣ. Его сынъ Дмитрій, отправившись однажды въ Коду, ограбилъ тамошнюю церковь, которая долгое время оставалась безъ пѣнія за отсутствіемъ священника, а затѣмъ началъ распродавать въ Тобольскѣ разные священные сосуды и книги. Объ этомъ-то дѣлѣ и сообщаетъ царю въ своей отпискѣ архіеп. Герасимъ. «Въ нынѣш. 1644 г., писалъ Герасимъ. вѣдомо мнѣ учинилось, что князь Дмитрій пограбя въ церквахъ Божіихъ отца своего церковные сереб. сосуды и служебныя книги, началъ продавать ихъ въ Тобольскѣ. Я велѣлъ ему принести то церковное строеніе къ себѣ посмотреть будто для купли и онъ принесъ—потиръ, три блюда, звѣзду, копіе и лжицу, да книгъ печатныхъ—12 миней, 2 октая, а тріоди—постную и цвѣтную продалъ самаровскимъ ямщикамъ. И тѣ сосуды, книги я взялъ и положилъ въ софійскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смѣлъ, чтобъ онъ кн. Дмитрій не осквернилъ, не продалъ бы ихъ иновѣрцамъ; русскимъ же людямъ тѣхъ сереб. сосудовъ вымѣнить некому, потому что въ Сибири люди все бѣдные и мѣста церковныя все скудныя...» На эту отписку Герасима послѣдовалъ изъ Москвы такой указъ. «Велѣно изъ Сибири кн. Дмитрія Мих. Алачева съ матерью, женой и дѣтьми отпустить въ Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать въ Коду, въ церковь Живоначальной Троицы...» ²⁾. «И съ того времени, замѣчаетъ сибирскій лѣтописецъ, князь Дмитрій

1) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 240, лл. 212—220.

2) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 134, л. 20—25.

въ Сибирь не бывалъ, въ Москвѣ и скончался, бывъ у великаго царя въ стольникахъ; а вмѣсто Кюды дана ему вотчина Лена, на р. Вычегдѣ, близъ Яренскаго городка¹⁾.

Въ заключеніе нашей статьи о четвертомъ сибирскомъ архіепископѣ считаемъ нужнымъ еще сказать, что Герасимъ оставилъ въ Сибири память по себѣ не только книгами, принадлежавшими ему и хранящимися до сего времени въ Тобольскѣ, но и нѣкоторыми другими предметами. Этотъ архіепископъ занимался иконописаніемъ и плодомъ этихъ занятій былъ образъ Св. Николая, писанный Герасимомъ въ 1645 г., хранится до сего времени въ междугорскомъ Ивановскомъ монастырѣ. «Изъ церковныхъ и архіерейскихъ принадлежностей, оставшихся послѣ архіепископа Герасима, сообщаетъ Н. Абрамовъ, сохраняются до настоящаго времени въ тобольской архіепископской ризницѣ: потиръ и дискосъ серебряные, подъ золотомъ съ вырѣзкою на нихъ: лѣта 7156 (1648) устроенъ бысть сей святой потиръ и дискосъ во св. соборной и апостольской церковь Софіи Премудрости Божіей въ богохранимомъ градѣ Тобольскѣ, по вѣрѣ смиреннаго Герасима архіепископа сибирскаго и тобольскаго, на память своея души и своихъ родителей. Вѣсу 6 ф. 21 зол.; панагія однозолотая, съ вырѣзкою на ней: лѣта 7150 (1642 г.) мая въ 20 день смиренный Герасимъ, милостію Божіей архіепископъ сибирскій и тобольскій. Въ этой панагії 132 разныхъ дорогихъ камней, въ числѣ ихъ 20 алмазовъ и одинъ изумрудъ²⁾.

Умеръ Герасимъ въ 1650 г. О его кончинѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: «16 іюля, во вторникъ въ восьмой часъ дня преставился въ Тобольскѣ преосвященный Герасимъ; а былъ на своемъ святительскомъ престолѣ въ Тобольскѣ несъѣздно 9 лѣтъ и полтретья мѣсяца. А погребеніе Герасиму было Симеономъ архіепископомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ въ 1652 г. мая 13 дня³⁾.

П. Буцинскій.

1) Др. Росс. Вивл., ч. III, стр. 166.

2) Страницы 1866 г. февр., стр. 61.

3) Др. Рос. Вивл., ч. III, стр. 178.

РЕАЛИЗМЪ И ИДЕАЛИЗМЪ *).

Можно сказать, что со времени Канта, все усиліе философіи сосредоточилось на разрѣшеніи проблемы объективности знанія. Кантъ далъ этой проблемѣ самую точную и ясную формулу, выразивъ ее слѣдующимъ образомъ: Какъ объяснить согласіе природы и мысли, субъекта и объекта? Всѣ признаютъ то, что существуютъ двѣ вещи, противоположныя одна другой: съ одной стороны субъектъ — познающій духъ; съ другой — объектъ познаваемый міръ. Какимъ образомъ субъектъ познаетъ объектъ такимъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ? Какимъ образомъ объектъ именно таковъ, какимъ мы его мыслимъ? Логика говоритъ, что истина заключается въ сообразности познанія съ его объектомъ; какъ можетъ существовать эта сообразность? Вотъ проблема, которая со времени Давида Юма до Гегеля, и со времени Гегеля до нашихъ дней, занимала всѣхъ философовъ и раздѣлила ихъ на двѣ великія школы реалистовъ и идеалистовъ.

Въ чемъ состоятъ рѣшенія этихъ двухъ школъ? Къ этому то мы тотчасъ и приступимъ, но сначала вникнемъ хорошо въ самую проблему.

Согласіе дѣйствительности и мысли есть истина, въ которой никто не сомнѣвается, хотя и потребовалось много вѣковъ для того, чтобы замѣтить его. Здравый смыслъ, наука и философія—все основано на этомъ согласіи.

Сначала обратимъ вниманіе на здравый смыслъ: жизнь практическая возможна только въ томъ случаѣ, если предпола-

*) Изъ «Revue Philosophique». 1891. Février. L'article de Paul Janet.

гать согласіе дѣйствительности съ разумомъ, т. е. если предполагать, что природа разумна и дѣйствуетъ сообразно законамъ нашего разума, что она не противорѣчитъ себѣ, что она не бессмысленна и не безумна. Какъ же бы мы могли, съ увѣренностью жить въ своихъ домахъ, ходить по землѣ, не боясь, что она провалится подъ нашими ногами, какъ бы мы могли пользоваться водою, огнемъ и самыми опасными веществами, если бы не знали заранѣе, что они всегда дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ, и сообразно законамъ, открытымъ опытомъ и разумомъ? Итакъ, въ природѣ, въ каждый часъ дня, прошедшее даетъ намъ увѣренность въ будущемъ, и вещи обнаруживаютъ себя въ согласіи съ нашими выводами. Если же иногда и бываютъ ошибки и неожиданности, но эти неожиданности относятся къ той части явленій, которыя мы могли бы предвидѣть, но которыя вслѣдствіе ихъ рѣдкости и случайности пренебрегаются нами. «Сколько вещей, говоритъ Паскаль, дѣлаемъ мы для неизвѣстнаго, когда отправляемся въ море!» Иногда даже, предвидя опасность, мы презираемъ ихъ по неблагоразумію, но тутъ виновата не природа, а наше собственное легкомысліе, которое противится предупрежденіямъ опыта и разума. Часто случается также, что и разумъ ошибается, предполагая вещи, въ природѣ несуществующія; но это происходитъ не отъ несогласія разума съ природой, но оттого, что мы сами становимся въ несогласіе съ законами нашего собственного разума, который если тщательно провѣренъ, и если только мы умѣемъ пользоваться имъ, никогда не можетъ обманывать насъ.

Наука, въ свою очередь, извлекаетъ изъ того же убѣжденія увѣренность въ своей непогрѣшимости. Даже въ чисто-феноменальномъ мірѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ чѣмъ-нибудь рациональнымъ.

Говорятъ постоянно о скоротечности, подвижности и непостоянствѣ явленій, а между тѣмъ, даже явленіе возникаетъ такимъ, какъ оно есть, только при условіи существованія чего либо организованнаго и разумнаго, потому что, если бы въ тотъ моментъ, когда мы его наблюдаемъ оно было бы не тѣмъ, чѣмъ есть, то было бы невозможно ни наблюденіе, ни самое явленіе. То, что мы называемъ явленіемъ и воспринимаемъ

своими чувствами, есть уже правильная и систематическая группа явленій болѣе простыхъ. Радуга есть составное сложное явленіе, но могущее быть математически разложено на элементарныя явленія; свѣтовая волна есть результатъ соединенія и сдѣвленія безчисленнаго числа малыхъ колебаній; и такъ разумъ существуетъ вездѣ, до безконечности, и даже проникаетъ въ самые простые элементы міровой ткани, если она есть.

Но это еще не все: мы дѣлаемъ наблюденія не наобумъ. Всякій наблюдатель избираетъ предметъ своихъ наблюденій. Если онъ дѣлаетъ наблюденія надъ жидкостью въ трубкѣ, то обратитъ свое вниманіе на какое-нибудь одно явленіе, такъ на примѣръ, на капиллярность, и устранитъ все остальные. Итакъ, явленія природы образуютъ извѣстныя серіи, могущія быть раздѣленными одна отъ другой, для того, чтобы быть сообразными съ анализомъ нашего разума. Изъ классификацій, еще ранѣе нами изобрѣтенныхъ, существуютъ уже отдѣльные классы явленій, распредѣленные въ извѣстномъ порядкѣ; и это особенно замѣтно въ классификаціи органическихъ существъ.

Опытъ еще осязательнѣе обнаруживаетъ ту истину, что природа разумна, или, если хотять—умна, логична. На примѣръ, что такое процессъ, который мы называемъ опытнымъ изслѣдованіемъ? Это есть, по опредѣленію Клода Бернара, повѣрка гипотезы; заключеніе, выведенное сначала изъ этой гипотезы какъ изъ принципа, есть заключеніе разсужденія. Производя опытное изслѣдованіе, мы заставляемъ природу выводить своими силами это заключеніе. Эта, если можно такъ выразиться, рациональность природы еще болѣе поразительна въ приложеніи къ природѣ математики, особенно въ астрономіи и въ физикѣ. Въ астрономіи вычисленіе а priori опредѣляетъ мѣсто, гдѣ должна быть открыта планета, и дѣйствительно планета появляется въ назначенное время въ указанномъ мѣстѣ. За нѣсколько лѣтъ ранѣе опредѣляютъ минуту и секунду прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца, и правительства всей вселенной, ни мало не сомнѣваясь въ исполненіе предсказанія науки, назначаютъ суммы для ученыхъ экспедицій. Въ физикѣ, въ той ея части, гдѣ прикладывается математика,

даже почти не нужно видѣть самаго явленія. Отдаленнѣйшія осложненія могутъ быть вычислены заранѣе, и опытъ подтверждаетъ это предвидѣніе науки. Такимъ образомъ физика уподобляется геометріи, такъ что можно умственно представить себѣ абсолютную науку природы, которая, для своего построения, не нуждается въ самой природѣ. Это-то и было мечтой нѣмецкихъ идеалистовъ, но достигнуть ее можно не тѣмъ путемъ, который они себѣ избрали.

Между природой и разумомъ существуетъ не только согла-сіе, но аналогія, сходство и сродство.

Природа не только повинуется законамъ нашего разума, подтверждаетъ наши заключенія и вычисленія (что указываетъ на существованіе въ ней чего-то логическаго и рациональнаго); болѣе того, она обнаруживаетъ умъ сходный съ нашимъ, она, повидимому, поступаетъ съ такимъ же искусствомъ, которое было бы употреблено нашимъ собственнымъ умомъ, въ случаѣ, если бы онъ пожелалъ создать природу. Природа, говорилъ Аристотель, это артистъ, который дѣйствуетъ внутри, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать извнѣ. «Еслибы, говорилъ онъ, корабельное искусство заключалось въ самомъ кораблѣ, то оно поступало бы такъ же какъ поступаетъ природа». Итакъ въ природѣ заключается искусство, равно какъ и въ умѣ заключается механизмъ. Умъ (духъ) не знаетъ какъ онъ думаетъ, а природа не знаетъ какъ она поступаетъ; умъ (духъ) имѣетъ свои привычки и инстинкты, которые даютъ ему видѣ, что онъ поступаетъ такъ же слѣпо, какъ и природа. Въ духѣ (умѣ) есть природа, такъ же какъ и природа есть духъ (умъ). Наконецъ, эстетическое чувство можетъ служить намъ доказательствомъ сродства и сходства природы и души. Природа по истинѣ можетъ говорить съ тѣмъ, кто умѣетъ чувствовать ее. Она имѣетъ душу и жизнь; она покоряетъ, восхищаетъ, заставляетъ любить себя, и способна, повидимому, любить въ свою очередь. Итакъ, между природой и духомъ существуетъ не только сходство, но и родственная связь.

Такимъ образомъ, связь природы и духа есть неоспоримый фактъ. Но проблема заключается въ томъ, чтобы объяснить ее.

При этомъ представляются два ея рѣшенія: или объяснять мысль природою, или природу мыслию. Первое изъ этихъ двухъ

рѣшеній есть то, что называютъ реализмомъ, а второе идеализмомъ. Каждая изъ этихъ двухъ системъ приводитъ для своего подтвержденія основательныя доказательства.

Разберемъ сначала первую изъ нихъ:

До сихъ поръ мы смотрѣли на мысль и природу, какъ на два міра равнозначущіе и противоположныя. Но не то есть въ дѣйствительности. Мысль сама составляетъ часть природы. Единственная мысль, которая намъ непосредственно извѣстна, это наша собственная, т. е., умъ человѣка. Но умъ человѣческій соединенъ съ организаціей и, повидимому, находится въ зависимости отъ всѣхъ ея измѣненій. Безъ мозга не существуетъ мысли, такъ же какъ и безъ мысли не существуетъ мозга. Всякое поврежденіе или измѣненіе мозга не можетъ не сопровождаться поврежденіемъ и измѣненіемъ мысли. Итакъ, три таблицы Бакона, таблицы: присутствія, отсутствія и сравненія, говорятъ въ пользу той гипотезы, которая предполагаетъ возникновеніе мысли отъ организаціи. Болѣе того, человѣчество, представляющее собой единственный родъ, извѣстныхъ намъ разумныхъ созданій, имѣетъ свою исторію, и какъ бы ни отдаляли его происхожденіе, мы всегда находимъ раньше его существовавшую природу. Слѣдовательно человѣкъ могъ возникнуть только въ природѣ, уже образовавшейся, а потому и совершенно рачіонально считать человѣка продолженіемъ и результатомъ раньше существовавшей природы.

Все вышесказанное составляетъ основаніе реализма; основаніе идеализма не менѣе солидно.

Если, дѣйствительно, мы спросимъ, какая есть самая первая истина, наиболѣе достовѣрная и даже единственная, въ которой нельзя было бы сомнѣваться, то Декартъ, а вмѣстѣ съ нимъ и современная философія отвѣтятъ намъ, что эта истина формулирована такъ: я думаю, слѣдовательно, я существую. Эта истина дѣйствительно предшествуетъ всѣмъ остальнымъ. Я не могу ничего думать, не думая въ то же самое время о самомъ себѣ, о томъ, что я думаю, а слѣдовательно и о своемъ существованіи. Мы, повидимому, замѣчаемъ всѣ остальные истины только чрезъ посредство этой первой истины. Внѣшнія вещи существуютъ для насъ только при условіи прохожденія ихъ черезъ наше сознаніе. Сказать то,

что существуютъ вещи внѣшнія, это значитъ сказать слѣдующее: меня измѣнили такія то чувства, происхожденію которыхъ я долженъ предположить внѣшнюю причину. Болѣе того, психологическій и фізіологическій анализъ ощущеній достигъ того, что объясняетъ эти ощущенія состояніемъ собственнаго я. Если бы не было зрѣнія, то не было бы ни свѣта, ни цвѣта; не было бы слуха, то не было бы звука, — не было бы осязанія, не было бы ни тепла, ни холода. Но, говорятъ, что все это сводится къ движенію. Пусть будетъ такъ; но и самое то движеніе извѣстно намъ только чрезъ посредство зрѣнія и осязанія: оно всецѣло сводится къ нашимъ ощущеніямъ. Итакъ, по истинѣ можно сказать вмѣстѣ съ нѣмецкимъ философомъ: «Міръ есть мое представленіе».

Таковы-то суть двѣ точки зрѣнія, которыя, какъ видно, противоположны другъ другу, потому что, по опредѣленію первой, человечество существуетъ оттого, что раньше его уже существовала природа, а слѣдовательно природа-то и есть причина, а духъ есть ея слѣдствіе. По опредѣленію второй, міръ есть мое представленіе—явленіе моего собственнаго духа (ума); и я знаю о немъ только то, что самъ представляю, а потому духъ (умъ) есть причина, а міръ его слѣдствіе.

Но, не смотря на всю силу доводовъ обѣихъ сторонъ, и та и другая гипотезы не могутъ устоять противъ серіозныхъ возраженій.

Разсмотримъ систему реалистовъ.

Система эта имѣетъ двѣ формы. Первая изъ нихъ разсматриваетъ происхожденіе идей, объясняетъ мысль посредствомъ чувства и называется эмпиризмомъ. Вторая—разсматриваетъ самое основаніе мысли, объясняетъ мысль организаціей и называется матеріализмомъ. Эмпиризмъ и матеріализмъ суть двѣ формы реалистической системы въ собственномъ смыслѣ (мы говоримъ, въ собственномъ смыслѣ, потому что, какъ увидимъ далѣе, можетъ существовать реализмъ *апріористическій* и реализмъ спиритуалистическій).

Но, противъ эмпиризма Кантъ привелъ доказательство, которое сдѣлалось одинаково рѣшительнымъ, какъ для всей нѣмецкой философіи, такъ и для всей вообще философіи первой половины XIX вѣка. Доказательство это заключалось въ слѣ-

дующемъ: чувство совсѣмъ не объясняетъ апіористичности знанія, т. е. необходимости и всеобщности научныхъ сужденій. Въ системѣ эмпиризма абсолютная достовѣрность науки нарушается. Величайшая достовѣрность, даже достовѣрность математическая должна считаться только временной.

Противъ матеріализма послѣдователь Канта, Фихте, представилъ другое доказательство, которое также сдѣлалось рѣшительнымъ для всѣхъ его послѣдователей. Это доказательство заключается въ томъ, что вещь, пока она остается вещью, никогда не можетъ достигнуть мысли. Дѣйствительно, вещи имѣютъ только одну особенность—особенность существованія, онѣ не представляются въ умѣ. Вещи составляютъ то, что Фихте называетъ простой серіей, гдѣ каждое положеніе слѣдуетъ за предшествующимъ: на примѣръ, неопредѣленное сдѣленіе движенія. Мысль же представляетъ двойную серію, такъ какъ, для того, чтобы мыслить что нибудь, нужно въ то же самое время мыслить самого себя—возвращаться къ самому себѣ и отразить самого себя. Слѣдовательно, здѣсь есть двойственность, противоположность и тождество субъекта и объекта, тогда какъ въ вещи, существѣ чистомъ и простомъ, въ матеріи существуетъ только одинъ объектъ. Какимъ же образомъ въ вещи абсолютно простой, которая есть только объектъ, можетъ возникнуть въ данный моментъ эта двойственность, которая составляетъ мысль. Какимъ образомъ серія возвратилась бы къ самой себѣ, для того, чтобы мыслить? Наконецъ, какимъ образомъ, сознательное можетъ возникнуть изъ безсознательнаго? Итакъ, эмпиризмъ разбивается тѣмъ, что не можетъ объяснить науку, а матеріализмъ тѣмъ, что не можетъ объяснить мысль.

Правда, что со времени Канта и Фихте, пытались возстановить эмпиризмъ и матеріализмъ, съ помощью новыхъ, болѣе сложныхъ и болѣе научныхъ системъ. Но мы не желаемъ подробно разсматривать ихъ выводы и объясненія, а будемъ держаться только основныхъ идей.

Въ отвѣтъ на возраженіе Канта для того, чтобы объяснить вѣроятность апіористичности, эмпиристы указываютъ, во 1-хъ, на принципъ нераздѣльныхъ ассоціацій, и, во 2-хъ, на принципъ наслѣдственныхъ ассоціацій. Они говорятъ, что двѣ идеи, ко-

торыя на опытѣ представляются постоянно соединенными вмѣстѣ, становятся нераздѣльными и вслѣдствіе этого заключаютъ въ себѣ признаки необходимости, которая составляетъ свойство всѣхъ привычекъ; во-вторыхъ -- эта необходимость развивается еще съ наслѣдственностью. Каждый изъ насъ получаетъ отъ рожденія эти принципы уже совершенно готовыми, и какъ бы присущими организаціи. Итакъ, необходимость априористическихъ принциповъ есть только необходимость привычки, которая нисколько не исключаетъ эмпирическаго происхожденія. Съ другой стороны, новые защитники матеріализма, для объясненія перехода движенія въ мысль, указываютъ на великій принципъ соотношенія и измѣненія силъ въ природѣ. Если, какъ говорятъ, движеніе можетъ измѣняться въ свѣтъ и теплоту, то почему же не можетъ оно также измѣниться и въ мысль?

Мы не будемъ тщательно разсматривать здѣсь всѣхъ этихъ вопросовъ, а ограничимся только тѣмъ, что возвратимся къ отвѣтамъ, даннымъ на двѣ предъидущія теоріи.

1) Что касается до нераздѣльныхъ ассоціацій, то онѣ представляютъ намъ скорѣе необходимость факта, чѣмъ необходимость права. Между тѣмъ, наука требуетъ и утверждаетъ только необходимость абсолютную, но не относительную. 2) Что же касается до принципа наслѣдственныхъ ассоціацій, то отвѣтъ будетъ такой же, хотя наслѣдственностью и можно продлить цѣпь опытовъ и хотя, повидимому, и можно было этимъ способомъ объяснить априористичность знанія, но и въ этомъ случаѣ дѣло будетъ относиться только къ необходимости относительной. Привычка всегда можетъ быть уничтожена привычкой противоположной. Могли же всѣ предрасудки, порожденные преданіемъ, исчезнуть одни за другими. Слѣдовательно, подобная же участь должна была постигнуть и принципы знанія, еслибы они были только результатомъ привычки; но этого-то опыта намъ и не подтверждаетъ. Но это еще не все. Ассоціаціей объясняютъ всѣ вещи, но не объясняютъ самой ассоціаціи. Говорятъ, что постоянное повтореніе порождаетъ привычку, а привычка порождаетъ необходимость. Пусть будетъ такъ; но откуда является постоянное повтореніе? Почему наши ощущенія всегда являются въ одинаковомъ порядкѣ?

Для того, чтобы дѣло происходило такимъ образомъ, нужно, чтобы причина находилась въ природѣ самихъ вещей. Но если мы ищемъ причину самой ассоціаціи, то не доказываетъ ли это того, что ассоціація не можетъ быть основаніемъ принципа причинности, потому что сама она подчинена ему.

Что касается до принципа превращенія силъ, посредствомъ котораго пытаются объяснить переходъ движенія въ мысль, вещи въ умъ (духъ), то этого объясненія нельзя сдѣлать, не предположивши его предварительно, какъ предполагаютъ въ самомъ вопросѣ. И въ самомъ дѣлѣ, говорятъ о превращеніи движенія въ свѣтъ, и теплоту. Но о какомъ же именно свѣтѣ и о какой именно теплотѣ? Объ объективномъ ли свѣтѣ и объективной теплотѣ, т. е. о физической и объективной причинѣ нашихъ ощущеній свѣта и теплоты? Что-жъ тутъ удивительнаго, если эти два свойства превращаются въ движеніе, или, что движеніе превращается въ нихъ, такъ какъ, согласно съ наиболѣе вѣроятными предположеніями науки, эти свойства, уже сами по себѣ, суть движенія—невидимыя и бесконечно малыя, которыя переходятъ въ насъ въ видѣ ощущеній, — но которыя легко могутъ переходить въ движенія видимыя, могущія быть воспринятыми чувствами, т. е. въ движенія въ собственномъ смыслѣ, и обратно. Но во всемъ этомъ ничего нѣтъ другаго, кромѣ движенія. Если же, напротивъ, свѣтомъ и теплотою называть самое ощущеніе свѣта и теплоты, то утверждать, что эти два ощущенія суть только измѣненныя движенія, это значитъ утверждать одно и то же, т. е. что движеніе можетъ переходить въ мысль, такъ какъ, по словамъ Декарта, ощущеніе есть уже сознаніе, а слѣдовательно и мысль; но здѣсь вопросъ заключается въ томъ, возможенъ ли такой переходъ. Нельзя считать объяснительнымъ принципомъ самый фактъ, требующій объясненія.

Итакъ реализмъ разбивается какъ характеромъ апріорнаго знанія, такъ и невыводимостію сознанія и мысли изъ чего-нибудь предшествующаго.

Въ дѣйствительности можетъ существовать другая форма реализма, кромѣ той, которая сводится къ эмпиризму и материализму. Существуетъ еще реализмъ спиритуалистическій и реализмъ апріористическій; къ этому роду реализма присоеди-

няемся и мы. На этой высотѣ реализмъ уже совсѣмъ не отличается отъ идеализма, принимаемаго въ его высшихъ формахъ, что мы и увидимъ изъ нашихъ послѣдующихъ заключеній. Теперь же не будемъ усложнять вопроса, и стараемся придерживаться антитезы, поставленной между природой и мыслью. Мы видимъ, что нельзя вывести мысли изъ природы. Посмотримъ теперь, — не легче ли допустить возникновеніе природы изъ мысли. Противъ идеализма мы находимъ не менѣе серіозныя и основательныя возраженія, чѣмъ и противъ реализма. Главное изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ: если умъ (духъ) производитъ природу, и если онъ изъ своихъ собственныхъ законовъ узнаетъ законы природы, то почему же онъ не угадываетъ природы *a priori*? А этого нѣтъ въ дѣйствительности. Всѣ сужденія, которыя мы имѣемъ о природѣ, только тогда могутъ быть основательны, если они опираются на самую природу. Ни одинъ фактъ не можетъ быть узнавъ безъ того, чтобы онъ не былъ логически связанъ съ другими фактами, узнаанными нами изъ опыта. Кромѣ того умъ (духъ) не можетъ оспаривать того уже указаннаго факта, что самъ онъ составляетъ часть природы, и что въ извѣстную минуту онъ самъ появился въ природѣ. Какимъ же образомъ умъ (духъ) могъ создать ее? Если же умъ (духъ) создалъ природу, то нужно предположить существованіе другаго ума, потому что тотъ, который извѣстенъ намъ, соединенъ съ тѣломъ, а это тѣло соединено съ другими тѣлами, а эта совокупность тѣлъ или природа предшествовала появленію нашего ума.

Итакъ мы пришли къ слѣдующему двойному заключенію: ни природа не могла произвести мысли, ни мысль не могла произвести природу.

Но что-же до сихъ поръ мы подразумѣвали подъ природой? И что мы подразумѣвали подъ мыслию? Подъ природой мы подразумѣваемъ совокупность конечныхъ существъ, которыя подпадаютъ нашему опыту. И дѣйствительно только эта природа представляется намъ и о ней мы утверждаемъ, что она согласна съ нашею мыслию.

Что же касается мысли, то единственная мысль, непосредственно извѣстная намъ, — это наша собственная мысль — разумъ человѣческій. Всякій другой разумъ есть уже объектъ

индукціи, но не очевидной истины. Такимъ образомъ, поскольку мы не выступаемъ изъ предметовъ конечныхъ и міра опытнаго, то ни я не является тождественнымъ съ природой, ни природа не является тождественною съ я, и, принимая вполнѣ, съ одной стороны, что я находится въ природѣ, а съ другой стороны то, что природа ёсть представленіе самого я, однимъ словомъ, вполнѣ принимая взаимное проникновеніе обоихъ принциповъ, мы въ то же самое время вынуждены признать независимость ихъ другъ отъ друга. Такимъ образомъ, между ними существуетъ гармонія, но не тождество.

Но то, чего не существуетъ въ области относительнаго и конечнаго, можетъ быть существуетъ въ области безконечнаго и абсолютнаго? Если, съ одной стороны, опытъ показываетъ намъ природу, а съ другой разумъ, то не должны ли мы, вмѣстѣ съ картезіанцами, заключить изъ этого, что есть какое-то Существо, въ которомъ сосуществуютъ реальное природы и реальное мысли, которое одновременно есть основаніе того и другаго, и въ виду того, что не можеть быть двухъ абсолютныхъ, есть одновременно абсолютное мысли и абсолютное реальности, — абсолютный субъектъ и абсолютный объектъ и такъ какъ въ этомъ все еще была бы двойственность, то абсолютный субъектъ—объектъ.

Мы не имѣемъ никакого основанія не принять этой формулы Шеллинга. Но разъ признавъ такое абсолютное съ его опредѣленіемъ Субъекта Объекта, какъ должны мы понимать его? Въ чисто ли отрицательномъ смыслѣ, въ которомъ этотъ Субъектъ—Объектъ въ сущности не былъ бы ни субъектомъ ни объектомъ, т. е. чистой неопредѣленностью, о которой никто ничего не знаетъ? Но почему же должны мы называть его Субъектомъ? Почему не *x*? Почему не Ничто? И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы онъ отличался отъ того *небытія* (*néant*), которому нѣкоторые нѣмецкіе философы приписывали происхождение вещей? Во что превратился бы тогда идеализмъ и его претензія все объяснять посредствомъ субъекта и мысли? Не вѣрнѣе ли было бы назвать эту темную и неизвѣстную основу не *духомъ*, а *матеріей*? Не было ли бы это возвращеніемъ къ тому понятію о *вещи*, которое Фихте предалъ анаѣмѣ въ своемъ Введеніи къ *ученію о наукахъ*? Или даже не было ли бы

это пониманіе болѣе низменнымъ, чѣмъ понятіе о вещи, потому что оно не содержитъ въ себѣ ничего—ровно ничего?

Итакъ, понятіе о Субъектѣ-Объектѣ можетъ сохраниться только въ томъ случаѣ, если его принимать въ позитивномъ смыслѣ, т. е. какъ содержащее въ себѣ одновременно все реальное мысли и все реальное природы или бытія, — какъ сущность того и другого. Но гдѣ взять типическій образецъ этого существеннаго тождества мысли и бытія, внѣ котораго ни бытіе не предшествуетъ мысли, ни мысль бытію,—гдѣ, повторяю я, если не въ сознаніи, которое одно даетъ намъ реальный и дѣйствительный образецъ существа, которое есть одновременно и субъектъ и объектъ? Конечное сознаніе, безъ сомнѣнія, не можетъ претендовать на произведеніе природы, которая находится внѣ его, и среди которой оно само нѣкогда появилось. Но этого нельзя сказать о сознаніи безконечномъ и абсолютномъ. Именно съ сознанія и началъ нѣмецкій идеализмъ для достиженія понятія о субъектѣ—объектѣ; но достигнувши до него, онъ призналъ сознаніе низшимъ состояніемъ. Но что же, въ такомъ случаѣ, остается за мыслию въ томъ ея высшемъ смыслѣ, до котораго ее возвели, и не значить ли это еще разъ возвратиться отъ духа къ вещи? Идеализмъ, если только онъ желаетъ быть послѣдовательнымъ, долженъ возвышаться до сознанія абсолютнаго, до тождества уразумѣваемаго и самаго разума, до мысли о самой мысли, т. е. до соединенія мысли субъективной съ мыслию объективной. А это-то и есть опредѣленіе духа. Высочайшій предѣлъ, гдѣ заключается тождество двухъ низшихъ предѣловъ (конечнаго духа и природы) и есть Абсолютный Духъ.

Мы не видимъ ничего такого, что-бы могло препятствовать намъ принять выраженную вышеозначеннымъ способомъ систему идеализма, которая, по нашему мнѣнію, должна смѣшаться съ спиритуализмомъ. Все должно быть произведеніемъ Абсолютнаго Духа, Который, не теряя ничего изъ своей сущности, находитъ въ природѣ и духѣ двойное выраженіе самого себя, и вслѣдствіе этого заключаетъ въ себѣ соединеніе двухъ міровъ. Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ смотрѣть, вмѣстѣ съ Шеллингомъ, на природу какъ на духъ, уснувшій, угасшій, стремящійся къ пробужденію, и, наоборотъ, на я, какъ на

уже пробуждающуюся природу. Природа въ такомъ случаѣ не есть мертвая, абстрактная матерія, ничего не говорящая душѣ; она можетъ назваться дѣтствомъ души—душею въ наивномъ и невинномъ состояніи, въ высшей степени достойномъ любви; болѣе того—она уже бессознательно разума, будучи образомъ разума; она доставляетъ намъ полную несомнѣнность и полную достовѣрность, потому что содержитъ въ себѣ логику и въ то же самое время поэзію. Духъ, въ свою очередь, не будетъ изолироваться отъ природы, не будетъ стараться отрицать ее, сомнѣваться въ ней, тяготиться ею и презирать ее; потому что онъ знаетъ, что и самъ онъ есть природа, и что жизнь природы заключается въ немъ. Въ природѣ онъ будетъ искать точки опоры для того, чтобы подниматься выше.

Итакъ, мнѣ кажется, что можно сократить всѣ прекрасныя заключенія, всѣ прекрасныя мысли и всѣ великія истины нѣмецкаго идеализма, уступивъ тѣ двухмысленности, которыми онъ постоянно затѣмнялся, выражаясь то какъ Гольбанъ, то какъ Давидъ Юмъ, то какъ Спиноза и Жакъ Бэмъ. Строго и точно установленный и опредѣленный, онъ можетъ считаться законнымъ и обогащеннымъ развитіемъ философіи Платона и Аристотеля, Декарта и Лейбница. Онъ не имѣетъ ничего противнаго истинно философскому теизму всѣхъ великихъ метафизиковъ и всѣхъ великихъ богослововъ. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что идеализмъ въ высочайшемъ выраженіи долженъ прійти къ полному соглашенію съ спиритуализмомъ. Гегель долженъ соединиться съ Молебраншемъ и Платономъ¹⁾.

К.

1) Заключительный выводъ, къ которому приходитъ въ предлагаемой статьѣ Поль Жане, вполне согласенъ съ основными началами здоровой философіи и глубочайшими требованіями религіознаго чувства. Безъ сомнѣнія, только указаннымъ методомъ серьезная философія можетъ избѣжать матеріалистическихъ крайностей современнаго реализма и пантеистическихъ увлеченій послѣдняго нѣмецкаго идеализма. Но разработка философіи въ подобномъ направленіи требуетъ большихъ усилій, глубокаго знанія природы и духа человѣческаго и принадлежитъ уже будущему времени; иди лишь этимъ путемъ, она откажется отъ всѣхъ заблужденій современнаго намъ реализма и идеализма. Такимъ образомъ, заключительнымъ выводомъ настоящей статьи Поль Жане указываетъ только общую мысль, только основную идею этой будущей философіи, не вдаваясь въ подробное развитіе ея. *Ред.*

ОСНОВЫ МОРАЛИ В. ВУНДТА.

(Окончаніе *).

II.

Въ настоящее время, когда среди нѣкоторыхъ философовъ и ученыхъ господствуетъ стремленіе объяснять все существующее, какъ результатъ только естественныхъ силъ, когда нѣкоторые ученые стараются изучить явленія, считающіяся доселѣ непостижимыми, таинственными, при посредствѣ тѣхъ же методовъ, какими они пользуются и при изслѣдованіи всѣхъ другихъ явленій, составляющихъ предметъ «положительной» науки.—въ настоящее время, говоримъ мы, и среди нѣкоторыхъ философовъ—моралистовъ стали появляться попытки построить науку о нравственности на чисто-научныхъ началахъ, не прибѣгая при объясненіи нравственныхъ явленій къ предположеніямъ, не опирающимся на эмпирическихъ данныхъ. Къ числу такихъ системъ, которыя стараются вывести правила жизни «научнымъ» путемъ, принадлежитъ и моральная система В. Вундта. Въ настоящей статьѣ мы попытаемся изслѣдовать, на сколько удовлетворительно система «научной» морали Вундта рѣшаетъ основные вопросы нравственности.

Основной вопросъ этики есть вопросъ о конечной цѣли нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, этика прежде всего должна дать общее опредѣленіе нравственнаго. Но такое опредѣленіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если уже извѣстна конечная

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 9.

цѣль нравственности, ибо нравственнымъ именно и называется соответствующее конечной *цѣли* нравственности. Какое же опредѣленіе нравственнаго даетъ Вундтъ? Опредѣленіе нравственнаго Вундтъ выводитъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, онъ, выходя изъ общаго понятія о «волѣ общей» и частной (понятія, образованнаго путемъ индукціи), старается выяснитъ, какія отношенія должны существовать между «общею волею» и частною, или индивидуальною. Этимъ путемъ Вундтъ полагаетъ психологическое обоснованіе для этики. Съ другой стороны, онъ рѣшаетъ вопросъ о нравственномъ критеріи на основаніи эмпирическихъ сужденій объ этомъ предметѣ. Разсмотримъ сперва, къ какимъ выводамъ приходитъ Вундтъ при психологическомъ обоснованіи этики.

Центральный пунктъ этики Вундта составляетъ ученіе объ «общей волѣ», въ которую индивидуальная воля входитъ, какъ элементъ ея. «Общей волѣ» Вундтъ приписываетъ такую же реальность и такую-же первоначальность, какую имѣетъ, и индивидуальная воля, и изъ отношенія частной воли къ общей онъ выводитъ опредѣленіе нравственнаго. Съ этой точки зрѣнія, нравственною волею должна быть признана та воля, мотивы которой согласуются съ цѣлями «общей воли». Такое опредѣленіе сущности нравственности мы не можемъ признать удовлетворительнымъ. Мы не можемъ раздѣлять вѣры Вундта въ существованіе какой-то «общей воли», какъ реальности, имѣющей одинаковую первоначальность съ индивидуальною волею. Общее сознаніе и общая воля—это только отвлеченныя понятія, которыя не имѣютъ метафизическаго существованія. «Универсальный духъ» не можетъ проявить никакой дѣятельности, которая не была бы дѣятельностію опредѣленнаго индивидуальнаго духа.

Стараясь прочнѣе обосновать свое ученіе о реальномъ существованіи «общей воли» и объ отношеніи къ этой волѣ воли индивидуальной, Вундтъ утверждаетъ, что принятію этого ученія препятствуетъ, главнымъ образомъ, неосновательное мнѣніе о субстанціальности души. Между тѣмъ для него индивидуальная душа состоитъ «всегда только въ активной духовной дѣятельности», и различеніе души, отличной отъ содер-

жанія сознанія, есть для него только превращеніе понятія непрерывной связи духовныхъ дѣятельностей въ реальный субстратъ. Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ Вундта. Не смотря на то, что явленія внутренняго міра дѣйствительно находятся между собою въ непрерывной связи и подчиняются закону причинности, въ духовной жизни человѣка нельзя не видѣть чего-то пребывающаго, исчезающаго, что лежитъ непосредственно въ основѣ духовныхъ дѣятельностей. Самъ Вундтъ признаетъ существованіе такого основнаго духовнаго начала, когда онъ, говоря о причинахъ сознательной дѣятельности воли, соединяетъ эти причины подъ именемъ «характера». То, что Вундтъ понимаетъ подъ этимъ именемъ, это и составляетъ для насъ принадлежность души, какъ особой субстанціи, а не какъ непрерывной связи преходящихъ духовныхъ явленій.

Теорія актуальности (души) имѣетъ для этики Вундта важное значеніе. Она должна представить необходимую основу для нравственности, объяснить источникъ такой именно нравственности, которая имѣетъ въ виду интересы не только индивидуума, но и общества. Для Вундта важно доказать единство человѣчества, единство, которое живо въ сознаніи индивидуумовъ и объективно—дѣйствительно. Но для того, чтобы установить такое единство, вовсе нѣтъ надобности отрицать субстанціальность души. Человѣкъ сознаетъ свое родство, единство съ другимъ человѣкомъ, но въ то же время онъ чувствуетъ себя совершенно отдѣльною отъ него личностью. Онъ можетъ переживать въ себѣ чувства другой личности, можетъ ей сострадать и радоваться вмѣстѣ съ нею, но чужая личность для него есть все-таки нѣчто существующее отдѣльно отъ него, имѣющее свой особый внутренній міръ; она для него есть субъектъ, по своему мыслящій и чувствующій. Не индивидуальная только воля чувствуетъ себя элементомъ общей воли, но индивидуумъ чувствуетъ себя частью человѣчества, элементомъ въ непрерывной внутренней и внѣшней связи всѣхъ индивидуумовъ ¹⁾.

¹⁾ Въ христіанскомъ ученіи есть точныя указанія на отношеніе отдѣльнаго человѣка къ другимъ людямъ. Здѣсь люди признаются дѣтьми Единнаго Бога и слѣ-

Такимъ образомъ субстанціальность души не можетъ быть оспариваема; напротивъ, существованіе «общей воли» въ такомъ смыслѣ, какъ это понимаетъ Вундтъ, въ высшей степени сомнительно. Но допустимъ даже, что «общая воля» въ дѣйствительности существуетъ въ такомъ именно смыслѣ, какъ это признаетъ Вунтъ. Во всякомъ случаѣ критеріемъ нравственнаго характера дѣйствиій индивидуума не можетъ служить «согласіе мотивовъ индивидуальной воли съ цѣлями общей воли». Думать такимъ образомъ—значило бы, по справедливому замѣчанію нѣмецкаго мыслителя Гуго-Зоммера, нравственные цѣли и нравственные мотивы приписывать разнымъ существамъ. Носителями нравственныхъ цѣлей являются «общія воли», въ то время, какъ нравственные мотивы должны влечь *индивидуальную* волю къ осуществленію нравственныхъ цѣлей «общей воли»¹⁾.

Затѣмъ, трудно примирить существованіе «общей воли» съ требованіемъ нравственнаго прогресса, о которомъ, по Вундту, должна заботиться индивидуальная воля, какъ о конечной цѣли нравственности. Если нравственное достоинство индивидуальной воли зависитъ отъ согласія ея мотивовъ съ цѣлями «общей воли», то, повидимому, невозможно требовать отъ индивидуума, чтобы онъ, пренебрегая цѣлями дѣйствительно существующей общей воли, поставлялъ для себя другія цѣли, которыя онъ считаетъ нравственными,—словомъ, невозможно требовать отъ индивидуума споспѣшествованія нравственному прогрессу. А между тѣмъ нельзя отрицать, да и самъ Вундтъ не отрицаетъ того факта, что нравственные геніи, вводя въ жизнь новыя нравственные начала, по большей части должны вступать въ борьбу съ установившимися воззрѣніями и устарѣвшими нравственными принципами.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что, по мнѣнію Вундта, нравственный человѣкъ долженъ согласовать свои мотивы не съ

довательно братьями другъ другу. Вотъ гдѣ находится основа того чувства единства индивидуума съ цѣлымъ, которымъ опредѣляются социальныя отношенія человѣка.

¹⁾ Hugo Sommer. Individualismus oder Evolutionismus? Zugleich Eine Entgegnung auf die Streitschrift des Herrn Professors Wilhelm Wundt. 1887, стр. 108.

цѣлями эмпирически-существующей общей воли, но съ цѣлями общей воли, какъ «идеи разума». Но нельзя не видѣть, что такое опредѣленіе нравственнаго въ высшей степени не точно. Своимъ опредѣленіемъ нравственнаго Вундтъ вовсе не даетъ отвѣта на вопросъ, въ чемъ заключается нравственная задача жизни человѣка. Дѣйствительно, этика Вундта предоставляетъ каждому индивидуума въ его нравственномъ поведеніи самому себѣ и не даетъ ему никакого опредѣленнаго критерія, никакого ручательства въ томъ, что то, что онъ почитаетъ нравственными цѣлями, и на самомъ дѣлѣ суть нравственные цѣли, что онъ идетъ твердою ногою по правильному пути нравственнаго преуспѣянія. Вундтъ не указываетъ человѣку опредѣленнаго идеала, а предоставляетъ каждому индивидууму самому создавать себѣ идеаль, на основаніи изученія хода предыдущаго культурнаго развитія человѣчества. Понятно, что здѣсь нѣтъ гарантіи для правильнаго и единообразнаго пониманія всѣми людьми своихъ нравственныхъ задачъ. Одинъ человѣкъ можетъ видѣть въ исторіи человѣчества господство однихъ началъ, другой—другихъ началъ, совершенно противоположныхъ первымъ. Одинъ человѣкъ можетъ считать извѣстныя явленія современной жизни прогрессивнымъ шагомъ въ духовномъ развитіи человѣчества, другой—тѣ же самыя явленія можетъ признавать печальнымъ знаменіемъ времени. Вообще при Вундтовскомъ пониманіи нравственнаго идеала неизбеженъ субъективизмъ, чего не должно быть въ истинной морали и чего дѣйствительно нѣтъ въ христіанской этикѣ. По всеобщему убѣжденію, нравственные требованія должны имѣть силу закона. Они должны быть точно формулированы, чтобы исключена была всякая возможность неправильнаго и произвольнаго толкованія ихъ. Это мы и видимъ въ христіанской этикѣ. Здѣсь очень опредѣленно указаны нравственный идеаль: Богъ долженъ служить людямъ образцемъ совершенства. По христіанскому ученію, человѣкъ долженъ стремиться къ богоуподобленію. Свойства Божіи, приближеніе къ которымъ должно быть для человѣка цѣлью нравственныхъ стремленій, также ясно указаны въ Божественномъ Откровеніи, которое открываетъ намъ, что Богъ есть Духъ и

что Онъ есть Любовь. И человѣкъ долженъ стараться дать перевѣсъ требованіямъ духовной стороны своего существа и развивать въ себѣ чувство любви къ Богу и къ ближнимъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ христіанствѣ ясно указанъ нравственный идеалъ, и христіанинъ имѣетъ опредѣленный критерій нравственнаго.

Правда, и Вундтъ указываетъ одну изъ основныхъ чертъ нравственнаго идеала въ нравственномъ усовершенствованіи. Но онъ не опредѣляетъ точно, въ чемъ должно состоять это усовершенствованіе и какая цѣль этого усовершенствованія. Вундтъ, говоритъ нѣмецкій мыслитель Риль, «признаетъ нравственное усовершенствованіе ближайшимъ этическимъ идеаломъ, конечною цѣлью человѣческой нравственности. Но усовершенствованіе есть чисто формальный принципъ, и понятіе нравственнаго идеала уже потому неопредѣленно, что этотъ идеалъ въ дѣйствительности никогда не достигается, а служить только предметомъ стремленій и посему совпадаетъ съ понятіемъ подвигающагося впередъ усовершенствованія. Но если мы спросимъ у автора объ объектахъ нравственности, которые подлежатъ этому постоянному прогрессируванію, то онъ укажетъ намъ, наконецъ, на произведенія человѣческаго общества, какъ они проявляются въ государствѣ, искусствѣ, наукѣ и общей культурѣ... Но не всякое общее дѣло, которое составляетъ содержаніе духовной области жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное благо. Слѣдовательно на вопросъ, гдѣ искать содержанія нравственности, мы все еще остаемся безъ опредѣленнаго отвѣта»¹⁾.

Не удалось Вундту получить этого отвѣта и другимъ путемъ, избраннымъ имъ для рѣшенія этого вопроса. Что истинно-нравственнымъ человѣкомъ долженъ быть признанъ тотъ человѣкъ, дѣятельность котораго имѣетъ конечною цѣлью не собственную его личность и даже не личности его ближнихъ, а направляется на осуществленіе нравственнаго идеала, на преслѣдованіе гуманныхъ цѣлей, Вундтъ доказываетъ это слѣ-

¹⁾ А. Riehl. Замѣтка въ журналѣ «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie». 1888 г., стр. 379.

дующимъ образомъ. При рѣшеніи этого вопроса онъ беретъ исходнымъ пунктомъ наши эмпирическія нравственныя сужденія. Мы должны, по его мнѣнію, наблюдать, какія цѣли въ дѣйствительной жизни признаются людьми за нравственныя и отсюда уже опредѣлить общій нравственный принципъ. Слѣдуя этому методу, онъ приходитъ къ слѣдующимъ опредѣленіямъ нравственныхъ цѣлей. Такъ какъ человѣкъ сознаетъ себя отдѣльною личностью, которая въ то же время принадлежитъ къ соціальному союзу и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ составляетъ частную силу въ неизмѣримомъ универсумѣ общечеловѣческаго духа, то и цѣли единичной личности могутъ быть индивидуальныя, соціальныя и общечеловѣческія. Но по общему мнѣнію людей, говоритъ Вундтъ, всѣ эти цѣли имѣютъ далеко неодинаковое значеніе въ нравственномъ отношеніи. Оказывается, что стремленіе къ самосохраненію, само по себѣ, еще не имѣетъ нравственнаго достоинства. Самоудовлетвореніе и самоусовершенствованіе также не имѣютъ нравственной цѣнности. Отсюда Вундтъ заключаетъ, что «дѣйствующая личность никогда не бываетъ сама собственно конечною цѣлью нравственнаго».

Можно ли согласиться съ такимъ взглядомъ на значеніе индивидуальныхъ цѣлей въ нравственномъ отношеніи?

Намъ кажется, что Вундтъ не совсѣмъ правильно представляетъ общее мнѣніе людей объ индивидуальныхъ цѣляхъ. Онъ слишкомъ уже умаляетъ значеніе индивидуума и его нравственныхъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, истинно-нравственный человѣкъ, по общему сознанию и по требованіямъ христіанской этики, прежде всего долженъ стремиться къ нравственному самоусовершенствованію и притомъ не ради другихъ болѣе *общихъ* цѣлей, а даже, можно сказать, ради самаго самоусовершенствованія ¹⁾. Центръ тяжести нравственнаго лежитъ именно въ индивидуальномъ сознаніи человѣка, въ чистотѣ его совѣсти, въ чистотѣ его внутренняго настроенія. Такимъ образомъ, съ христіанской точки зрѣнія, можно сказать, во-

¹⁾ Спаситель цѣль индивидуальной нравственной жизни указалъ въ словахъ: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». Матѣ. 5, 48.

преки мнѣнію Вундта, что самая личность дѣйствующаго индивидуума составляетъ конечную цѣль нравственнаго. Конечно, мы здѣсь не говоримъ вообще объ *абсолютномъ* значеніи индивидуальной личности въ нравственномъ отношеніи, а только о важномъ и даже первенствующемъ значеніи индивидуальных нравственныхъ цѣлей въ ряду всѣхъ другихъ жизненныхъ цѣлей. Въ абсолютномъ же смыслѣ цѣлью нравственнаго можетъ служить лишь достиженіе вѣчнаго спасенія въ будущей жизни.

Но придавать такое важное значеніе индивидуальнымъ нравственнымъ цѣлямъ вовсе не значитъ поощрять эгоистическія склонности человѣка, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Напротивъ, цѣль нравственнаго самоусовершенствованія человѣка въ томъ и состоитъ, чтобы подавить эгоистическія склонности человѣка. Съ этой стороны Вундтъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что счастье индивидуума, само по себѣ, не имѣетъ нравственной цѣны. Мы должны согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ Вундта, что на томъ же основаніи и счастье суммы индивидуумовъ, или счастье общества, само по себѣ, не можетъ еще имѣть нравственнаго значенія. Но мы не можемъ послѣдовать за нимъ дальше и признать вмѣстѣ съ нимъ, что конечною цѣлью нравственности должно признать «общественное благосостояніе и всеобщій прогрессъ», хотя бы даже и въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этимъ словамъ Вундтъ. Подъ общественнымъ благомъ, по его мнѣнію, нельзя понимать «максимации счастья», и подъ всеобщимъ прогрессомъ нельзя разумѣть прогресса возможно большаго количества индивидуумовъ, ибо такое пониманіе привело бы къ эвдемонизму. Является вопросъ: чье же благосостояніе и чей прогрессъ мы должны имѣть въ виду въ своей нравственной дѣятельности? По справедливому замѣчанію извѣстнаго германскаго философа Е. Гартманна, Вундтъ здѣсь некстати употребилъ выраженія «благо и прогрессъ». «Если значеніе прогресса, говоритъ Гартманнъ, состоитъ только въ томъ, что онъ есть средство къ цѣли поднятія благосостоянія, то значеніе благосостоянія не можетъ опять состоять въ томъ, что оно есть средство къ прогрессу. Если счастье, какъ утверждаетъ

Вундтъ, есть только побочное слѣдствіе прогресса, то оно же не можетъ быть опять цѣлью. Счастіе и благо въ такомъ случаѣ должны означать нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ этими словами. Дѣйствительно, Вундтъ, желая избѣгнуть эвдемонизма, ищетъ общественное благосостояніе въ суммѣ *объективныхъ духовныхъ цѣнностей*, которыя вытекаютъ изъ общей духовной жизни человѣчества. Такими цѣнностями онъ признаетъ: государство, искусство, науку и общую культуру. Но нельзя не видѣть, что Вундту вовсе не удалось избѣгнуть эвдемонизма, ибо «цѣнность» непременно предполагаетъ, что существуетъ субъектъ, который «оцѣниваетъ»; «цѣнность» не можетъ существовать сама по себѣ, но она непременно должна составлять цѣнность для кого-нибудь, такъ что всѣ цѣнности субъективны, и «объективная цѣнность» есть *contradictio in adjecto* ¹⁾.

Такимъ образомъ Вундтъ, выставляя нравственную цѣлью всеобщій прогрессъ, нисколько не рѣшаетъ нравственной проблемы. Дѣло мало разъясняется и отъ дальнѣйшихъ его опредѣленій конечной цѣли нравственности. Признавши индивидуальныя и соціальныя цѣли неимѣющими нравственной цѣны, если онѣ служатъ предметомъ стремленія сами по себѣ, Вундтъ утверждаетъ, что конечною цѣлью нравственности можетъ быть только осуществленіе нравственнаго идеала. Въ виду того обстоятельства, говоритъ Вундтъ, что суть нравственнаго заключается въ постоянномъ, нескончаемомъ стремленіи, разъ достигнутую нравственную ступень невозможно считать *конечною цѣлью*. Конечная цѣль нравственнаго стремленія становится идеальною, въ дѣйствительности никогда недостижимую цѣлью; возможно только приближеніе къ этическому идеалу. Самъ же этический идеаль не можетъ быть даже точно опредѣленъ. Для нравственнаго идеала, по мнѣнію Вундта, возможны только два косвенныхъ опредѣленія—положительное и отрицательное. Положительное опредѣленіе заключается въ требованіи, чтобы развитіе всѣхъ духовныхъ силъ человѣка

¹⁾ E. v. Hartmann. Статья «Wundt's Ethik» въ журналѣ: «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik.» Н. 1. 1889, стр. 101—102.

продолжалось за предѣлы всякой достигнутой уже цѣли; отрицательное состоитъ въ томъ, чтобы постоянно уменьшать число препятствій, мѣшающихъ этому развитію. Само собою разумѣется, что такой неопредѣленный нравственный идеаль не можетъ возбудить въ человѣкѣ чувства внутренней удовлетворенности и посему не можетъ имѣть для него никакой привлекательности. Дѣйствительно, какое удовлетвореніе можетъ дать человѣку вундтовскій идеаль? «Вундтъ, говоритъ одинъ сотрудникъ французскаго журнала «Revue philosophique», чрезмѣрно унизилъ индивидуума. Но если деревья не должны закрывать лѣса, то и лѣсъ также не долженъ закрывать деревьевъ. Правда, Вундтъ признаетъ все значеніе личной энергіи, и мы знаемъ, какое мѣсто онъ отводитъ вліянію великихъ людей въ развитіи обществъ. Но онъ слишкомъ не дорожитъ реальнымъ удовольствіемъ, которое мы находимъ въ преслѣдованіи индивидуальныхъ цѣлей. Если нѣтъ счастья а vivre un peu, то его не было бы и а vivre beaucoup... Радости, которыя индивидуумъ находитъ въ себѣ, ограничены и кратковременны; но онѣ все-таки положительны: иначе его счастье оставалось бы нулемъ, какъ бы оно ни расширялось и ни развивалось»¹⁾. Хотя Вундтъ и говоритъ, что преслѣдованіе идеала сопровождается счастьемъ (въ качествѣ побочнаго слѣдствія), но, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же писатель, «это счастье полно печали». «Что значитъ, говоритъ онъ, это движеніе безъ конца въ преслѣдованіи идеала, котораго мы не можемъ осуществить, какъ не продолжительное, мучительное и, въ концѣ концовъ, бесплодное усиліе избѣгнуть себя самихъ, потерять чувствованіе реальности, наконецъ, забыться, переставъ болѣе чувствовать ничтожность, на которую насъ обрекла наша жалкая судьба?... Чувство безграничнаго имѣетъ свое величіе, но оно мучительно и заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣзненное. Мы имѣемъ потребность знать, куда мы идемъ, или, по крайней мѣрѣ, знать, что мы именно идемъ куда-нибудь. Пусть цѣль, къ которой мы дол-

¹⁾ Е. Durkheim. La science positive de la morale en Allemagne. Въ «Revue philosophique». Aout. 1887, стр. 140.

жны стремиться, будетъ отодвинута, сколько можно далеко; необходимо еще, чтобы мы могли замѣтить ее и чтобы мы могли, время отъ времени, измѣрять успѣхи, которые мы дѣлаемъ, чтобы приблизиться къ ней»¹⁾). Нужна, слѣдовательно, человѣку опора въ жизни, нуженъ ему путеводитель, нужно сознание, что онъ недаромъ живетъ, что его жизнь имѣетъ смыслъ и привлекательность.

Мы видѣли, что удовлетвореніе жизненныхъ интересовъ индивидуума или суммы индивидуумовъ не должно служить конечно цѣлью нравственной дѣятельности; счастье человѣка — только побочное слѣдствіе стремленія его къ осуществленію нравственнаго идеала. Конечною же цѣлью нравственности, по мнѣнію Вундта, служитъ созданіе всеобщихъ духовныхъ «цѣнностей». Чтобы прочнѣе обосновать свою мысль, Вундтъ, между прочимъ, приглашаетъ насъ стать на почву *историческаго* изслѣдованія, которое убѣдитъ насъ въ томъ, что нѣтъ иной оцѣнки нравственныхъ цѣлей, кромѣ той, какую указываетъ онъ. Наша оцѣнка людей и народовъ, принадлежащихъ къ давно исчезнувшему прошлому, говоритъ онъ, сообразуется не съ тѣмъ счастьемъ, которымъ они наслаждались сами или которое они доставили своимъ современникамъ, но она сообразуется съ тѣмъ, что сдѣлали они для *общаго развитія* человечества во всемъ грядущемъ.

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что критеріемъ нравственности служатъ заслуги индивидуума или народа для общаго развитія человечества. Во-первыхъ, намъ кажется, что Вундтъ въ этомъ случаѣ уничтожаетъ различіе между дѣйствіями только полезными и дѣйствіями нравственными въ собственномъ смыслѣ. Мы знаемъ, что неисчислимое множество людей, по общему мнѣнію, высоко-нравственныхъ вовсе не имѣютъ историческихъ заслугъ. Сколько въ исторіи было людей, которые удалялись отъ міра сего, чтобы тѣмъ легче достигнуть *высокой* ступени нравственнаго совершенства, и которые не могли имѣть вліянія на исторію человечества; сколько и въ наше время есть высоконравственныхъ людей — бѣдныхъ и

¹⁾ Ibid. стр. 141.

необразованныхъ, которые, разумѣется, не оставляютъ послѣ себя никакихъ *замѣтныхъ* слѣдовъ въ исторіи духовнаго развитія человѣчества! Во-вторыхъ, извѣстно, что такихъ людей, дѣятельность которыхъ проявляется въ созданіи «всеобщихъ духовныхъ твореній», — весьма ограниченное число, — это гении, которые рождаются вѣками. Остальная же масса людей нравственныхъ творить лишь малая дѣла, которыя никому неизвѣстны. Такимъ образомъ, по Вундту, выходитъ, что лишь передовые люди, вообще люди, обладающіе высокимъ духовнымъ развитіемъ, могутъ достигнуть высокаго нравственнаго совершенства. Слѣдовательно Вундтъ вводитъ «аристократизмъ» морали. Вотъ почему Вундтъ, чтобы быть послѣдовательнымъ своей точкѣ зрѣнія, долженъ, по нашему мнѣнію, отрицать высокое нравственное совершенство у множества людей обыкновенныхъ, не подвинувшихъ впередъ общаго развитія человѣчества, и тѣмъ не менѣе такихъ людей, которые, по общему сознанію, могутъ быть признаны даже высоко-нравственными людьми. Съ точки зрѣнія Вундта, нравственность должна бы быть привилегіею лишь лицъ выдающихся, передовыхъ умовъ, въ то время, какъ остальная масса людей должна быть лишена возможности достигать высокихъ степеней нравственнаго совершенства. Жестокій выводъ!

Такое мнѣніе Вундта о значеніи отдѣльныхъ личностей въ дѣлѣ созиданія нравственности основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. По мнѣнію Вундта, всякій человѣкъ болѣе или менѣе принимаетъ участіе въ созиданіи нравственнаго прогресса человѣчества, часто даже самъ того не сознавая. Вундтъ доказываетъ это своимъ закономъ «гетерогоніи цѣлей». Изъ этого закона, честь открытія котораго принадлежитъ Вундту, слѣдуетъ, что результаты поступковъ выходятъ болѣе или менѣе далеко за предѣлы первоначально-намѣченныхъ цѣлей, вслѣдствіе чего рождаются *новые* мотивы для будущихъ дѣйствій. Слѣдствія поступка въ теченіи развитія воли становятся цѣлями ея, и эти цѣли отчасти или даже вполне заступаютъ мѣсто первоначальныхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Вундта, цѣль дѣйствія и мотивы къ совершенію его могутъ далеко расходиться, не совпадать другъ съ другомъ. Человѣкъ,

такъ сказать, бессознательно стремится къ осуществленію конечной цѣли нравственности, увлекаемый общимъ теченіемъ жизни человѣчества.

Такое мнѣніе Вундта объ отношеніи между цѣлью и мотивомъ нравственнаго дѣйствія въ высшей степени противорѣчитъ общепринятому взгляду на этотъ предметъ и не можетъ быть признаво состоятельнымъ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Вундтъ не полагаетъ точнаго развитія между цѣлью, слѣдствіями и средствами къ цѣлямъ. Въ понятіи о цѣли онъ слишкомъ отстываетъ отъ обычнаго словоупотребленія. Словомъ «цѣль» онъ обозначаетъ не желательный результатъ извѣстнаго дѣйствія, но дѣйствительное, не бывшее предметомъ желанія, даже непредвидѣнное слѣдствіе поступка. Такъ понимаемая цѣли, конечно, должны быть отличаемы отъ мотивовъ. Иначе дѣло обстоитъ при обычномъ словоупотребленіи. Цѣлью поступка въ собственномъ смыслѣ называютъ ту именно цѣль, которая опредѣляла поступокъ, тотъ результатъ, произведенія котораго и было желательно достигнуть этимъ поступкомъ. Цѣль поступка, слѣдовательно, желательна сама по себѣ, а не какъ средство къ другой цѣли. Конечно, мы иногда называемъ цѣлью и то, что должно служить только средствомъ для достиженія другой цѣли. Но въ этомъ случаѣ мы называемъ ее цѣлью, лишь рассматривая цѣль въ отношеніи къ средствамъ, которыя служатъ къ осуществленію ея. Въ общей же сложности нашего хотѣнія онѣ въ сущности не цѣли, а только члены въ цѣпи средствъ. Цѣль въ этомъ смыслѣ во всякое время совпадаетъ по содержанію съ мотивомъ. «Мотивъ, по опредѣленію одного нѣмецкаго ученаго, есть интересъ къ достиженію цѣли». Этотъ же ученый въ своей статьѣ объ этикѣ Вундта поясняетъ это опредѣленіе мотива слѣдующимъ примѣромъ. Если, говоритъ онъ, я стараюсь способствовать благу всѣхъ, потому что при этомъ самымъ лучшимъ образомъ я думаю устроить свою собственную жизнь, то мое собственное благо есть цѣль моего поведенія, и желаніе возможно лучше поставить себя есть мотивъ. Благо всѣхъ, напротивъ того, есть средство къ цѣли. Въ то же время оно можетъ имѣть для другаго значеніе цѣли; тогда мой мо-

тивъ отличенъ отъ цѣли, которую преслѣдуетъ другой. Но для моего поведенія цѣль и мотивъ по содержанію остаются тождественными ¹⁾).

Итакъ, законъ «гетерогоніи цѣлей» противорѣчитъ и дѣйствительному положенію вещей и общепризнаннымъ воззрѣніямъ на отношеніе между цѣлями и мотивами нравственныхъ дѣйствій, и не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли Вундта, что каждый индивидуумъ—безсознательно или сознательно—способствуетъ духовному развитію человѣчества. По всеобщему убѣжденію, дѣйствія людей получаютъ нравственное достоинство отъ нравственнаго *намѣренія* человѣка, отъ его внутренняго расположенія. Лишь тотъ поступокъ можетъ быть признанъ нравственнымъ, который совершенъ *произвольно* и *намѣренно*; здѣсь самая цѣль, съ которою совершенъ поступокъ, становится мотивомъ, побуждающимъ субъекта къ совершенію поступка; добро дѣлается ради добра. Такимъ образомъ въ нравственномъ поступкѣ мотивъ и цѣль вполне совпадаютъ другъ съ другомъ по содержанію. Безсознательное же дѣйствіе, т. е. совершенное безъ нравственнаго намѣренія, а лишь случайно, совпадающее съ нравственными цѣлями, не можетъ быть признано нравственнымъ. Отсюда видно что, если Вундтъ совершенно раздѣляетъ цѣль и мотивъ, то этимъ онъ лишаетъ нравственные поступки ихъ специфическаго характера и признаетъ, что нравственные поступки могутъ вытекать изъ не нравственныхъ мотивовъ. Хотя онъ горячо оспариваетъ тотъ взглядъ на нравственность, по которому нравственное достоинство поступковъ оцѣнивается по ихъ слѣдствіямъ, однако изъ его собственнаго ученія о нравственности выходитъ, что онъ самъ, противъ свой воли, придаетъ значеніе также нравственнымъ слѣдствіямъ поступковъ. Ибо, какъ въ противномъ случаѣ можно говорить о нравственномъ достоинствѣ поступковъ, которые не вытекаютъ *первоначально* изъ ясно сознанный нравственной цѣли, а оказываются лишь случайно соответствующими этой цѣли? Это

¹⁾ Theodor Lipps. Статья въ «Göttingische gelehrte Anzeigen». Nr. 6. 1883, стр. 213.

мнѣніе Вундта, какъ справедливо говоритъ Гуго-Зоммеръ, есть слѣдствіе той основной мысли эволюціонизма, что конечная нравственная цѣль, которая должна заключать въ себѣ всѣ другія цѣли, заложена въ процессѣ развитія, который совершается внѣ человѣка и въ которомъ человѣкъ долженъ принимать участіе, какъ содѣйствующая сила, а не какъ *dominus negotii*. Индивидуальная жизнь въ этомъ случаѣ становится простымъ *переходнымъ моментомъ* этического процесса ¹⁾. Ясно, какой ущербъ для нравственной самодѣятельности субъекта получается отъ подобнаго взгляда на отношеніе между мотивомъ и цѣлью нравственнаго поведенія...

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго мы убѣждаемся, что этика Вундта не можетъ опредѣлить конечной цѣли и критерія нравственности. Посмотримъ теперь, можетъ ли она указать *мотивы* нравственныхъ дѣйствій.

По мнѣнію Вундта, только мотивы удовольствія могутъ вліять опредѣляющимъ образомъ на волю. Слѣдовательно цѣли, сами по себѣ, не могутъ побудить волю къ нравственнымъ дѣйствіямъ. Онѣ должны прежде превратиться въ мотивы удовольствія. Но мы знаемъ, что самъ Вундтъ не признаетъ нравственнаго значенія за мотивами удовольствія. Для него индивидуальное жизненное счастье не имѣетъ нравственной цѣны. Отсюда вытекаетъ странный выводъ: неимѣющее нравственной цѣны (мотивъ удовольствія, въ который должна превратиться цѣль, чтобы она могла быть осуществлена человѣкомъ) образуетъ самопроизвольный творческій моментъ нравственной воли ²⁾. Самъ Вундтъ нигдѣ не показываетъ психологической возможности такого перехода нравственныхъ цѣлей въ мотивы удовольствія, которые одни только могутъ опредѣлять къ дѣйствію индивидуальную волю. Онъ говоритъ, что цѣли общей воли направляются на произведеніе объективныхъ цѣнностей. Спрашиваются, какимъ образомъ «объективныя цѣнности» могутъ стать мотивомъ удовольствія, «субъективною цѣнностью»? Чтобы избѣгнуть противорѣчія, Вундтъ вынужденъ признать су-

1) Hugo Sommer. Individualismus o der Evolutionismus? 1887. стр. 111.

2) Ibid., стр. 108.

ществованіе такихъ чувствъ, которыя должны дѣйствовать, какъ «мотивы разума». Онъ называетъ эти чувства «идеальными чувствами», такъ какъ они вытекаютъ не изъ непосредственнаго воспріятія, не изъ размышленія о ближайшихъ, эмпирически-достигаемыхъ цѣляхъ, а изъ общаго предположенія идеальныхъ цѣлей. Такимъ образомъ «мотивы разума», какъ движущая причина, должны вытекать изъ представленія объ идеальномъ назначеніи человѣка. Но очевидно, что, если представленіе объ идеальномъ назначеніи человѣка, представленіе о непосредственной связи всѣхъ частныхъ поступковъ человѣка съ безконечностью нравственнаго міра, должно служить сознательнымъ мотивомъ истинно-нравственныхъ дѣйствій, то это представленіе должно чувствоваться непосредственно, какъ счастье, слѣдовательно вмѣстѣ какъ цѣль и мотивъ, а это противорѣчитъ взглядамъ Вундта на отношеніе между нравственными цѣлями и мотивами.

Но указываемый Вундтомъ нравственный идеаль— не такого рода. чтобы онъ могъ кого-нибудь воодушевить на нравственные дѣла; онъ—слишкомъ абстрактенъ и малосодержателенъ, чтобы онъ могъ породить въ человѣкѣ чувство внутренней удовлетворенности. А между тѣмъ этотъ идеаль долженъ опредѣлять дѣйствія человѣка, и побужденіе къ осуществленію его Вундтъ называетъ не просто импульсивнымъ мотивомъ, но *императивнымъ*. Намъ кажется, что этотъ идеаль не можетъ породить въ человѣкѣ чувства долга, сознанія обязанности поступать сообразно съ этимъ именно нравственнымъ идеаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ заставить человѣка твердо и неуклонно осуществлять въ своей жизни нравственный идеаль, если этотъ идеаль не имѣетъ абсолютнаго характера, если онъ созданъ самимъ человѣкомъ, на основаніи наблюдаемыхъ имъ фактовъ человѣческой жизни? Такой идеаль можетъ имѣть только относительно значеніе и, какъ такой, не можетъ имѣть обязательной силы. Правда, есть люди, которые имѣютъ твердыя убѣжденія и настойчиво и неуклонно въ своей жизни слѣдуютъ этимъ убѣжденіямъ, но можетъ ли существовать какая-нибудь прочная гарантія того, что вполнѣ убѣжденный, «идейный» человѣкъ въ одинъ прекрасный день не разочаруется въ

своихъ убѣжденіяхъ и не перемѣнить ихъ? А это обстоятельство не должно ли поколебать его вѣру въ непогрѣшимость человѣческихъ убѣжденій и ослабить его энергію въ преслѣдованіи имъ самимъ созданныхъ идеаловъ? Такимъ образомъ теорія Вундта не въ состояніи объяснить намъ возникновенія «императивныхъ мотивовъ» воли и не можетъ внушить намъ рѣшимости и энергіи въ преслѣдованіи нравственныхъ цѣлей, что должна дѣлать истинная мораль. По всеобщему убѣжденію людей и по самому понятію о нравственномъ законѣ, требованія нравственности должны имѣть для человѣка *обязательное* значеніе. Нравственный законъ не долженъ допускать никакихъ исключеній и произвола въ его примѣненіи. И дѣйствительно, у человѣка есть сознаніе нравственнаго долга; человѣкъ ясно чувствуетъ, что онъ «долженъ» поступать въ томъ или другомъ случаѣ такъ именно, а не иначе; онъ непосредственно чувствуетъ, какимъ мотивамъ онъ *долженъ* слѣдовать предпочтительно предъ другими мотивами. Если же онъ поступаетъ вопреки требованіямъ нравственнаго долга, то онъ наказывается своею совѣстію. Каждое нарушеніе требованія нравственности сопровождается «угрызениями» совѣсти. Конечно, Вундтъ не можетъ отрицать такого всеобщаго факта, каковъ фактъ существованія чувства нравственнаго долга. Но онъ объясняетъ происхожденіе его по своему. Въ возникновеніи этого чувства мы видимъ, по его мнѣнію, примѣненіе закона «гетерогоніи цѣлей», по которому извѣстное явленіе вытекаетъ изъ причинъ, имѣющихъ мало отношенія къ тѣмъ слѣдствіямъ, которыя онѣ производятъ. Чувство нравственнаго долга развилось подъ вліяніемъ четырехъ факторовъ: внѣшняго принужденія, внутренняго принужденія, представленія прочнаго удовлетворенія и представленія идеала. Такое объясненіе Вундта происхожденія обязательнаго характера нравственныхъ правилъ не можетъ быть признано сколько-нибудь удовлетворительнымъ. Внѣшнее принужденіе не могло породить въ человѣкѣ сознанія «долга» не только внѣшне слѣдовать неуклонно нравственному закону, но непремѣнно имѣть нравственное *намѣреніе* къ совершенію поступка. Не могло этого сдѣлать и внутреннее принужденіе,

подъ которымъ Вундтъ разумѣетъ вліяніе примѣра другихъ и собственное упражненіе воли индивидуума, обусловленное воспитаніемъ и примѣромъ. Не могло бы оно сдѣлать этого потому, что оно также не могло бы привести человѣка дальше строгой *легальности* поступковъ, внутреннее же расположеніе, *чистота* намѣренія въ такомъ случаѣ можетъ и не имѣть мѣста. Что касается остальныхъ двухъ нравственныхъ императивовъ, то эти императивы уже потому не могутъ имѣть категорическаго значенія, что они «свободны». Ибо, если слѣдованіе «императивнымъ мотивамъ» зависитъ отъ условій чисто-субъективныхъ и слѣдовательно относительныхъ, то здѣсь именно дается широкое мѣсто для произвола индивидуума слѣдовать тѣмъ или другимъ побужденіямъ. Ни представленіе «прочнаго удовлетворенія», ни представленіе нравственнаго идеала не могутъ претендовать на предпочтительное отношеніе къ себѣ воли каждаго индивидуума. «Прочное удовлетвореніе» для иного индивидуума можетъ показаться сомнительнымъ, ибо онъ, напр., очень хорошо понимаетъ, что, если бы ему удалось воспользоваться чужимъ крупнымъ капиталомъ, то онъ могъ бы получить при посредствѣ его болѣе прочное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ оставаться честнымъ человѣкомъ и въ потѣ лица своего добыть свой хлѣбъ. Равнымъ образомъ и требованіе осуществленія человѣкомъ нравственнаго идеала не можетъ имѣть обязательной силы. Какъ мы уже сказали раньше, ничто не можетъ помѣшать человѣку измѣнить своему идеалу или, въ лучшемъ случаѣ, перемѣнить свои основныя убѣжденія. Въ особенности руководство нравственнымъ идеаломъ, указаннымъ Вундтомъ, ненадежно въ фактическомъ примѣненіи частныхъ правилъ нравственности; оно не гарантируетъ обязательнаго исполненія отдѣльнымъ человѣкомъ извѣстнаго частнаго нравственнаго правила. Такъ, человѣкъ можетъ отказать въ матеріальной или нравственной поддержкѣ ближнему, опираясь на то соображеніе, что ему нельзя жертвовать въ данномъ случаѣ своимъ благосостояніемъ или лишними трудами въ пользу другихъ, ибо это можетъ нанести ущербъ выполненію имъ самимъ своихъ собственныхъ жиз-

ненныхъ задачъ. Онъ занятъ слишкомъ возвышеннымъ дѣломъ, касающимся интересовъ общечеловѣческихъ, чтобы онъ могъ расточать свои силы и средства на маленькія дѣла. Онъ разсматриваетъ факты человѣческой жизни «sub specie aeternitatis», и съ этой точки зрѣнія онъ долженъ быть признанъ Вундтомъ правымъ. Но признаетъ ли его таковымъ общее мнѣніе людей и его собственная совѣсть?

Итакъ этический принципъ Вундта не дастъ человѣку опредѣленнаго и надежнаго руководства къ жизни. Мы должны сказать, что такого руководства не даютъ и его нравственные нормы. Во первыхъ, эти нормы не вполне точно выражаютъ эволюціонный принципъ. Такъ, требуемое первою нормою нравственное самоуваженіе, какъ индивидуальное чувство (субъективнаго) достоинства, не имѣетъ никакого отношенія къ *объективному* достоинству эволюціоннаго идеала. Индивидуальное чувство самоуваженія не имѣетъ никакой нравственной цѣны при преслѣдованіи человѣкомъ нравственнаго идеала, состоящаго въ созиданіи «объективныхъ цѣнностей». Равнымъ образомъ и требованіе любви къ ближнему, поставляемое второю нормою Вундта, плохо вяжется съ общихъ характеромъ эволюціоннаго идеала. Изъ требованія способствовать созиданію объективныхъ цѣнностей никакъ нельзя вывести требованія воспитывать въ сердцѣ чувство любви къ ближнимъ, счастье которыхъ, по Вундту, какъ и счастье индивидуальное, не имѣетъ нравственной цѣны.

Во вторыхъ, нормы Вундта не имѣютъ никакой мотиваціонной силы. Что можетъ, напр., заставить меня любить ближняго, если я, руководясь эволюціоннымъ идеаломъ, всего себя посвятилъ созиданію «объективныхъ цѣнностей» и при томъ убѣжденъ, что счастье человѣка не имѣетъ нравственной цѣны? Могу ли я уважать даже самого себя, если я сознаю, что я простое орудіе нравственнаго идеала, идеала, который не можетъ быть даже точно формулированъ и для осуществленія котораго достаточно только внѣшняго, холоднаго выполненія его требованій? Да и кому нужно осуществленіе этого идеала, если оно не должно приносить никому ни пользы, ни счастья?

Такимъ образомъ эволюціонныя нормы не могутъ дать ру-

ководства для жизни человѣка, такъ какъ эти нормы не вытекаютъ изъ принципа эволюціоннаго. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы онѣ прямо вытекали изъ эволюціоннаго принципа, онѣ не могли бы дать всеобщаго руководства для жизни, такъ какъ эволюціонный идеалъ самъ не имѣетъ твердой основы. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ опирается мораль Вундта? Вундтъ полагаетъ, что существуетъ реально «общая воля», въ которую входитъ, какъ элементъ, индивидуальная воля. Съ этой точки зрѣнія нравственною должна быть признана та воля, мотивы которой находятся въ согласіи съ цѣлями общей воли, съ цѣлями универсальнаго духа. Но, во-первыхъ, реальное существованіе «общей воли» есть только простое предположеніе Вундта. Во-вторыхъ, универсальныя цѣли могутъ служить предметомъ стремленія индивидуальной воли лишь въ томъ случаѣ, если эти цѣли дѣйствительно объективны для человѣка, т. е. исходятъ не отъ него самого, а отъ универсальнаго духа. «Цѣли универсальнаго духа, справедливо замѣчаетъ Е. Гартманнъ, индивидуумъ можетъ признавать чѣмъ-то высшимъ, если онѣ имѣютъ въ виду нѣчто, лежащее выше всѣхъ индивидуальных цѣлей, а не подсказаны ему только людьми. Общій духъ, который не есть *субъектъ* собственныхъ цѣлей, не можетъ быть и объектомъ индивидуальной нравственности»¹⁾. Такимъ образомъ универсальный духъ долженъ быть мыслимъ не только какъ «цѣле-объектъ», но и какъ «цѣле-субъектъ». Но Вундтъ не признаетъ существованія такого «цѣле-субъекта», а потому и не имѣетъ права говорить объ универсальныхъ цѣляхъ. Въ этомъ пунктѣ этики Вундта сильнѣе всего чувствуется недостатокъ религіознаго обоснованія ея, недостатокъ, настолько существенный, что вся этика Вундта оказывается не имѣющею почвы. Для обоснованія морали необходимо признать, что существуетъ высочайшее Существо, которое создало нравственный міропорядокъ и которое заботится объ его поддержаніи. Необходимо признать, что существуетъ абсолютный цѣлесубъектъ, полагающій всеобщія цѣли для человѣчества, цѣли, кото-

¹⁾ Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1889, стр. 100.

рыя стоять выше стремленій человѣческихъ и преслѣдованію которыхъ человѣкъ долженъ самоотверженно предаваться. Только вѣра въ Провидѣніе, справедливо говоритъ Е. Гартманнъ, можетъ дать человѣку ручательство въ томъ, что въ своемъ нравственномъ поведеніи онъ жертвуетъ тѣломъ и жизнию не для сомнительной фікціи универсальныхъ цѣлей, и что онъ не напрасно обманываетъ себя самого относительно, быть можетъ, единственно достижимаго блага—счастія индивидуальной жизни. Вѣра же въ существованіе какого-то неопредѣленнаго и никогда недостижимаго идеала не можетъ указать человѣку истинной цѣли жизни и средствъ къ осуществленію этой цѣли. Истинный смыслъ жизни и правила нравственной жизни можетъ указать намъ только Творецъ и Промыслитель міра. Недаромъ же, по утвержденію самого Вундта, нравственныя представленія всегда были тѣсно соединены съ религіозными представленіями; это обстоятельство говоритъ за то, что между тѣми и другими представленіями существуетъ связь не случайная и временная, а необходимая и существенная.

Итакъ мы видимъ, что этика Вундта не можетъ дать правилъ нравственной жизни, потому что она не имѣетъ религіознаго обоснованія. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она неполна и не имѣетъ подъ собою почвы. Стоитъ только Вундту дополнить свою этику признаніемъ религіозной основы, тогда и нѣкоторыя этическія размышленія его, дѣйствительно глубокія и симпатичныя и близкія христіанскимъ воззрѣніямъ, получатъ надлежащее значеніе.

Будемъ же надѣяться, что свѣтскіе мыслители не замедлятъ отказаться отъ бесплодныхъ усилій—построить этику на одной только научной основѣ, которая оказывается недостаточною для этой цѣли, и признаютъ, наконецъ, что нѣтъ и не можетъ быть «морали безъ Бога». Будемъ надѣяться, что этика Вундта есть именно тотъ предѣльный пунктъ, дальше котораго «безрелигіозная» мораль не можетъ пойти и съ котораго она должна поворотить на истинный путь религіозной морали!...

Стефанъ Говоровъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 10. 1891 года.

Содержаніе. ВѢСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.—Правила о школахъ грамоты.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи I. II.—Отъ Харьковского Епархіальнаго Попечительства.—Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВѢСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода 15 мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ лицъ Харьковской епархіи нижеслѣдующими знаками отличія за службу по епархіальному вѣдомству: а) *наперснымъ крестомъ съ украшеніями изъ Кабинета Его Величества*—города Харькова, кафедральнаго Успенскаго собора, протоіерея Тимоѳея Павлова; б) орденомъ *св. Владиміра 3-й степени*—города Харькова, ключаря кафедральнаго Успенскаго собора, протоіерея Симеона Иларіонова; в) орденомъ *св. Владиміра 4-й степени*—того-же собора, протоіерея Павла Дашневскаго; г) орденомъ *св. Анны 2-й степени*—ректора Харьковской духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Кратирова; г. Изюма, соборной Преображенской церкви, протоіерея Теофила Макужина; Лебединскаго уѣзда, слободы Ворожбы, протоіерея Іоанна Сатухина; д) орденомъ *св. Анны 3-й степени*—Изюмскаго уѣзда, церкви села Щуровой, священника Іоанна Твердохлѣбова; Зміевскаго уѣзда, церкви сл. Волохова-Яра, священника Іоанна Чудновскаго; г. Сумъ, соборно-Преображенской церкви, священника Николая Фесенкова.

СПИСОКЪ

лицамъ духовнаго званія, кои за службу по духовному вѣдомству награждаются Святѣйшимъ Синодомъ, ко дню Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

По Харьковской епархіи: а) *палицею*—города Харькова, церкви при институтѣ благородныхъ дѣвицъ, протоіерей Андрей *Дюковъ*; б) *саномъ архимандрита*—экономъ Харьковскаго архіерейскаго дома, іеромонахъ *Іосифъ*; в) *саномъ протоіеря*—г. Харькова, Благовѣщенской церкви, священникъ *Василій Проскурниковъ*; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Бѣлгорода, священникъ *Гавріиль Буханцевъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Литвиновки, священникъ *Іоаннъ Кузнецовъ*; Купянскаго уѣзда, церкви села Ново-Георгіевска, священникъ *Василій Поповъ*; того же уѣзда, церкви слободы Ново-Екатеринославля, священникъ *Михаилъ Чернявскій*; г) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—казначей Ряснянскаго св. Дмитріевскаго монастыря, іеромонахъ *Іовъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Зориковки, священникъ *Михаилъ Любишкій*; того же уѣзда, церкви слободы Подгоровки, священникъ *Василій Аристовъ*; того же уѣзда, церкви слободы Боровской, священникъ *Александръ Ветуховъ*; Сумскаго уѣзда, церкви села Ульяновки, священникъ *Димитрій Эннатскій*; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Гусинки, священникъ *Василій Соколовскій*; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Шиноватой, священникъ *Алексѣй Поповъ*; Валковскаго уѣзда, церкви слободы Станичнаго, священникъ *Ілія Энеидовъ*; г. Краснокутска, Успенской церкви, священникъ *Алексѣй Снѣсаревскій*; Зміевскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Андреевки, священникъ *Николай Жуковъ*; того же уѣзда, г. Чугуева, Рождество-Богородичной церкви, священникъ *Іоаннъ Жадановскій*; того же уѣзда, церкви слободы Алексѣевки, священникъ *Андрей Курасовскій*; д) *камилавкою*:—Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Стрѣльцовки, священникъ *Павель Лисенковъ*; того же уѣзда, церкви слободы Лашиновки, священникъ *Харлампій Твердохльбовъ*; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Базалѣевки, священникъ *Іаковъ Поповъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви села Коротича, священникъ *Порфирій Шокотовъ*; Купянскаго уѣзда, церкви слободы Терновъ, священникъ *Іоаннъ Измайловъ*; того же уѣзда, церкви села Кабанья, священникъ *Никита Жуковъ*; Изюмскаго уѣзда, церкви слободы Рубцовой, священникъ *Павель Титовъ*; того же уѣзда, церкви се-

ла Знаменскаго, священникъ *Димитрій Твердохимбовъ*; того же уѣзда, церкви слободы Веревкиной, священникъ *Симеонъ Мухинъ*; Зміевскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Покровской, священникъ *Павелъ Вышешірскій*.

Правила о школахъ грамоты.

§ 1. Школы грамоты суть школы начальнаго обученія, открываемыя въ приходахъ городскихъ и сельскихъ, а равно и при монастыряхъ.

§ 2. Всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, подлежатъ исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства. Попеченіе о школахъ грамоты въ приходахъ и руководство оными возлагается на мѣстныхъ священниковъ, или на тѣ лица, кои будутъ назначены для сего Епархіальнымъ Архіереемъ. Отвѣтственность за православно-церковное направленіе школы во всякомъ случаѣ возлагается на приходскаго священника.

§ 3. Школы грамоты могутъ быть учреждаемы членами причтовъ, монастырями, благотворительными учрежденіями, однимъ или нѣсколькими прихожанами, сельскими и городскими обществами и земствомъ.

§ 4. Мѣстные прихожане, желающіе открыть на свои средства школу грамоты, обращаются за совѣтомъ и указаніями къ приходскому священнику, на обязанность котораго возлагается приисканіе для открываемой школы благонадежныхъ учителя и попечителя и забота о снабженіи ея необходимыми руководствами и учебными пособіями. Всѣ могущія возникнуть между приходскимъ священникомъ и устроителями школы недоразумѣнія разрѣшаются уѣзднымъ отдѣленіемъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, по докладу мѣстнаго о. наблюдателя.

§ 5. Лица и учрежденія, не принадлежащія къ приходу, желающія открыть одну или нѣсколько школъ грамоты въ приходѣ, обращаются съ своимъ предложеніемъ или въ уѣздное отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, или къ мѣстному священнику и сообщаютъ при этомъ, гдѣ и на какія средства предполагается открыть школу.

§ 6. Въ школахъ грамоты обучаютъ священники, діаконы и другіе члены причта, а также свѣтскіе учителя, избираемые изъ лицъ православнаго исповѣданія, благочестивой жизни и знакомыхъ съ предметами начальнаго обученія. Избраніе учителей для

школъ грамоты предоставляется учредителямъ оныхъ, по соглашенію съ приходскимъ священникомъ.

§ 7. Лица, имѣющія свидѣтельство на званіе учителя, допускаются къ учительству въ школъ грамоты по удостовѣреніи въ нравственной ихъ благонадежности, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія уѣзднаго отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 8. Если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо не имѣетъ свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходскихъ школъ, то священникъ предварительно удостовѣряется въ знашіи имъ молитвъ, священной исторіи, краткаго катихизиса и прочихъ предметовъ обученія въ школъ грамоты, и если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо окажется достаточно свѣдущимъ въ Законѣ Божіемъ и въ прочихъ предметахъ школы грамоты и нравственно благонадежнымъ, то приходскій священникъ даетъ такому лицу письменное разрѣшеніе на вступленіе въ должность учителя, о чемъ и доноситъ уѣздному отдѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Лица, допущенныя къ учительству въ школахъ грамоты, на основаніи сего § правилъ, не пользуются льготою по 63 ст. Уст. о воинской повинности.

§ 9. Учителя школъ грамоты, имѣющіе свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходской школы, пользуются всѣми присвоенными симъ званіямъ правами и освобождаются отъ отбыванія воинской повинности по 63 ст. Уст. о сей повин., съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ со времени зачисленія ихъ въ запасъ уѣздныхъ отдѣленія Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ представляли о таковыхъ учителяхъ въ подлежащія по воинской повинности присутствія удостовѣренія въ томъ, что означенные учителя школъ грамоты не оставили соотвѣтствующихъ ихъ званію занятій.

§ 10. Приходскіе священники ходатайствуютъ предъ уѣздными отдѣленіями объ утвержденіи въ званіи попечителей школъ грамоты тѣхъ лицъ, кои устроили таковыя школы, или оказываютъ имъ содѣйствіе своими матеріальными средствами, а общества и учрежденія, открывшія школы грамоты, сами избираютъ изъ своей среды попечителя школы. Попечители школъ грамоты утверждаются въ семъ званіи Епархіальнымъ Архіереемъ, по представленіямъ уѣздныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 11. Попечители школъ грамоты, вмѣстѣ съ приходскими священниками, заботятся: 1) объ устройствѣ удобнаго школьнаго по-

мѣщенія и о доставленіи классныхъ принадлежностей, 2) о своевременномъ, по мѣстнымъ условіямъ, началѣ школьнаго ученія и о возможно исправномъ посѣщеніи школы учащимися, 3) о своевременной и исправной выдачѣ учителю положеннаго вознагражденія и 4) о возможно исправномъ посѣщеніи храма Божія учащимися, съ каковою цѣлію въ отдаленныхъ отъ церкви деревняхъ можетъ быть учрежденъ добровольный нарядъ очередныхъ подводъ.

§ 12. Попечители школъ грамоты изъ крестьянъ пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія (п.п. 1 и 2 ст. 124 Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.).

§ 13. Попечители школъ грамоты, оказавшіе особое матеріальное и нравственное содѣйствіе преуспѣянію означенныхъ школъ, по засвидѣтельствованію о семъ членовъ уѣздныхъ отдѣленій, лично обозрѣвавшихъ школы, и на основаніи журнальныхъ постановленій сихъ отдѣленій, могутъ быть представляемы Епархіальными Преосвященными къ почетнымъ наградамъ.

§ 14. Предметы курса школъ грамоты составляютъ: Законъ Божій (краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и краткій Катихизисъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковнославянское и русское, письмо и начальное счисленіе.

§ 15. Преподаваніе въ школахъ грамоты производится по руководствамъ, учебнымъ пособіямъ и вообще книгамъ, указаннымъ Святѣйшимъ Синодомъ и Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ. При названныхъ школахъ, по мѣрѣ средствъ, составляются учительскія и ученическія бібліотеки изъ книгъ, одобренныхъ и допущенныхъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

§ 16. Въ каждой школѣ грамоты должна быть классная книга, въ которую учитель вноситъ имена и фамиліи учащихся, отмѣчаетъ пропущенные ими уроки, съ объясненіемъ причинъ таковыхъ пропусковъ, и ведетъ записъ содержанія преподаваемыхъ уроковъ. Въ эту же книгу священникъ, попечитель и наблюдатель, отъ времени до времени, вносятъ свои замѣчанія объ успѣхахъ учащихся и вообще о ходѣ школьнаго обученія.

§ 17. Опредѣленіе учебнаго времени въ школахъ грамоты въ теченіе года и составленіе росписанія недѣльныхъ уроковъ для сихъ школъ возлагается на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

§ 18. По окончаніи учебнаго года, священникъ, совмѣстно съ

учителемъ и попечителемъ школы и, по возможности, въ присутствіи сельскихъ властей и родителей учащихся, производить испытаніи всѣмъ ученикамъ школы грамоты. Удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ ученики и ученицы школъ грамоты получаютъ удостовѣреніе въ знаніи ими пройденнаго курса, за подписью приходскаго священника, попечителя и учителя школы, съ приложеніемъ церковной печати. Уѣздныя отдѣленія заблаговременно снабжаютъ приходскихъ священниковъ бланками означенныхъ удостовѣреній. Удостоверенія сіи никакихъ правъ по отбыванію воинской повинности получившимъ ихъ ученикамъ не даютъ. Для полученія свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности ученики школъ грамоты могутъ подвергаться испытанію въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ духовнаго вѣдомстваа наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ (Собр. Указ. и Расп. Прав. 1889 года, № 31, ст. 272).

§ 19. Для успѣшнаго хода учебно-воспитательной части въ школахъ грамоты, приходскимъ священникамъ вмѣняется въ обязанность возможно частое посѣщеніе ихъ.

§ 20. При посѣщеніи школы грамоты священникъ испытываетъ учащихся въ пройденномъ, наблюдаетъ за преподаваніемъ учителя и ведетъ бесѣды по предметамъ Закона Божія. Особенное вниманіе со стороны священника должно быть обращено на церковно-воспитательную сторону школъ грамоты, какъ-то: благоговѣнное чтеніе молитвъ въ школѣ, посѣщеніе учащимися храма Божія въ воскресные и праздничные дни, внѣклассное чтеніе книгъ и брошюръ назидательнаго содержанія.

§ 21. Предъ началомъ и при окончаніи учебнаго года совершаются молебствія, на кои своевременно приглашаются сельскія власти и родители учащихся.

§ 22. Въ праздничные и воскресные дни предоставляется учителю устраивать вечернія чтенія въ школѣ для учащихся и ихъ родителей. Чтенія эти сопровождаются пѣніемъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній и производятся по указаніямъ и подъ руководствомъ приходскаго священника.

§ 23. Возлагаемая сими правилами на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ обязанности по завѣдыванію школами грамоты въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ таковыя отдѣленія еще не открыты, возложить временно, впредь до открытія сихъ отдѣленій, на епархіальные училищные совѣты.

§ 24. Высшее управленіе всѣми школами грамоты и распоря-

женіе отпускаемыми на ихъ содержаніе суммами принадлежитъ Святѣйшему Сѹноду, который, въ развитіе настоящихъ правилъ, имѣеть издавать особыя постановленія.

Подлинныя правила подписали: *Исидоръ*, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, *Іоанникій*, митрополитъ Московскій и Коломенскій, *Леонтій*, архіепископъ Холмско-Варшавскій, *Сергій*, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, *Амвросій*, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, епископъ *Германъ*, епископъ *Маркелъ*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѹнода.

Отъ 10-го—13-го мая 1891 года, за № 2013, о Высочайше утвержденныхъ 4-го мая 1891 г. правилахъ о школахъ грамоты.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѹнодъ слушали: предложеніе Г. Сѹнодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 8-го мая сего года, за № 2132 о томъ, что, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Сѹнода отъ 13—15-го февраля 1891 года, за № 394, съ правилами о школахъ грамоты, Государь Императоръ, въ 4-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ правила сіи утвердить и опредѣленіе Святѣйшаго Сѹнода повелѣлъ исполнить. Справка: Святѣйшій Сѹнодъ 13-го—15-го февраля 1891 года опредѣлилъ: выработанныя Училищнымъ при Святѣйшемъ Сѹнодѣ Совѣтомъ и рассмотрѣнныя Министрами Народнаго Просвѣщенія, Военнымъ и Внутреннихъ Дѣлъ, правила о школахъ грамоты, по подписаніи ихъ Сѹнодомъ, повергнуть чрезъ Г. Сѹнодальнаго Оберъ-Прокурора на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе и утвержденіе и предоставить Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на введеніе сихъ правилъ въ дѣйствіе во всѣхъ епархіяхъ, кромѣ Рижской и Великаго Княжества Финляндскаго, гдѣ начальныя школы православнаго населенія имѣють особое устройство. Приказали: Въ 13-й день іюня 1884 года Его Императорскому Величеству благоугодно было утвердить правила о церковно-приходскихъ школахъ, коими православному духовенству предоставлено отърывать сіи школы повсемѣстно для обученія подросткающаго поколѣнія истинамъ вѣры и нравственности христіанской, подъ кровомъ церкви православной и въ духѣ всецѣлой преданности Пре-

столу и отечеству. Приходское духовенство, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія внявъ Всемиловѣйшему Царскому Слову, выразившему надежду, что «духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ», потщилось по мѣрѣ силъ своихъ оправдать возлагавшуюся на него надежду. Въ теченіе минувшаго столѣтія оно открыло и поддерживаетъ около девяти тысячъ школъ церковныхъ въ мѣстахъ наиболѣе населенныхъ и болѣе другихъ нуждающихся въ средствахъ для народнаго просвѣщенія. Школы эти, связанные нераздѣльно съ церковію и съ ученіемъ православной вѣры, находятъ живое сочувствіе въ народѣ, который видитъ въ нихъ надежное средство для религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, составляющаго твердый оплотъ противъ вторгающихся извнѣ въ темную крестьянскую среду различныхъ лжеученій. Сочувствіе свое крестьяне выражаютъ посильными матеріальными пожертвованіями на устройство и содержаніе школъ и вознагражденіе учащихся. Добрые плоды, которые уже успѣли отчасти принести церковно-приходскія школы своимъ благотворнымъ вліяніемъ на учащихся, мало по малу привлекаютъ вниманіе къ нимъ образованнаго общества, и многіе изъ землевладѣльцевъ и лицъ служебнаго сословія приходятъ на помощь духовенству при открытіи школъ. Несмотря однако же на значительное распространеніе церковно-приходскихъ школъ и ожидаемое умноженіе ихъ въ будущемъ, школы эти своимъ количествомъ не въ состояніи удовлетворить нуждѣ въ обученіи всему сельскому населенію. Въ небольшихъ поселкахъ и малолюдныхъ деревняхъ школы эти, при всей своей, сравнительно съ другими начальными народными училищами, дешевизнѣ, даже при бесплатномъ трудѣ церковныхъ причтовъ, часто не по силамъ малочисленному населенію. Въ такихъ поселкахъ, по большей части удаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ, духовенство устрояетъ школы грамоты, предоставленныя правилами 13-го іюня 1884 г. исключительно попеченію его и завѣдыванію. Выработанныя для сихъ школъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, рассмотрѣнными подлежащими Министерствами и одобренныя Святѣйшимъ Синодомъ «Правила о школахъ грамоты» въ 4-й день сего мая Высочайше утверждены. Съ радостію приѣмля Высочайшее Государя Императора утвержденіе правилъ о школахъ грамоты, какъ новый знакъ Державнаго довѣрія къ православному духовенству, Святѣйшій Синодъ уповаетъ, что школы сіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ приходскихъ священниковъ, послужатъ однимъ изъ

благонадежнѣйшихъ и благоуспѣшнѣйшихъ средствъ къ распространенію грамотности и основныхъ истинъ вѣры и въ небольшихъ поселеніяхъ нашего отечества. Получая нынѣ правильное устройство, школы грамоты становятся надежною первою ступенью для дальнѣйшаго народнаго образованія. Святѣйшій Синодъ надѣется, что приходское духовенство, въ теченіе истекшаго шестилѣтія столь ревностно послужившее, подъ попечительнымъ руководствомъ своихъ архипастырей, народному просвѣщенію въ духѣ церкви православной, потщится, съ помощію Божіею, о повсемѣстномъ открытіи школъ грамоты для распространенія и утвержденія въ православномъ народѣ церковнаго просвѣщенія и истиннаго благочестія. Да почіетъ благословеніе Божіе на сихъ разсадникахъ народнаго образованія и да усугубитъ Господь силы всѣхъ, въ нихъ труждающихся.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ семинарію слѣдующее:

1) Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы семинаріи, въ настоящемъ году, будутъ начаты 2-го, а переэкзаменовки для воспитанниковъ семинаріи—7-го Августа.

2) Всѣ поступающіе въ семинарію, лица свѣтскаго званія, не исключая и тѣхъ, которые переведены въ 1-й классъ семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ въ количествѣ 40 рублей или за полугодіе—20 рублей, безъ чего не будутъ приняты въ семинарію.

3) Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя ректора семинаріи къ 7-му августа сего года съ приложеніемъ благочиннаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитывается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ семинарское обще-

житіе, должны испросить на это разрѣшеніе у инспектора семинаріи и внести 35 рублей впередъ за первую треть года. Кромѣ того, они обязаны имѣть постельныя принадлежности такого точно вида, какой установленъ для казеннокоштныхъ учениковъ, или внести эконому 15 рублей на пріорѣтеніе ихъ, въ противномъ случаѣ не будутъ приняты въ общежитіе.

5) Всѣ воспитанники семинаріи обязаны имѣть къ 1-му октября сего года форменную одежду: одну суконную пару, одну лѣтнюю парусинную пару и суконную фуражку. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 руб., лѣтняя въ 6 руб. 50 к., фуражка въ 1 руб. 25 к.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

II.

22-го Мая сего 1891 года въ Правленіе Семинаріи поступили доставленныя благочиннымъ 2-го Кунянскаго округа священникомъ Михаиломъ Чернявскимъ пожертвованія на устройство зданія для общежитія при Семинаріи слѣдующія: отъ причта и старосты Ново-Екатеринославской Сошествіевской церкви 25 р., Ново-Глуховской Троицкой церкви 15 р., Боровской Рождество-Богородицкой ц. 15 р., Тарасовской, Николаевской ц. 10 р., Ново-Красной, Вознесенской ц. 10 р., Нижне-Дуванской, Θεодоро-Стратилатовской ц. 10 р., Преображенска, Преображенской ц. 10 р., села Свистуновки, Георгіевской ц. 10 р., села Мѣловатки, Иоанно-Предтечевской ц. 10 р., Нижне-Дуванской, Александро-Невской ц. 10 р., села Кабанья, Вознесенской ц. 10 руб., села Кабанья, Преображенской ц. 10 р., Краснянки, Архангело-Михайловской ц. 10 р., сл. Терновъ, Николаевской ц. 10 р., Гороховатки, Воскресенской ц. 10 р., Поповки, Рождество-Богородицкой ц. 7 р., Гончаровки, Кресто-Воздвиженской ц. 5 р., Никольской, Покровской ц. 5 р., Наугольновской, Николаевской ц. 5 р., Дружелюбовой, Петро-Павловской ц. 5 р., Торской, Вознесенской ц. 5 р., Песчанской, Вознесенской ц. 5 руб., Юрьевки, Петро-Павловской ц. 5 руб., Боголюбовки, Воскресенской ц. 6 р., Радьковки, Покровской ц. 3р., Ново-Екатеринослава, Успенской ц. 3 р., Ново-Глухова, Преображенской ц. 3 р., Калиновой, Владиміро-Богородичной ц. 2 р., Комаровки, Успенской ц. 1 р., Бѣлоцерковки, Александро-Невской ц. 5 р. Итого 240 рублей.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ вы-

разить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства.

Харьковское Епархіальное Попечительство просить оо. благочинныхъ епархіи взыскать съ священно-церковно-служителей епархіи и представить въ Попечительство опредѣленные XIII Епархіальнымъ Съѣздомъ взносы въ пользу умершихъ: 1) священниковъ: Харьковскаго уѣзда села Мироновки Іоанна Котлярова, города Лебедина Георгіевской церкви Михаила Приходькова, Волчанскаго уѣзда села Ивановки Преображенской церкви Димитрія Рубинскаго и села Пашиковки Покровской церкви Алексѣя Шишкина и Старобѣльскаго уѣзда сл. Бѣловодска Троицкой церкви Іоанна Федорова; 2) діаконовъ: г. Лебедина Вознесенской церкви Θεодора Кремповскаго и Волчанскаго уѣзда села Рубленнаго Симеона Булгакова и 3) псаломщиковъ: Зміевскаго уѣзда сл. Ново-Серпухова Якова Стеллецкаго и Волчанскаго уѣзда села Василенкова Агаѳона Чиркина и села Козники Антонія Михайловскаго.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

13-го мая н. г. Совѣтъ училища постановилъ: «Просить вторично содѣйствія Его Высокопреосвященства о вмѣненіи въ обязанность духовенству епархіи, какъ оо. благочиннымъ, такъ равно родителямъ и опекунамъ, чтобы они при взносовъ денегъ въ училище вмѣстѣ прилагали и описи всѣхъ представляемыхъ ассигнацій, безъ чего взносы принимаемы не будутъ, о чемъ къ свѣдѣнію духовенства и отпечатать въ Епархіальномъ Листкѣ журнала «Вѣра и Разумъ». На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 20 мая, за № 760, послѣдовала такова: «Утверждается».

Епархіальныя извѣщенія.

Саященникъ Покровской церкви сл. Пассековки Волчанскаго уѣзда, Алексѣй *Шишкинъ* 5 мая 1891 г. умеръ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской дух. семинаріи, Николай *Астремскій*, опредѣленъ на свящ. мѣсто къ церкви сл. Пассековки.

— Священникъ Георгіевской цер. гор. Лебедина, Михаилъ *Приходьковъ*, волею Божіею умеръ, а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ Покровской ц. с. Бригадировки Богодуховскаго у., Аполмоній *Гончаревскій*.

— Крестьянинъ Стефанъ *Лиманъ* уволенъ отъ должности церковнаго старосты Арханг.-Михайловской ц. заштатнаго города Бѣлополя Сумскаго уѣзда, согласно его прошенію. Крест. Василій *Павленко* уволенъ отъ должности церков. старосты Георгіевской ц. хут. Павленкова Лебединскаго уѣзда, согласно его прошенію.

Вакантныя мѣста:

Священническія: при Покровской церкви сл. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда; Покровской ц. сл. Глазуновки, Зміевского уѣзда; Троицкой ц. сл. Мироновки, Харьковск. уѣзда; Преображенской ц. сл. Ивановки, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконскія: при Троицкой ц. гор. Лебедина.

— Псаломщицкія: при Покровской ц. сл. Рубленнаго, Волчанскаго у.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжество закладки храма на мѣстѣ чудеснаго спасенія Августѣйшей Семьи, 17 октября 1888 года.—Состояніе христіанства въ Японіи.—Сараевскія церковныя вниги.—Синодъ галицко-русскихъ епископовъ.—Православные храмы въ Привислянскомъ краѣ.—Культурная дѣятельность русскихъ монастырей.—Правила о тарифѣ на проѣздъ по казеннымъ дорогамъ учащихъ и учащихся.—Дѣятельность штудистовъ.—Брошюры графа Л. Н. Толстаго.—Харьковское общество распространенія грамотности въ народѣ.—Неврологъ В. М. Извольскаго.

Торжество закладки храма на мѣстѣ чудеснаго спасенія Августѣйшей Семьи 17-го октября 1888 г.

День 21-го мая 1891 года, по сообщенію мѣстныхъ газетъ, навсегда останется знаменательнымъ въ жизни харьковскаго общества: въ этотъ день совершилась закладка храма на томъ мѣстѣ, гдѣ два года и семь мѣсяцевъ тому назадъ чудодѣйственнымъ образомъ проявились сила и величіе Промысла Божія, спасаго драгоцѣннѣйшую жизнь Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. Вновь общество и всѣ его главнѣйшіе представители завоновались тѣми радостными чувствами, которыя наполняли сердца всѣхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ чуда, при лицезрѣніи обожаемаго Монарха, Его Августѣйшей Супруги и Ихъ Августѣйшихъ

Дѣтей. Вновь обществу предстояло счастье увидѣть Матушку-Царицу и членовъ Царской Семьи.

Еще 20-го мая, съ такъ называемымъ дополнительнымъ поѣздомъ въ 11 час. 40 мин. но́чи изъ Харькова выѣхали въ Спасовъ Скитъ высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, начальникъ Харьковской губерніи т. с. А. И. Петровъ, соборное духовенство съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ и др. Поѣздъ прибылъ въ Спасовъ Скитъ въ 3-мъ часу пополудни.

Уже изъ окна вагона, при блѣдномъ свѣтѣ едва начинающагося утра, можно было замѣтить, что вся окрестность приняла праздничный видъ: попадавшіеся на пути полустанки и платформы были красиво декорированы національными флагами и гирляндами.

Ко времени прибытія Императорскаго поѣзда мѣсто знаменательнаго событія 17 октября 1888 г. представляло собою рѣдкую по красотѣ и оживленную картину. Центромъ этой картины былъ роскошно обставленный павильонъ, который обозначалъ собою то мѣсто, гдѣ будетъ воздвигнуть алтарь проектируемаго храма во имя Христа Спасителя. Павильонъ этотъ, находящійся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ той насыпи, на которой 17 октября 1888 г. произошло крушеніе Императорскаго поѣзда, былъ обтянутъ матеріей національныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ преобладалъ бѣлый цвѣтъ.

На правой сторонѣ павильона помѣщенъ каменный столбъ, на которомъ будетъ воздвигнуть престолъ храма. Въ глубинѣ павильона сдѣланъ изъ красной матеріи экранъ, на которомъ помѣщены акварельные чертежи проекта будущаго храма. Путь отъ сдѣланной спеціально для поѣзда Августѣйшихъ Особъ платформы, также украшенный флагами и гирляндами, по направленію къ церкви Спасова Скита и затѣмъ къ вышеописанному павильону, — устланъ сѣрымъ сукномъ. Отъ этого же павильона вправо, по направленію къ полотну желѣзной дороги, ведетъ также устланная сукномъ аллея, сдѣланная изъ національныхъ флаговъ и гирляндъ. У самой насыпи стоитъ другой красивый павильонъ, устроенный администраціей Азовской дороги.

На самомъ высокомъ пунктѣ насыпи, почти у самаго полотна желѣзной дороги, отмѣчено четырьмя флагами то мѣсто, гдѣ во время крушенія находился Великокняжескій вагонъ, изъ котораго вышла невредимой Великая Княжна Ольга Александровна. У подножія насыпи на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ вагона-столовой вышла невредимой чудомъ Божиимъ спасенная Августѣйшая Семья, стоитъ деревянный крестъ съ изображеніемъ Нерукотворнаго Спаса: здѣсь

воздвигнута будетъ пещерная часовня. Еще ниже, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ея Императорское Величество Государыня Императрица, совершая высокій подвигъ христіанскаго милосердія, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми Своими заботливо ухаживала за несчастными ранеными, администраціей Азовской дороги разведенъ небольшой сверь, который, такимъ образомъ, находится между проектируемымъ храмомъ и часовней.

За оградой Спасова Скита еще съ вечера 22-го мая начали собираться массы окрестныхъ жителей и вскорѣ вокругъ ограды образовалось нѣчто въ родѣ очень оживленной ярмарки. Вчера рано утромъ настоятелемъ Скита игуменомъ о. Вассіаномъ, въ зимней церкви, устроенной при архіерейскихъ покояхъ, совершена была божественная литургія.

Въ 9 часовъ 45 мин. утра прибылъ въ Спасовъ Скитъ поѣздъ, въ которомъ прибыли представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, генералитетъ, начальники отдѣльныхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Харьковѣ, воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ и другихъ частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній съ начальницами этихъ заведеній во главѣ, студенты университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ съ ректоромъ проф. М. М. Алексѣенко, исправляющимъ должность попечителя учебнаго округа и директорами-профессорами Кирпичевымъ и Раевскимъ, воспитанники классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ съ своими директорами.

Императорскій поѣздъ, появленіе котораго на 277 верстѣ было встрѣчено восторженными кликами «ура» народа, — подошелъ къ платформѣ, спеціально устроенной противъ Спасова Скита, въ 12 часовъ 25 мин. по-полудни. Привѣтствуемые восторженными кликами «ура» присутствовавшихъ на платформѣ должностныхъ лицъ, вышли изъ вагона Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества — Великая Княжна Ксенія Александровна, Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ и Александръ Михайловичъ и друг. При звукахъ народнаго гимна «Боже, Царя храни», исполняемаго оркестромъ Пензенскаго пѣх. полка и колокольномъ звонѣ, на платформѣ Ея Императорское Величество привѣтствовали: г. начальникъ губерніи т. с. А. И. Петровъ, подавшій Ея Величеству почетный рапортъ; супруга его А. М. Петрова, поднесшая букетъ изъ чайныхъ розъ, губернскій предводитель дворянства графъ В. А. Кашисть, который, поднося Государынѣ Императрицѣ букетъ цвѣтовъ, сказалъ слѣдующее: «Съ

торжественно-радостными чувствами встрѣчаемъ мы Ваше Императорское Величество на этомъ священномъ мѣстѣ, гдѣ спасена вся Царственная Семья милосердной десницей Всевышняго. вмѣстѣ съ нами все дворянство Харьковской губерніи повергаетъ передъ Своею Августѣйшею Царицею восторженные чувства сыновней любви и благоговѣнія, которыя Вы, Государыня, вселила глубоко въ сердцахъ вѣрноподданныхъ Вашихъ. Эти чувства всегда будутъ неизмѣнно жить въ каждомъ изъ насъ и мы передадимъ ихъ, какъ святыню, нашимъ дѣтямъ и внукамъ. Благоволите, Великая Государыня, принять отъ насъ эти цвѣты и всеподданнѣйшія благодаренія наши за то счастье, которымъ Вы озарили насъ сегодня» ... Кромѣ того, уѣзднымъ предводителемъ дворянства княземъ Д. Ф. Голицынымъ поднесена была корзинка съ живыми цвѣтами; предсѣдателемъ губернской земской управы П. В. Кондратьевымъ и дамами поднесены были букеты живыхъ цвѣтовъ, которыми также усыпали путь Государыни. Далѣе поднесли хлѣбъ-соль: Харьковскій городской голова И. О. Фесенко, который, обращаясь къ Государынѣ Императрицѣ, сказалъ слѣдующее: «Великая Государыня! Граждане г. Харькова, вознося мольбы Творцу о здравіи обожаемаго Монарха и Его Августѣйшей Семьи, просятъ осчастливить принятіемъ хлѣба-соли. Да хранитъ Господь Державную Семью для блага и счастья нашей родины!» купеческій староста Н. А. Жевержеевъ, вмѣстѣ съ Н. Д. Орловымъ привѣтствовавшій Ея Императорское Величество отъ имени Харьковскаго купеческаго общества, и волостной старшина Тарановской волости. Ея Величество удостоила нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и дамъ милостивымъ разговоромъ и затѣмъ вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами изволила отправиться въ церковь Спасова Святогорскаго Скита. При входѣ въ церковь Ея Величество встрѣчена была высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, который, обращаясь къ Ея Величеству, произнесъ глубоко-прочувствованную рѣчь. Рѣчь эта напечатана въ церковномъ отдѣлѣ настоящей книжки нашего жунала.

Приложившись ко св. Кресту и иконамъ, при пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя», изъ церкви Спасова Скита Государыня Императрица отправилась къ мѣсту крушенія Императорскаго поѣзда вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ: впереди со крестомъ и хоругвями шло духовенство во главѣ съ высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, а въ самой срединѣ изволили шествовать Ея Императорское Величество, Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксенія Александровна, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Михайлъ Николаевичъ и Александръ Михайловичъ.

Передъ входомъ въ павильонъ, гдѣ происходила закладка, Ея Императорское Величество встрѣтила депутація отъ Императорскаго Харьковскаго университета, состоявшая изъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ, ректора университета, д. с. с. М. М. Алексѣенко, нѣкоторыхъ профессоровъ и двадцати студентовъ, поднесшихъ Ея Величеству букетъ. Здѣсь же расположены были студенты институтовъ технологическаго и ветеринарнаго во главѣ со своимъ начальствомъ, воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ, воспитанницы Харьковскихъ гимназій, привѣтствовавшія Государыню восторженными кликами. Ея Величество отвѣчала на привѣтствія милостивыми поклонами.

Въ павильонѣ, на мѣстѣ котораго предполагается воздвигнуть престолъ проектируемаго храма, высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ отслужено было молебствіе и совершено освященіе мѣста, предназначеннаго для устройства престола, а вслѣдъ за этимъ закладка самаго престола.

Прежде, чѣмъ былъ положенъ первый камень, въ особую урну влито было масло и вложено нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ, и все это было закрыто металлической доской, вложенной между двумя каменными плитами. Г. начальникъ губерніи передъ окончаніемъ молебствія прочелъ слѣдующую надпись на этой доскѣ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Храмъ сей во имя Христа Спасителя, преславнаго Преображенія Его сооруженъ въ память чудеснаго спасенія отъ смертной опасности Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III-го, Супруги Его Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ—Великихъ Князей Николая, Георгія и Михаила Александровичей и Великихъ Княженъ Ксеніи и Ольги Александровнъ при крушеніи на семь мѣстъ желѣзно дорожнаго поѣзда 17 октября 1888 года на пожертвованія Харьковскаго губернскаго земства, города Харькова и усердствовавшихъ вѣрно-поданныхъ со всей Россіи. Храмъ сей заложенъ 21 мая 1891 г. въ благополучное Царствованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора и Самодержца Александра III и первый камень въ основаніе его положенъ Собственноручно Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Михаила Николаевича и Александра Михайловича и Великой Княжны Ксеніи Александровны. Да будетъ храмъ сей

вѣчнымъ и благодарнымъ памятникомъ милостей Божіихъ, явленныхъ благополучно Царствующему Государю Императору, Его Августѣйшему Семейству и всей Россіи. Аминь.

Первый камень положенъ былъ Государыней Императрицей, причемъ строитель-архитекторъ Р. Р. Марфельдъ подалъ Ея Величеству камень и серебряный молотокъ, а подрядчикъ И. Г. Губонинъ клалъ цементный растворъ. Слѣдующіе камни положены были Ихъ Императорскими Высочествами Великой Княжнѣ Ксєніей Александровною, Великими Князьями Михаиломъ Николаевичемъ и Александромъ Михайловичемъ, высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, г. начальникомъ губерніи, его супругой, губернскимъ предводителемъ дворянства, его супругой и друг.

Вслѣдъ за этимъ высокопреосвященнѣйшій Амвросій отъ имени братіи Спасова Скита поднесъ Государынѣ Императрицѣ Образъ Нерукотвореннаго Спаса, прося Ея Величество помѣститъ этотъ образъ въ своихъ покояхъ въ воспоминаніе о чудѣ, совершенномъ надъ Августѣйшей Семьею 17-го октября. Г. начальникъ губерніи поднесъ Ея Величеству въ изящной плюшевой рамкѣ фотографической снимокъ будущаго храма работы извѣстнаго Харьковскаго фотографа А. К. Федецаго.

По окончаніи богослуженія, окончившагося провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Царствующему Дому, Ея Величество, привѣтствуемая громогласнымъ «ура» и звуками народнаго гимна, изволила осматривать то мѣсто, гдѣ три года тому назадъ произошло крушеніе Императорскаго поѣзда, и затѣмъ изволила удостоить милостиваго разговора воспитанницъ института благородныхъ дѣвицъ, которымъ Государыня отдала одинъ изъ Своихъ букетовъ, въ одно мгновеніе раздѣленный между институтками.

Передъ отбытіемъ Императорскаго поѣзда Государыня Императрица пожелала взойти на полотно желѣзной дороги по той самой насыпи, на которой произошло памятное событіе 17-го октября.

Вдоль лѣстницы, по которой изволила слѣдовать Ея Величество, расположилась масса публики и преимущественно студентовъ, съ восторженными криками «ура» шѣловавшихъ руки и платье Государыни Императрицы. Въ этотъ моментъ народный энтузіазмъ дошелъ до своего апогея и непрерывное, вырывавшееся изъ тысячи грудей «ура» сливалось со звуками народнаго гимна. Дойдя до вершины насыпи, на которой стоялъ Императорскій поѣздъ, Ея Величество изволила сѣсть въ вагонъ и изъ окна его до самаго от-

хода поѣзда милостиво раскланивалась съ толпой не перестававшей провожать обожаемую Царицу восторженными криками.

Долго еще по уходѣ Императорскаго поѣзда не расходилась толпа, видимо находившаяся подъ обаяніемъ только-что пережитыхъ чудныхъ минутъ, которыя едва-ли когда-либо изгладятся изъ памяти тѣхъ, кто видѣлъ въ этотъ день Государыню, кто былъ очарованъ Ея милостивымъ взглядомъ...

Тотчасъ по уходѣ Императорскаго поѣзда, который отбылъ изъ Спасова Скита въ 1 часъ 15 мин. по-полудни, все духовенство съ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ отправилось снова въ церковь, гдѣ отслужено было молебствіе о благополучномъ путешествіи Августѣйшихъ Путниковъ.

По окончаніи молебствія строителемъ храма И. Г. Губонинымъ предложенъ былъ присутствующимъ завтракъ. Первые тосты провозглашены были г. начальникомъ губерніи за драгоценное здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы. Долго несмолкаемое «ура» и звуки народнаго гимна сопровождали эти тосты. Г. городской голова предложилъ тостъ за здоровье г. начальника губерніи. Г. начальникомъ губерніи предложены были далѣе тосты за здоровье Высокопреосвященнаго Амвросія, строителей будущаго храма гг. Марфельда и Губонина и за профессоровъ Грубе и Зарубина, своимъ неусыннымъ трудомъ принесшихъ много пользы при излеченіи раненыхъ во время крушенія Императорскаго поѣзда. Поѣзды съ присутствовавшими на торжествѣ прибыли въ Харьковъ около 7 час. вечера.

— Состояніе христіанства въ Японіи представляетъ въ настоящую минуту понятный интересъ. Нѣсколько данныхъ по этому предмету мы находимъ въ помѣщенномъ въ «Церк. Вѣд.» извлеченіи изъ рапорта преосвященнаго Николая, начальника русской духовной миссіи въ Японіи.

Нельзя и ожидать, чтобы въ подобной странѣ, со старинною ненавистью къ христіанской религіи (въ формѣ еще католицизма), съ сильнымъ фанатическимъ развитіемъ въ народѣ язычества, чтобы православіе находило себѣ благодарную почву. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ упомянутаго документа, не только состоитъ уже въ Японіи 216 церковныхъ общинъ, 18,625 человекъ христіанъ, но крещеніе все-таки дѣлаетъ и дальше успѣхи: такъ, въ прошломъ году крестившихся было болѣе тысячи, хотя, сравнительно съ прежними годами, цифра эта уменьшилась. Обнаружившіяся такимъ образомъ препятствія для успѣха христіанской проповѣди

были, однакожь, не коренныя, т. е. не происходили изъ органическаго нерасположенія японскаго народа къ православію, но временныя и случайныя, въ числѣ которыхъ поименовано «возбужденіе непріязненныхъ чувствъ народа къ иностранцамъ и всему, что отъ нихъ приходитъ», изъ-за усилій правительства уничтожить «обидное неравенство» иностранцевъ въ трактатахъ съ иностранными державами.

Та же скудость, но не совершенная бесплодность почвы для христіанства видна и въ недостаткѣ учениковъ для «катихизаторской» школы, которые набираются уже прямо «изъ языческаго міра», изъ интеллигентнаго класса, въ видѣ опыта. Нѣкоторые изъ нихъ, ознакомившись съ началами христіанства, «не нашли въ себѣ на нихъ отклика» и удалились изъ школы, но которые остались, тѣ уже давно приняли св. крещеніе и усердно занимаются катихизаторскими науками, готовясь къ проповѣдничеству. Этотъ примѣръ показываетъ, что дѣло стоитъ на вѣрномъ пути: оно основано на добровольномъ желаніи учащихся японцевъ приступить къ православію, а только изъ такихъ и могутъ выработаться надежныя туземныя проповѣдники, безъ которыхъ дѣлу христіанства въ Японіи трудно двинуться впередъ, при недовѣріи народа къ иностранцамъ.

Дѣло двигается и по другимъ путямъ: продолжаютъ переводы богослужебныхъ книгъ, продолжаютъ работу училища при миссіи, принимаются мѣры, чтобъ православнымъ священникамъ народъ довѣрялъ,—напримѣръ, ранѣе 30-лѣтняго возраста положено не посвящать въ этотъ санъ «по юности церкви». Православная церковь въ Японіи, хотя и юная, какъ видно, не теряетъ почвы и, какъ сказано, постепенно усиливаетъ свою проповѣдь. Понятна важность вопроса: насколько «непріязненные чувства къ иностранцамъ» сами по себѣ сильны въ Японіи или же зависятъ отъ случайныхъ, устранимыхъ причинъ? Нѣкоторыя мѣста отчета заставляютъ склоняться ко второму мнѣнію; такъ, «удручающее бѣдствіе отъ наводненій, причинившихъ неурожай», находится въ числѣ причинъ, ослабившихъ въ прошломъ году успѣхъ христіанской проповѣди, причина чисто случайная, внѣшняя.

Если прибавить, что неблагопріятныя воспоминанія о временахъ католическихъ попытокъ въ Японіи, очень возможно, еще не изгладились въ массѣ народа, хотя и чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и что въ наше время и въ наличномъ составѣ православной японской церкви нѣтъ и тѣни тѣхъ причинъ, которыя въ свое время

вызвали въ странѣ сильную вражду къ христіанству, то по всему этому можно надѣяться, что «юная» еще поросль православной вѣры въ Японіи выдержитъ неблагопріятныя условія и мало по малу укоренится. Заслуга укорененія христіанства въ этой враждебной ему странѣ, будетъ принадлежать Россіи, что не останется безъ вліянія на возвышеніе ея значенія на дальнемъ Востоѣ.

— Изъ Сараева пишутъ, что тамъ дѣятельно приступили къ распространенію церковныхъ книгъ сараевской (т. е. вѣрнѣе австрійской) печати. По мнѣнію корреспондента, главная причина этой замѣны книгъ русской печати новыми книгами то обстоятельство, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ упоминаются имена особъ русскаго царствующаго дома. Изъ трехъ епископовъ Босніи и Герцеговины только одинъ тузлинскій митрополитъ Діонисій Иліевичъ запретилъ употребленіе сараевскаго евангелія въ своей епархіи, а остальные—сараевскій Георгій Николаевичъ и мостарскій Серафимъ Перовичъ—дали свое согласіе. Впрочемъ, власти обратились къ царьградскому патріарху съ просьбою благословить книги сараевской печати. Патріархъ Діонисій отвѣтилъ, что онъ отправилъ присланные ему экземпляры евангелія сараевской печати для провѣрки въ школу на островѣ Халкѣ, и похвалилъ распространеніе церковныхъ книгъ. Корреспондентъ при этомъ замѣчаетъ: «мы нисколько не удивляемся этому. Еще когда Австрія 10 лѣтъ тому назадъ заключила извѣстную конвенцію съ царьградскимъ патріархомъ, она назначила ему ежегодное пособіе, да кромѣ того платитъ еще за каждую услугу, особенно при назначеніи сербскихъ епископовъ въ Босніи и Герцеговинѣ». Согласно съ этимъ сплѣтскій епископъ Никшичъ запретилъ въ своей епархіи употребленіе при богослуженіи глаголицы, что составляло древнюю привилегію далматинскихъ славянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Такое запрещеніе епископа вызвало не только сильное недовольство въ его паствѣ, но и протестъ со стороны нѣкоторыхъ священниковъ. Въ доказательство раздраженія населенія сплѣтской епархіи противъ означеннаго епископа, славянскія газеты приводятъ слѣдующее происшествіе, случившееся на дняхъ въ селеніи Кастеля у Тригора. Въ это селеніе прибылъ епископъ Никшичъ для совершенія миропомазанія надъ вѣрующими. Въ прежнее время жители селенія усыпали путь епископа цвѣтами, теперь же этотъ путь вмѣсто цвѣтовъ былъ усыпанъ безчисленными листиками бумаги, на которыхъ было написано: «Да здравствуетъ глаголица! Долой епископа!» Предъ домомъ, въ которомъ

остановился врагъ старославянскаго языка при богослуженіи, развѣвался огромный славянскій трехцвѣтный флагъ.

— Осенью текущаго года во Львовѣ состоится синодъ галицко-русскихъ епископовъ, въ которомъ примуть участіе львовскій митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ, перемышльскій епископъ Юліанъ Куиловскій, станиславовскій епископъ Юліанъ Пелешъ и нѣсколько представителей отъ духовенства трехъ галицко-русскихъ епархій.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, отъ такого синода трудно ожидать какой-либо пользы. Программа синода составлена львовскимъ митрополитомъ Сембратовичемъ по указанію польскихъ іезуитовъ и уже получила утвержденіе римской куріи. Въ числѣ вопросовъ долженствующихъ поступить на обсужденіе синода находятся два особенно важные вопроса: одинъ— о введеніи среди галицко-русскаго духовенства безбрачія, и другой— о замѣнѣ русскаго, іюліанскаго, календаря григоріанскимъ.

Въ случаѣ рѣшенія этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, Галицко-Русскому народу и его церкви будетъ нанесенъ тяжелый ударъ. Безбрачное духовенство можетъ очень легко очутиться во враждебномъ своему народу лагерѣ, принятіе же римскаго, григоріанскаго, календаря сильно подорветъ значеніе русскаго церковнаго обряда. Окатоличеніе и полонизація Червоно-руссовъ пойдутъ скорыми шагами.

Львовскія газеты уже теперь обратили вниманіе на надвигающуюся опасность и заявили рѣшительный протестъ противъ этихъ двухъ пунктовъ программы. Не подлежитъ сомнѣнію, что противъ польско-іезуитскихъ затѣй выскажется весь Галицко-Русскій народъ, но вопросъ въ томъ, захочетъ-ли «святѣйшій престолъ» принять этотъ всенародный протестъ во вниманіе? Вѣдь еще не такъ давно римская курія, несмотря на многочисленные протесты, передала русскіе монастыри въ Галиціи въ руки іезуитовъ. Roma locuta, causa finita. Такъ же можетъ случиться и теперь.

Галицкимъ патриотамъ предстоитъ трудная, но высокая задача: во что бы ни стало защитить свою церковь отъ вражескихъ посягательствъ.

«М. В.»

— По словамъ «Варш. Дневника», русскіе православные люди, проживающіе въ уѣздахъ Привислянскаго края съ населеніемъ католическимъ, по неимѣнію православныхъ храмовъ на мѣстѣ, зачастую лишены возможности молиться въ своей церкви, исполнять духовныя требы и воспитывать дѣтей въ духѣ своей вѣры. Этого

рода важныя лишенія хотя и переносятся по необходимости, но зато сколько скорбей, сколько огорченій испытываетъ православный, заброшенный въ этотъ уголь нашего великаго государства, безъ храма, безъ служенія, — къ которому онъ приученъ со дня рожденія!

Въ такомъ-то печальномъ положеніи находились и мы, Русскіе, проживающіе въ Венгровскомъ уѣздѣ, до 7-го апрѣля настоящаго года. Въ этотъ знаменательный для насъ день была освящена временная православная домовая церковь, которая устроена въ зданіи, занимаемомъ уѣзднымъ управленіемъ, на добровольныя приношенія частныхъ лицъ, безъ всякаго участія и вспомоствованія правительства. Объ устройствѣ въ Венгровѣ православной церкви много писали, много говорили, еще больше просили, но все это не увѣнчивалось желаемымъ успѣхомъ по неимѣнію денежныхъ средствъ, и такъ дѣло тянулось до настоящаго года, когда наконецъ на добровольныя приношенія оказалась возможность устроить временную домовую православную церковь, съ разрѣшенія начальника губерніи, въ зданіи уѣзднаго управленія. Устроенная церковь по размѣрамъ хотя очень не велика, но отдѣлана хорошо, изящно и снабжена всѣми необходимыми вещами настолько, что производитъ весьма отрадное впечатлѣніе. Церковь была освящена благочиннымъ протоіереемъ Мизецкимъ съ духовенствомъ Соколовскаго уѣзда, въ присутствіи вице-губернатора, начальника Сѣдлецкой учебной дирекціи и другихъ лицъ, весьма торжественно. Молящихся собралось до 100 человекъ; съ какимъ усердіемъ и умиленіемъ всякій изъ насъ возносилъ молитвы ко Всевышнему въ храмъ, только-что освященномъ! Отъ радости многіе изъ молящихся плакали. Такому душевному настроенію немало способствовало какъ торжественное служеніе духовенства, такъ и стройное, хорошее пѣніе пѣвчихъ любителей, прибывшихъ изъ Соколова. Церковь освящена во имя Святителя Николая Чудотворца въ память чудеснаго избавленія Государя Императора съ Августѣйшею Семьею отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года, при крушеніи поѣзда на Курской желѣзной дорогѣ.

Пожертвованія на церковь продолжаютъ. Такъ, 9-го сего мая былъ перенесенъ довольно большой и весьма цѣнный образъ Владимірской Божіей Матери изъ квартиры г. мирового судьи Н. И. Хотимскаго, который пожертвовалъ икону эту въ Венгровскую церковь; даръ этотъ еще больше имѣетъ значенія потому, что пожертвованная икона находилась въ домѣ Хотимскихъ болѣе 150

лѣтъ. Перенесеніе образа было совершено съ большою торжественностью; изъ церкви вышелъ крестный ходъ съ образомъ и хоругвями къ квартирѣ г. Хотимскаго, откуда два священника въ полномъ облаченіи съ хоромъ пѣвчихъ вынесли икону и такимъ образомъ прослѣдовали черезъ весь городъ. Всѣ собравшіеся православные были глубоко, до слезъ тронуты всѣмъ этимъ. Не терпемъ надежды, что русскій духъ и духъ православія все больше и дальше будетъ проникать и распространяться на всѣхъ окраинахъ Русскаго Царства.

— Кому неизвѣстны великія культурныя заслуги русскихъ иноковъ? Они были первыми хранителями и насадителями нашей образованности; они были лѣтописцами, переписчиками книгъ, наставниками народа. Они же принимали дѣятельное участіе въ колонизаціи страны. Эту свою стародавнюю миссію они выполняютъ и по сіе время. Доказательствомъ являются только что напечатанныя въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» извлеченія «Изъ дневника священника», командированнаго на Новую землю для открытія тамъ монашескаго сѣита. 12-го іюля, въ пять часовъ вечера пароходъ долженъ быть, по исчисленіямъ, въ виду «Новой Земли», но густой туманъ застлалъ весь видимый горизонтъ воды, и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго очертанія береговъ новоземельскихъ не видно. Въ 7^{1/2} часовъ было отслужено на пароходѣ всеиощное бдѣніе и послѣ онаго молебенъ святителю и чудотворцу Николаю. Послѣ молебна вѣтеръ моментально утихъ, туманъ исчезъ и взорамъ всѣхъ присутствующихъ на пароходѣ представился громаднѣйшій островъ «Новая Земля», во всемъ своемъ сѣверномъ величіи, дико-величественной красотѣ и убѣленный по вершинамъ горъ и ложбинамъ вѣчнымъ покровомъ снѣга. Въ 2 часа послѣ полуночи, при яркомъ сіяніи полярнаго солнца, пароходъ «Великій Князь Владиміръ» бросилъ якорь въ большой и спокойной бухтѣ «Малыя Кармакулы». Взоры всѣхъ бывшихъ на пароходѣ обратились къ берегу, ожидая появленія кого либо изъ обитателей, и такъ какъ, послѣ сдѣланныхъ пароходомъ нѣсколькихъ свистковъ долго никого не появлялось, то у многихъ, на палубѣ парохода, невольно срывались съ языка страшныя слова: «Боже мой, неужели всѣ умерли и нѣтъ живой души?» «Живъ ли то о. Іона и псаломщикъ?...» Но вотъ, слава Богу, на мачтѣ зданія спасительной станціи взвился флагъ, другой, залаяли собаки, показываться стали самоѣды,—значитъ есть живые люди; вотъ, наконецъ, къ общей для всѣхъ радости, видятся выходящими и о. Іона съ псаломщикомомъ, и всякія

сомнѣнія и страхъ за ихъ здоровье и жизнь исчезаютъ. При свиданіи разспросамъ и разговорамъ, казалось, не будетъ конца. Оказалось, между прочимъ, что бухта «Малыя Кармакулы» только за недѣлю до нашего прибытія очистилась отъ льда, и недѣлю спустя по ней ѣздили на саняхъ.

Открытие монашескаго скита совершилось 18 іюля. Въ 7 часовъ была совершена божественная литургія о. архимандритомъ соборне со священникомъ Нечаевымъ и іеромонахомъ Іоною, въ присутствіи князя Голицына и всѣхъ новоземельскихъ гостей и колонистовъ. По запричастномъ стихѣ священникомъ Нечаевымъ было произнесено приличное случаю и торжеству слово. Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на избранное наканунѣ мѣсто для скита; послѣ водосвятнаго молебна окроплено святою водою мѣсто, гдѣ имѣетъ быть зданіе скита, и прочитана молитва на основаніе дома, послѣ чего, въ силу указа Святѣйшаго Синода, о. архимандритомъ Ювеналіемъ было объявлено объ открытіи монашескаго скита на «Новой Землѣ», во славу Трїедиаго Бога, въ прославленіе Его угодника святителя и чудотворца Николая. Событіе отрадное, а для края въ будущемъ и великой важности. По возвращеніи крестнаго хода въ храмъ былъ сдѣланъ отпустъ и провозглашено многолѣтіе. Былъ колокольный звонъ и пушечный салютъ. Послѣ литургіи всѣмъ гостямъ на «Новой Землѣ», участвующимъ и присутствующимъ на торжествѣ открытія монашескаго скита, на пароходѣ «Великій Князь Владиміръ» была предложена трапеза. За симъ духовенство было приглашено г. командиромъ шхуны «Баканъ» совершить благодарственное Господу Богу молебствіе на шхунѣ за благополучное плаваніе на «Новую Землю», и здѣсь командиромъ также предложено было угощеніе, такъ что въ этотъ день на «Новой Землѣ» былъ особенный—новоземельскій праздникъ. Невольно забывалось, что мы находимся на крайнемъ сѣверѣ, въ странѣ бѣлыхъ медвѣдей и вѣчныхъ льдовъ. Къ тому же и день выдался теплый и тихій. Въ 8 часовъ было отслужено всенощное бдѣніе въ прежней малой церкви, гдѣ самоѣдъ Ѳома Вылко читалъ послѣ «Свѣте тихій» «Сподоби, Господи» наизусть. Пѣлъ и все всенощное бдѣніе съ псаломщикомъ. Кабая духовная радость о Господѣ!..

Послѣ бурной и опасной поѣздки къ Маточкиному шару, «Великій Князь Владиміръ» возвратился въ Малыя Кармакулы—куда и прибыли благополучно около 8 часовъ утра, въ то время, когда колоколь Новоземельной сѣтской церкви призывалъ на молитву къ божественной литургіи. Къ сожалѣнію, побывать у литургіи намъ нѣкому не привелось, такъ какъ остановка парохода здѣсь

была на короткій часъ, пока съѣзжалъ съ парохода мировой судья, чтобы здѣсь остаться по дѣламъ службы до слѣдующаго рейса парохода, и затѣмъ перевести на берегъ, въ Кармакулы, одно самоѣдское семейство. Въ 9 часовъ, когда на колокольнѣ начался трезвонъ, извѣщающій о началѣ литургіи, пароходъ поднялъ якорь и направился въ открытый океанъ, по направленію къ Архангельску.

Онъ прибылъ туда черезъ пять дней, 26 іюля.

— «Биржевыя Вѣдомости» тоже сообщаютъ подробности объ одной колоніи монаховъ. «На дняхъ исполнился ровно годъ съ того времени, какъ изъ монастыря преподобнаго Артемія Веркольскаго, находящагося въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, вышла духовная миссія для устройства иноческаго скита въ Никольскомъ становищѣ Югорскаго Шара. Миссіонеры, въ числѣ шести монаховъ, въ апрѣлѣ прошлаго года, прибыли къ устьямъ рѣки Печоры и оттуда, вмѣстѣ съ печорскими промышленниками, отправились еще по зимнему пути чрезъ тундру въ Югорскій Шаръ, гдѣ для нихъ былъ уже готовъ домъ, построенный на средства, пожертвованныя А. М. Сибиряковымъ, выстроившимъ тамъ же и небольшую церковь. Миссію лично сопровождалъ до самаго Югорскаго Шара настоятель Веркольскаго монастыря, іеромонахъ отецъ Виталій. Въ концѣ лѣта прошлаго года пароходъ Сибирякова «Объ» доставилъ въ Югорскій Шаръ всѣ запасы, необходимые для зимовки монаховъ. Печорскіе промышленники, вернувшись въ октябрѣ, принесли послѣднія извѣстія объ оставшихся въ Югорскомъ Шарѣ миссіонерахъ. Съ того времени о нихъ не получено никакихъ свѣдѣній, и объ участи ихъ сдѣлается извѣстнымъ не ранѣе августа или сентября, когда состояніе льдовъ дастъ возможность какому-нибудь пароходу пробраться къ Югорскому Шару, такъ какъ въ лѣтнее время не существуетъ никакого сообщенія съ Югорскимъ Шаромъ чрезъ Большеземельскую тундру».

— Во временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ только что выработаны слѣдующія правила о тарифѣ на проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ учащихъ и учащихя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. «Учащіе и учащіеся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ (въ университетахъ, академіяхъ, институтахъ, консерваторіяхъ, семинаріяхъ, гимназіяхъ, корпусахъ, мореходныхъ классахъ, а равно и въ школахъ начальныхъ городскихъ, сельскихъ, ремесленныхъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ и друг.), при предьявленіи надлежащихъ удостовѣреній ихъ начальствъ, по всѣмъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ перевозятся за 25% дѣйствительной стоимости пассажир-

скаго тарифа. II и III класса». Указанныя здѣсь удостовѣренія должны заключаться, по объясненію вѣдомства путей сообщенія, въ свидѣтельствахъ начальства заведеній, съ приложеніемъ казенной печати или съ удостовѣреніемъ подписи начальника училища полиціей. Эти свидѣтельства должны представляться во временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ или въ мѣстные управленія этихъ дорогъ.

-- Южныя газеты рассказываютъ о невѣроятной дерзости, съ которою штундисты пропагандируютъ свое лжеученіе. Напримѣръ газета «Волянь» сообщаетъ, что штундисты изъ с. Ижицкаго, Тераспольскаго уѣзда, Николай Шпаненко, Павелъ Гончаръ и братъ послѣдняго, Василій Гончаръ, перешли съ проповѣдью въ деревню Воробьеву, откуда крестьяне немедленно выгнали ихъ вонъ; но тѣмъ не менѣе они не переставали нерѣдко являться въ деревню Воробьеву съ цѣлью пропаганды, почему крестьянское общество уполномочило своего односельчанина Вонифатія Овчаренко, чтобъ онъ, при содѣйствіи десятскаго, гналъ штундистовъ, Николая Шпаненко, Павла Гончарова и Василя Гончарова, немедленно изъ деревни Воробьевой, какъ только они явятся. Въ октябрѣ прошлаго года эти же лица, однако, снова явились и начали проповѣдь о штундизмѣ въ домѣ мѣстнаго крестьянина штундиста Николая Загороднаго, куда собрались и православные. Вонифатій Овчаренко предложилъ штундистамъ разойтись, угрожая въ противномъ случаѣ донести начальству, что они совращаютъ православныхъ въ штунду. Загородный отвѣтилъ, что онъ «правительства не боится». Овчаренко отправился къ полицейскому уряднику съ заявленіемъ о нахальствѣ агитаторовъ-штундистовъ, явившихся изъ сельца Ижицкаго, причемъ объявилъ Бринзѣ, что онъ, Вонифатій Овчаренко, всю отвѣтственность свалить на него, полицейскаго урядника, если онъ не удалитъ изъ деревни Воробьевой агитаторовъ штундистовъ, и крестьяне учинятъ свой самосудъ, какъ это случилось въ деревнѣ Юрашевой. Но когда урядникъ Бринза явился къ штундистамъ, то произошла цѣлая сцена: Загородный дернулъ полицейскаго урядника за бортъ его мундира съ такимъ штундистскимъ смиреніемъ, что только благодаря стѣнѣ, о которую грохнулся полицейскій урядникъ, онъ удержался на ногахъ, а мундиръ его оказался разорваннымъ. При этомъ урядника ругали, такъ что Овчаренко не выдержалъ и далъ Загородному пощечину, а урядникъ какъ-то скрылся. Пока урядникъ былъ въ избѣ, штундистъ лицемѣрно произнесъ: «прими, Господи, мою жертву; я отдалъ мою ланиту (щеку) на поруганіе». Но какъ

только свидѣтель вышелъ, смиренный страдалецъ немедленно затѣялъ кулачный бой съ солдатомъ Вонифатіемъ Овчаренкомъ.

Впрочемъ, другая газета «Новороссійскій Телеграфъ» свидѣтельствуесть о штундистахъ совсѣмъ другое, именно, что они сами отлично понимаютъ свою несостоятельность и если не хотятъ сознаться въ своемъ заблужденіи, то единственно изъ самолюбія, такъ какъ они постоянно кичатся предъ православными чистотою своего ученія и своей жизни, хотя послѣдняя существуетъ будто бы только для видимости. Жаль, что о всѣхъ подобныхъ фактахъ приходится читать только въ свѣтскихъ газетахъ, между тѣмъ какъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ изданіяхъ, которыхъ ближе всего касается дѣло, свѣдѣній о штундистахъ и сектантахъ сравнительно мало. Мы вполнѣ раздѣляемъ это сожалѣніе съ «Церк. Вѣстн.».

— Изъ Слободскаго (Вятской губ.) въ «Недѣлю» (№ 18) пишутъ: Съ народными брошюрами гр. Л. Н. Толстаго то и дѣло выходятъ недоразумѣнія. Не обошлось безъ нихъ и у насъ. Священникъ отецъ Алексій Катаевъ, какъ законоучитель Полынскаго земскаго училища, недавно возвратилъ въ земскую управу 4 экземпляра брошюры «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», посланные для раздачи въ награду окончившимъ курсъ въ начальныхъ школахъ въ періодъ 1889—90 учебнаго года, причемъ пояснилъ, что эти брошюры онъ «находитъ вредными въ религіозно-нравственномъ отношеніи для дѣтей школьнаго возраста при первоначальныхъ урокахъ христіанскаго вѣроученія», и проситъ управу замѣнить ихъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія... Это требованіе поставило земскую управу въ крайне затруднительное положеніе, такъ-какъ она, ежегодно выписывая произведенія Толстаго, въ родѣ «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», то для кончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, то для ученической бібліотеки, ничего подобнаго не слыхала ни отъ одного законоучителя, ни отъ одного преподавателя, тѣмъ болѣе, что данная брошюра вошла въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ такое же положеніе былъ поставленъ и инспекторъ народныхъ училищъ, когда управа обратилась къ нему съ просьбой указать ей мотивы, по которымъ можно было бы эту брошюру считать «вредною въ религіозно-нравственномъ отношеніи»; но тѣмъ не менѣе инспекторъ увѣдомилъ управу, что на разсылкѣ брошюры «Богъ правду видитъ» — настаивать не слѣдуетъ.

Инспекторъ поступилъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ разумно, а управа поступила бы правильнѣе, еслибы обратилась для разъясненія своей любознательности къ священнику.

Вообще нельзя не замѣтить, что помимо самаго содержанія народныхъ брошюръ графа Толстаго (иногда весьма неправославныхъ), самое имя графа весьма неудобно въ школѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ гласно призналъ чѣмъ-то въ родѣ еретика такими высокопоставленными и авторитетными представителями церкви какъ покойный преосвященный Никаноръ или архимандритъ Антоній Храповицкій. Каталогъ, составленный до такого явнаго разрыва жизни съ церковью нуждался бы, безъ сомнѣнія, въ пересмотрѣ.

— Усиленіе грамотности въ народѣ увеличиваетъ потребность въ изданіи хорошихъ книгъ для народа. Въ виду этой потребности Харьковское общество распространенія грамотности въ народѣ приступаетъ къ изданію книгъ для народнаго чтенія, и, обладая на первыхъ порахъ достаточными средствами, приглашаетъ къ сотрудничеству по этому дѣлу всѣхъ лицъ, способныхъ къ литературной работѣ и знакомыхъ со вкусами сельскаго и городскаго читателя. Кромѣ самостоятельно составленныхъ очерковъ и монографій, оно будетъ издавать и возможно удачныя передѣлки существующихъ серьезныхъ какъ художественныхъ произведеній, такъ и научныхъ сочиненій, а также переводы съ иностранныхъ языковъ. Во всѣхъ популярно-научныхъ работахъ желательно возможно болѣе живое и интересное изложеніе, безъ трудно понимаемыхъ неподготовленнымъ читателемъ терминовъ и трудно усваиваемыхъ отвлеченностей. Программа общества включаетъ въ себѣ изданія по слѣдующимъ шести отдѣламъ: 1) духовно-нравственному, 2) художественно-беллетристическому, 3) историческому, 4) географическому, 5) естественно-историческому и 6) прикладныхъ и справочныхъ свѣдѣній.

Въ первомъ, *духовно-нравственномъ*, отдѣлѣ обществу желательны: 1) жизнеописанія такихъ святителей, которые своимъ словомъ и дѣяніями запечатлѣли истинно христіанскія черты любви и правды, а также 2) житія святыхъ и нравственныхъ просвѣтителей, какъ нашего народа, такъ и другихъ странъ; 3) рассказы изъ церковной исторіи.

Во второмъ, *беллетристическомъ*, отдѣлѣ принимаются книги по современной и по классической художественной литературѣ, какъ русской, такъ и переводной. При выборѣ того или иного произведенія слѣдуетъ прежде всего искать въ немъ гуманной идеи, прекраснаго художественнаго образа или правдивой картины нравовъ, не вносящей никакихъ недоразумѣній въ нравственныя понятія неподготовленнаго читателя.

Къ третьему отдѣлу относятся книги *историческія*, по содер-

жанію своему раздѣляющіяся на—1) книги по мѣстной и общерусской исторіи, заключающія въ себѣ—біографіи мѣстныхъ дѣятелей и важнѣйшихъ историческихъ лицъ съ характеристикой эпохи, къ которой они относятся, и указаніемъ ихъ значенія какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго,—эпизодическія повѣствованія, или монографіи; объ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, преимущественно бытоваго и культурнаго характера,—хроники и историческіе романы, характеризующіе ту или иную эпоху или личность—въ передѣлкѣ или сокращеніи; 2) книги по всеобщей исторіи, представляющія также біографіи знаменитыхъ историческихъ лицъ, дѣятелей труда и науки, наиболѣе доступные историческіе эпизоды, бытъ народовъ на разныхъ ступеняхъ развитія, историческій ходъ развитія разныхъ общественныхъ учрежденій, историческія сказы, легенды и поэмы въ отрывкахъ, цѣломъ видѣ и сокращеніяхъ.

Въ четвертомъ, *географическомъ*, отдѣлѣ обществу особенно желательны работы по изученію нашихъ сосѣдей, т. е. жизнь западно-европейскихъ народовъ и главныхъ народностей Азіи и Сѣверной Америки, преимущественно въ бытовомъ отношеніи; интересны также описанія быта и природы различныхъ мѣстностей Россіи и ея окраинъ, характеристики главныхъ бассейновъ—Днѣпра, Дона, Волги и друг. въ физико-географическомъ, культурно-этнографическомъ и статистическо-экономическомъ отношеніяхъ; кромѣ того желательны передѣлки лучшихъ знаменитыхъ путешествій въ далекія страны и составленіе описаній природы и людей въ разныхъ странахъ.

Относительно пятаго отдѣла—*естественно-историческаго*—желательно было бы получать не только однѣ отрывочныя монографіи по тому или иному вопросу, изъ той или другой группы естественно-историческихъ свѣдѣній, а связную серію самыхъ элементарныхъ руководствъ, которыя уяснили бы законы и явленія природы, а также строеніе тѣла и жизнь растений, животныхъ и человѣка. Руководства эти должны быть написаны не въ сухой формѣ, а въ видѣ бесѣды или вообще легкимъ языкомъ и иллюстрированы наибольшимъ количествомъ ясныхъ рисунковъ. Такия руководства имѣли бы самое непосредственное примѣненіе для возникающихъ во множествѣ вечернихъ и повторительныхъ курсовъ при народныхъ школахъ, а также какъ удобопонятная книга для чтенія окончившимъ школу ученикамъ.

Къ шестому отдѣлу, *прикладныхъ и справочныхъ свѣдѣній*, относятся слѣдующія изданія: Календарь Харьковскаго общества

грамотности, книги по различнымъ промысламъ и ремесламъ, уясняющія ихъ наилучшее усовершенствованіе и наиболѣе выгодное производство, книги по сельскому хозяйству, садоводству, пчеловодству и т. п. съ наибольшимъ количествомъ точныхъ и примѣнимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ свѣдѣній, книги по медицинѣ, гигиенѣ, ветеринаріи и т. п.

Литературныя произведенія должны быть высылаемы въ Харьковское общество распространенія грамотности въ народѣ. Отъ души желаемъ, чтобы наше сельское духовенство и другія образованныя лица откликнулись на добрый починъ этого общества.

Некрологъ Василія Михайловича Извольскаго.

Въ половинѣ истекшаго мая—Харьковская духовная семинарія понесла тяжелую утрату въ лицѣ умершаго преподавателя, коллежскаго совѣтника Василія Михайловича Извольскаго. Именно 14 числа, въ 10¹/₂ час. утра, послѣ предварительнаго приобщенія Св. Таинъ, при полномъ и ясномъ сознаніи, онъ мирно и истинно по христіански скончался отъ паралича сердца, вслѣдствіе пораженія, такъ называемаго, блуждающаго нерва (*pervus vagus*), совершающаго, какъ извѣстно, столь важныя и столь разнообразныя отправленія въ человѣческомъ организмѣ. А 16-го числа того же мѣсяца, усопшее тѣло В. М. было предано землѣ на Холодногорскомъ кладбищѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, его знакомыхъ, друзей, воспитанниковъ семинаріи и сослужавцевъ покойнаго, въ сопровожденіи къ мѣсту вѣчнаго упокоенія ректоромъ семинаріи, о. Іоанномъ Кратировымъ, и при участіи многихъ духовныхъ лицъ.

Съ христіанской точки зрѣнія смерть каждаго человѣка есть урокъ оставшимся живымъ,—урокъ, полный многихъ и серьезныхъ думъ; но смерть В. М., умершаго во цвѣтѣ лѣтъ (онъ скончался на 39 году своей жизни), при полномъ и всестороннемъ развитіи душевныхъ силъ и своихъ выдающихся способностей, была явленіемъ поразительнымъ, глубоко потрясшимъ всѣхъ его знакомыхъ и друзей, которыхъ у него, при его общительномъ, ровномъ и дружественномъ характерѣ, было такъ много! Смертная чаша всегда бываетъ растворена горечью; но въ данномъ случаѣ горечь ея усиливалась въ виду угасшей жизни—человѣка молодаго, полнаго силъ и энергіи. И только въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла, скорбящее сердце могло искать себѣ отраду и успокоеніе...

Покойный В. М. былъ сыномъ учителя—священника въ одномъ изъ селъ Тульской губерніи и первоначальное воспитаніе получилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Тульской епархіи. По окончаніи курса наукъ въ

Тульской духовной семинаріи въ 1874 г., онъ, какъ лучший по успѣхамъ и поведенію воспитанникъ, посланъ былъ для продолженія образованія въ Кіевскую духовную академію. Въ четырехлѣтнее пребываніе свое въ Академіи, онъ выслушалъ полный курсъ наукъ общеобязательныхъ и специальныхъ по Церковно-историческому отдѣленію и особыя практически-спеціальныя уроки по исторіи русской Церкви и латинскому языку. При неутомимомъ трудолюбіи и прекрасныхъ дарованіяхъ, онъ во все время своего образованія въ Академіи былъ однимъ изъ наиболѣе любознательныхъ и благоправныхъ студентовъ; а потому, по окончаніи академическаго образованія, совѣтомъ Академіи удостоенъ былъ степени кандидата богословскихъ наукъ съ правомъ не держать вновь устнаго экзамена при соисканіи степени магистра. 21-го марта 1879 года онъ опредѣленъ въ Харьковскую духовную семинарію по кафедрѣ латинскаго языка. И эту кафедру онъ непрерывно занималъ до самой своей смерти; временно же, по порученію Правленія мѣстной семинаріи, преподавалъ нѣмецкій языкъ съ 1879 г. по 1884 г. Ревностный и трудолюбивый, симпатичный и благородный онъ съ жаромъ отдалъ себя на служеніе дѣлу преподаванія и вскорѣ заслужилъ расположенность и уваженіе среди своихъ сослуживцевъ, занявъ среди нихъ почетное мѣсто, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей. Такими же симпатіями онъ пользовался и среди учениковъ. Всегда доступный и общительный, умѣвшій растворять педагогическую требовательность съ разумною снисходительностію, онъ былъ искренно любимъ и уважаемъ всеми воспитанниками семинаріи; они видѣли въ немъ опытнаго наставника, разумнаго руководителя и благожелательнаго друга. Въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей и въ симпатіяхъ лицъ, окружающихъ его, онъ находилъ для себя лучшую награду и утѣшеніе. Между тѣмъ выработанные имъ приемы преподаванія, педагогическій тактъ и любовь къ учебному дѣлу сдѣлались извѣстными и были оцѣнены по достоинству и внѣ семинаріи, что и выразилось одновременнымъ предложеніемъ ему преподаванія русскаго языка прежде всего въ Харьковскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ и затѣмъ преподаванія того же языка и словесности въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова. Такъ съ 1881 г., г. Попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, онъ утвержденъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, въ частной женской гимназіи г. Григорьевичъ, а съ 1884 г. утвержденъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ частной женской гимназіи г. Оболенской. Въ 1885 г., приказомъ изъ собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, назначенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ. Съ этого времени начинается блестящій періодъ его преподавательской дѣятельности, когда онъ съ пріобрѣтеніемъ педагогической опытности, съ увлеченіемъ

отдаетъ себя на служеніе дѣлу преподаванія. Талантливый и опытный преподаватель вскорѣ замѣченъ былъ и оцѣненъ по достоинству и высшимъ начальствомъ. Въ 1885 г., за отлично усердную и полезную службу оцъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ св. Станислава 3 ст., а въ 1889 г. орденомъ св. Анны 3 ст. Одновременно съ этимъ онъ назначенъ былъ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ состоять членомъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Съ дѣломъ педагогическимъ и преподаванія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, покойный В. М. соединялъ также занятія по сотрудничеству въ періодическихъ изданіяхъ при Харьковской духовной семинаріи. Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, съ прибытіемъ его на кафедру Харьковской епархіи въ 1882 г., благоугодно было передать въ семинарію изданіе «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»; а съ 1884 года, ему же благоугодно было открыть при той же семинаріи изданіе богословско-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ», присоединивъ къ новому журналу и прежнія «Вѣдомости» въ видѣ особаго отдѣла, подъ названіемъ «Листка для Харьковской епархіи», въ какомъ видѣ журналъ этотъ издается и въ настоящее время. Въ томъ и другомъ изданіи В. М. принималъ самое дѣятельное и самое непосредственное участіе; именно онъ велъ оффиціальный отдѣлъ въ обоихъ изданіяхъ, онъ составлялъ, писалъ и группировалъ разнообразныя извѣстія и замѣтки и затѣмъ онъ же велъ «Листокъ для Харьковской епархіи». Кромѣ того, ему же, въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми другими лицами, принадлежатъ прекрасныя переводы съ латинскаго языка произведеній замѣчательныхъ классическихъ писателей (каковы напримѣръ письма Сенеки), помѣщаемыя отъ времени до времени въ журналѣ «Вѣра и Разумъ».

Не можетъ быть сомнѣнія, что такихъ преподавателей, какимъ былъ покойный В. М., т. е. всецѣло, до самоотверженія преданныхъ педагогическому дѣлу и своимъ служеніемъ приобретающихъ глубокое уваженіе не только въ своемъ кружкѣ, но и внѣ этого кружка,—въ нашемъ отечествѣ не мало; только жизнь ихъ проходитъ почти въ незвѣстности, такъ-же какъ и жизнь всего вообще нашего духовенства, которое привыкло дѣлать свое дѣло безъ всякаго шума, не трубя и не крича о себѣ на всѣхъ распутьяхъ и перекресткахъ. А между тѣмъ жизнь подобныхъ людей поучительна и исполнена живаго интереса; она въ одно и то же время и пазидаетъ, и наставляетъ, и воодушевляетъ. Вѣрность въ маломъ, по ученію Спасителя, столько же достохвальна, какъ и вѣрность въ большомъ. Почившій именно былъ вѣренъ своему призванію до самоотверженія. Но тяжелыя и разнообразныя труды В. М., требовавшіе полнаго напряженія всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ, сломили крѣпкій организмъ покойнаго. Начались недомоганія, начались легкія нервныя страданія. Эти болѣзненные припадки В. М. на первыхъ порахъ не представляли, повидимому,

большой опасности и во всякомъ случаѣ нисколько не мѣшали ему добросовѣстно и честно исполнять свои служебныя обязанности; такъ что покойный, можно сказать, до послѣднихъ дней своей жизни сохранялъ надежду на свое выздоровленіе. Къ сожалѣнію болѣзненные симптомы усиливались все болѣе и болѣе и очевидно развивались послѣдовательно и постепенно. По совѣту врачей, В. М. прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ на Кавказъ отдохнуть и полечиться. Но цѣлебный для другихъ Кавказъ не помогъ В. М. и не далъ ему исцѣленія. Тщетны были и все усилія самыхъ опытныхъ харьковскихъ докторовъ возстановить подорванныя напряженными трудами силы Василія Михайловича. Онъ таялъ, какъ свѣча, и если не для него самого, то для всѣхъ знавшихъ и посѣщавшихъ его лицъ съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что жизнь его постепенно угасала. И въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь его не уступала ни предъ какими медицинскими усиліями и, наконецъ, 14 мая разрѣшилась роковымъ исходомъ.

16-го числа, въ 8 час. утра, послѣдовалъ выносъ тѣла покойнаго В. М. изъ его квартиры въ семинарскую церковь, въ предшествіи ректора семинаріи, о. Іоанна Кратирова, вмѣстѣ съ сослужившимъ духовенствомъ; а непосредственно вслѣдъ за выносомъ началась заупокойная литургія, которую совершилъ тоже о. ректоръ вмѣстѣ съ тѣмъ же духовенствомъ. Никогда, кажется, уваженіе, почитаніе и любовь, которыми пользовался покойный при жизни отъ учениковъ, ученицъ, товарищей—сослуживцевъ и всѣхъ знавшихъ его, не выразились съ большою ясностію и силою, какъ во время этой печальной литургіи. Вокругъ гроба стояли искренніе почитатели покойнаго; они молились объ успокоеніи души благороднаго человека, искренняго друга, талантливаго и доброжелательнаго преподавателя; мысль о преждевременной кончинѣ этого истинно полезнаго труженника невольно наполняла душу каждаго молящагося глубокою скорбію. Вѣрно выразилъ эти мысли и чувства всѣхъ молившихся теперь въ семинарскомъ храмѣ одинъ изъ сотоварищей покойнаго по службѣ, Н. С. Протопоповъ, въ своей надгробной рѣчи, которую онъ произнесъ въ обычное время, при концѣ литургіи. Онъ сказалъ:

«Бл. сл.,

«Тяжело быть свидѣтелемъ смерти. Еще болѣе видѣть смерть, когда все въ весенней природѣ говоритъ о жизни и зоветъ къ жизни. Но становится невыразимо больно и тяжело, когда неумолимая смерть въ добычу себѣ уноситъ отъ насъ жизнь молодую, еще недавно полную силъ и энергіи. Не стало даровитаго и честнаго труженника. Нѣтъ болѣе съ нами добраго товарища!

«Если мы прослѣдимъ жизнь покойнаго даже въ общихъ чертахъ, то увидимъ, что вся она, съ самыхъ юныхъ лѣтъ его, была исполнена труда и терпѣнія. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, труженника—пастыря, по-

чившій рано встрѣтился съ нуждой и понялъ значеніе труда. Усердіемъ и терпѣніемъ преодолевалъ онъ трудности и невзгоды, довольно суровой еще въ то время, низшей духовной школы, и какъ даровитый и трудолюбивый питомецъ науки, постепенно достигъ высшихъ знаній и высшаго развитія. По окончаніи академическаго курса труды учащагося смѣняются трудами наставника. Начинающему педагогу много, несомнѣнно, нужно было работать, чтобы упрочить за собой видное положеніе въ средѣ преподавателей и приобрести должное уваженіе учениковъ. И покойный энергично приступаетъ къ учительскому труду. Талантливый преподаватель былъ оцененъ по достоинству, и ему вскорѣ суждено было расширить педагогическую дѣятельность и перенести ее за предѣлы нашей школы: почившій занялъ мѣсто преподавателя одного изъ трудныхъ предметовъ и при томъ сразу въ нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Новая обстановка и новая, до извѣстной степени, наука, въ свою очередь, не отложно требовали самыхъ серьезныхъ и усидчивыхъ занятій. Благородно—самолюбивый и честный въ исполненіи своихъ учительскихъ обязанностей, онъ послѣ пяти-шести часовыхъ дневныхъ занятій въ классахъ нерѣдко проводилъ за учебной работой и длинными бессонными ночами, чему не одинъ изъ насъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ. Кромѣ дѣятельности педагогической, покойный не мало времени посвящалъ и занятіямъ литературнымъ. Непосильный трудъ сломилъ, наконецъ, крѣпкое отъ природы здоровье. Едва ли ошибемся, если именно въ этомъ укажемъ главную причину роковой болѣзни. Злой недугъ неусыпно стерегъ свою жертву и то слабѣе, то сильнѣе впускалъ въ надломленный организмъ свое смертоносное жало.

«Среди тяжелыхъ трудовъ и частыхъ недомоганій особенно рельефно выдѣляется и ярко обозначается отличительная черта въ характерѣ покойнаго—это особенная какая-то бодрость духа. Всеплкій Михайловичъ не любилъ предаваться унынію и много жаловаться на тяготу труда или гнетущую боль недуга. Свѣтлымъ взоромъ, счастливымъ примирившимъ противорѣчія жизни, смотрѣлъ онъ на ея печали и радости. Въ этомъ случаѣ онъ является предъ нами выразителемъ коренныхъ особенностей русскаго народнаго ума и характера. Всегда живой и добрый, всегда веселый и остроумный, онъ вносилъ лучъ жизни въ нашу трудовую и однообразную обстановку, чѣмъ добрый товарищъ не мало способствовалъ подъему нашего духа. Какъ истинный христіанинъ, какъ человекъ глубоко-вѣрующій, почившій въ трудныя минуты жизни обращался къ молитвамъ и Тайнствамъ Св. Церкви и въ нихъ почерпалъ для себя духовныя силы. Особенную твердость и силу духа проявилъ онъ въ послѣдній періодъ своей болѣзни. Вспомнимъ, съ какимъ усердіемъ, равнымъ подвигу, покойный, не смотря на свои немощи, посѣщалъ въ Страстную седмицу нашъ семинарскій храмъ, чтобы исполнить христіанскій долгъ говѣнія. Подъ конецъ тяжкимъ недугъ

гомъ прикованный, какъ узникъ, къ смертному одру, вдали отъ родины, отъ роднаго дома, отъ близкихъ и дорогихъ сердцу людей, почившій съ истинно христіанскимъ мужествомъ переносилъ всю тяжесть физическихъ и нравственныхъ страданій. Окружавшіе попечительнымъ вниманіемъ больного друзья его не слышали, какъ и прежде, ни ропота, ни плачущей жалобы. Что пережилъ покойный въ свои предсмертныя минуты, объ этомъ ничего не скажутъ намъ на вѣкъ умолкнувшія уста его. Да и касаться этой сокровенной святыни духа мы не дерзаемъ. Скажемъ только, что посторонній взглядъ не могъ не видѣть здѣсь особенной, чисто христіанской сосредоточенности, особенной самособранности бодрствующаго духа. Напутствованный Свв. Таинствами Церкви, почившій безмятежно и безропотно ожидалъ конца. И конецъ наступилъ...

«Тяжело переносить потерю такихъ людей. Грустно думать, что пройдетъ мало времени, и могила навсегда сокроетъ отъ насъ любезныя останки нашего добраго товарища. Но не будемъ, по слову апостола, предаваться безнадежной скорби, *якоже (и) прочіи не имущіи упованія* (1 Солун., 4 гл., 13 ст.), не будемъ—тѣмъ болѣе, что у этого гроба вмѣстѣ съ плачевнымъ пѣніемъ смерти мы слышимъ и радостную пѣснь воскресенія!

«Прости, мнѣ, дорогой товарищъ, почтенный труженикъ и служитель слова! если я смутилъ твой смертный покой немоцнымъ словомъ своимъ. Прими его какъ естественное выраженіе нашей любви къ тебѣ и нашей человѣческой скорби».

Къ концу литургіи, въ семипарскую церковь прибылъ Высокопреосвященный Амвросій и самъ, въ сослуженіи съ остальнымъ духовенствомъ, благоволилъ совершить послѣ литургіи отпѣваніе покойнаго. Въ наши дни, когда такъ часто забываютъ, что воспитаніе и наука важны для общества не открываемыми имъ привилегіями и карьерою, а въ силу присущихъ имъ свойствъ поддерживать подъемъ духа воспитанниковъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, поистинѣ, поучительно было видѣть, какъ нашъ высокообразованный іерархъ, въ воспоминаніе о трудовой дѣятельности почивнаго и въ назиданіе всѣмъ учащимъ и учащимся, благоволилъ раздѣлить скорбь семинарской корпораціи и выразилъ ее своимъ совершеніемъ отпѣванія надъ гробомъ почившаго. Эта скорбь была всеобщою для всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, но съ особенною силою она волновала теперь воспитанниковъ семинаріи, бывшихъ учениковъ покойнаго, изъ которыхъ многіе плакали, навсегда расставаясь съ своимъ любимымъ преподавателемъ. Чувства любви и уваженія, которыми пользовался В. М. со стороны учениковъ—при жизни, и чувства скорби и сожалѣнія, съ которыми они навсегда расставались теперь съ усопшимъ учителемъ, всего лучше выражены были однимъ изъ воспитанниковъ семинаріи, ученикомъ IV

класса С. Коротковымъ, въ рѣчи, которую онъ произнесъ отъ лица товарищей при концѣ отпѣванія. Приводимъ его рѣчь вполнѣ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.»

Жребій смерти, общій для всѣхъ людей, палъ нынѣ на уважаемаго нашего наставника, для возданія которому послѣдняго долга, мы, братія товарищи, собрались теперь въ храмъ Божій. Въ далекій и невѣдомый путь мы провожаемъ усопшаго наставника нашего. Это дальнее отправленіе его левольно напоминаетъ миѣ о томъ, какъ, много вѣковъ тому назадъ, въ предѣлахъ далекаго юга, толпы народа сопровождали изъ Египта въ Хаанацкую землю прахъ великаго патріарха евреевъ—Іакова. *И възиде Иосифъ погребсти отца своего и совзыдоша съ нимъ весь домъ отца его и сродники его... и рыданіа его рыданіемъ велимъ и крѣпкимъ зѣло.* (Быт. L, 7—10). Собрались и мы сегодня, чтобы съ рыданіемъ не столько виднымъ, сколько внутреннимъ, проводить въ могилу дорогія останки твои, любезный наставникъ. Гробъ Іакова окружали дѣти его и всѣ родственники; при твоёмъ же гробѣ нѣтъ дѣтей твоихъ по плоти, но за то стоятъ цѣлыя сотни дѣтей твоихъ, порожденныхъ воспитаніемъ. Тѣ во Іаковѣ потеряли и отца и руководителя въ дѣлѣ пріобрѣтенія истиннаго боговѣденія, и мы лишились въ тебѣ одного изъ нашихъ наставниковъ и воспитателей. Большинство людей, окружавшихъ гробъ Іакова и собравшихся отдать ему послѣдній долгъ, были связаны съ нимъ узами родства и крови, большинство же окружающихъ твой гробъ, хотя неродственны тебѣ по плоти, но за то сродны съ тобою духомъ и привлечены ко гробу твоему глубокою признательностью, питаемою всѣми нами, дѣтьми твоими по воспитанію, къ бездыханнымъ остаткамъ твоимъ. Гробъ Іакова провожали кровные его, изъ которыхъ каждый хорошо зналъ, кого онъ терялъ въ лицѣ почившаго; твой же гробъ окружаютъ лица, стоявшія во время жизни твоей въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ съ тобою, и многимъ изъ нихъ могутъ быть неизвѣстны тѣ прекрасныя свойства души твоей, которыя ты, въ качествѣ наставника, проявлялъ къ намъ, своимъ воспитанникамъ. Вотъ почему у гроба твоего необходимо сказать объ этихъ свойствахъ и тѣмъ почтить память твою.

«Дорогой наставникъ! Взирая въ эти послѣднія минуты твоего пребыванія съ нами на бездыханныя останки твои, лежащія во гробѣ, я отъ лица всѣхъ моихъ товарищей, приношу тебѣ глубокою благодарностью за тѣ истинно братскія отношенія къ намъ, воспоминанія о которыхъ еще свѣжи у всѣхъ насъ, да и надолго останутся свѣжими. Въ теченіе долгаго пребыванія твоего среди насъ ты ко всѣмъ намъ относился съ любовію и, какъ истинный другъ нашъ, умѣлъ со всею искренностью дѣлиться съ

нами всѣ радости и несчастья нашей школьной жизни. И тѣнь, и отрадѣе становилось на сердцѣ у каждаго отъ твоего сочувствія, потому что, раздѣляя съ нами наши радости, ты тѣмъ самымъ увеличивалъ ихъ, а раздѣляя горе, уменьшалъ его. Ты всегда готовъ былъ протянуть руку помощи всякому, кто въ нуждѣ обращался къ тебѣ; ты давалъ наставленія всѣмъ, нуждавшимся въ нихъ; ты многихъ изъ насъ выводилъ изъ затрудненія своими совѣтами; ты, однимъ словомъ, былъ для всѣхъ насъ любящимъ и опытнымъ руководителемъ. За все это и съ нашей стороны ты видѣлъ по отношенію къ себѣ то же, что и мы съ твоей: ты въ теченіе всей твоей жизни съ нами относился къ намъ съ братскою любовью, и мы съ своей стороны также любили и уважали тебя. Со смертію твоею мы потеряли одного изъ лучшихъ своихъ руководителей, потеряли какъ бы близкаго родственника своего.

«Но горе наше не исчерпывается одною только этою потерей. Нѣтъ, дорогой наставникъ, мы потеряли въ лицѣ твоёмъ не только человѣка, съ которымъ, такъ сказать, духовно сроднились, но и одного изъ опытныхъ преподавателей своихъ. При своемъ преподаваніи ты выражался такъ просто, ясно и наглядно, что не было никакого труда понимать твои объясненія, а многосторонность и разнообразіе твоихъ знаній дѣлали объясненія твои очень занимательными. Эти лучшія качества всякаго преподавателя, воплиѣ присущія тебѣ, соединяясь съ прекрасными качествами твоей души, въ результатѣ приносили то, что урочные часы твоихъ занятій съ нами проходили для насъ почти незамѣтно.

«Такими-то прекрасными качествами ты, усопшій наставникъ нашъ, приобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе наше. Побуждаемый этимъ чувствомъ, я рѣшился сказать тебѣ отъ лица всѣхъ моихъ товарищей нѣсколько словъ на прощанье, зная, что даже Самъ Спаситель не возгнушался принять похвалы отъ дѣтей. Прощай же навсегда, дорогой наставникъ, отъ лица всѣхъ моихъ товарищей я говорю тебѣ послѣднее «прости». Здѣсь, вокругъ твоего гроба, собралось много друзей и почитателей твоихъ, скорбящихъ о твоей смерти и оплакивающихъ свою потерю. Всѣ они сохраняютъ о тебѣ самыя свѣтлыя воспоминанія, всѣ будутъ печалиться о понесенной ими въ лицѣ твоёмъ утратѣ, всѣ будутъ говорить другъ съ другомъ о привлекательныхъ качествахъ души твоей. Одишь только ты, бездыханно лежащій во гробѣ, не промолвишь больше ни одного слова, лишь твоя замершія уста съ наложенною на нихъ печатью молчанія никогда не раскроются больше для бесѣды, лишь твоего голоса никто болѣе не услышитъ... Но, братія товарищи и вы, друзья и почитатели умершаго, знайте, что, хотя предметъ всеобщей нашей горести лежитъ безмолвно во гробѣ, но отъ лица его обращается ко всѣмъ намъ Св. Церковь съ такою мольбою: прошу всѣхъ и молю: *непрестанно о мнѣ*

молитесь ко Христу Богу, да не низведенъ буду по дѣломъ моимъ на мѣсто мученія, но да вселитъ мя, идѣже свѣтъ животный. Можемъ-ли мы отказать почившему наставнику нашему въ исполненіи послѣдней воли его? Нѣтъ: это нашъ долгъ къ нему и это будетъ лучшая благодарность съ нашей стороны ему за его труды для насъ. Помолимся же, братія товарищи, за почившаго наставника нашего и будемъ просить Бога, чтобы Онъ водворилъ душу его во бляихъ, идѣже праведніи упокоются и идѣже нѣтъ болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».

По окончаніи отпѣванія, тѣло усопшаго было вынесено на рукахъ сослуживцами и, при пѣніи семинарскимъ хоромъ воскресныхъ пѣснопѣній и другихъ церковныхъ молитвословій, было препровождено о. ректоромъ семинаріи, какъ уже замѣчено нами, на Холодногорское кладбище, при участіи многихъ духовныхъ лицъ, въ сопровожденіи всей семинаріи и многочисленнаго народа. На свѣжую могилу покойнаго В. М. возложены были вѣнки отъ воспитанницъ института благородныхъ дѣвицъ, отъ ученицъ женской гимназіи Д. Д. Оболенской, отъ воспитанниковъ семинаріи и отъ сослуживцевъ покойнаго.

Да будетъ же вѣчная память этому симпатичному человѣку, благородному товарищу, доброму и честному труженику—преподавателю! Многіе изъ его бывшихъ учениковъ уже облечены священнымъ саномъ и совершаютъ безкровную жертву у престола благодати. Да вознесутъ же и они вмѣстѣ съ нами свои сильныя молитвы къ милосердому Богу объ успокоеніи души незабвеннаго Василія Михайловича!

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ МАСТЕРСКАЯ
ДУХОВНАГО ПОРТНОГО
Іосифа Павловича Руднева
(БЫВШАЯ ГАЛЕНКО)

въ Харьковѣ, на Клочковской ул., въ д. Стѣшенко.

ПРИНИМАЕТЪ

ДУХОВНЫЕ и ЦЕРКОВНЫЕ ЗАКАЗЫ.

Отъ Харьковской Конторы Государственного Банка.

ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 5 сего апрѣля повелѣно приступить въ выкупъ и конверсіи невышедшихъ въ тиражъ 5⁰/₀ облигацій 1 восточнаго займа выпуска 1877 года, всего на 180.401,550 руб. нарицательнаго капитала, выустивъ для сего четвертый 4⁰/₀ *внутренній* заемъ на нарицательный капиталъ 190.000,000 рублей облигацій на предъявителя или именныхъ, достоинствомъ *сто, пятьсотъ, тысячу, пять тысячъ и десять тысячъ*. Доходъ по новымъ облигаціямъ, теченіе коего начинается съ 15 іюля сего года, уплачивается по полугодно 15 іюля и 15 января съ вычетомъ 5⁰/₀ сбора.

Погашеніе въ сорокъ годовыхъ сроковъ, начиная со срока 15 іюля 1892 года уплатою нарицательнаго капитала черезъ три мѣсяца послѣ тиража, производимаго 15 апрѣля ежегодно.

Погашеніе не будетъ усиливается, равно не будетъ пристунаемо къ конверсіи займа до 1 іюля 1899 года.

Новыя 4⁰/₀ облигаціи будутъ первоначально выпускаемы исключительно въ обмѣнъ на 5⁰/₀ облигаціи 1 восточнаго займа, владельцамъ коихъ предоставляется при такомъ обмѣнѣ получить за каждые 100 рублей нарицательнаго капитала 5⁰/₀ облигацій равную сумму нарицательнаго капитала 4⁰/₀ облигаціями и сверхъ того доплату наличными по *пяти* рублей за каждую сотню нарицательнаго капитала, равно получить проценты по облигаціямъ 1 восточнаго займа по 15 іюля сего года.

Заявленія о такомъ обмѣнѣ будутъ принимаемы въ Государственномъ Банкѣ, равно во всѣхъ его провинціальныхъ учрежденіяхъ, со дня опубликованія сего, только по 30 сего апрѣля *включительно*, съ предъявленіемъ обмѣниваемыхъ облигацій со всѣми купонами на сроки послѣ 15 іюля сего года или, если заявляемыхъ къ обмѣну облигацій нѣтъ въ рукахъ заявителя, съ представленіемъ залога въ размѣрѣ *семи* рублей за *сто* рублей нарицательнаго капитала заявляемыхъ къ обмѣну облигацій, съ обязательствомъ представить таковыя, когда послѣдуетъ объявленіе о выдачѣ подлинныхъ 4⁰/₀ облигацій новаго займа.

Выпускъ 5⁰/₀ облигацій за наличныя деньги назначенъ Министромъ Финансовъ на 15 іюля сего года, съ прекращеніемъ съ сего срока процентовъ по онымъ.

Съ 15 же іюля назначается выдача указанной доплаты по обмѣну, равно уплата, по заявленнымъ къ обмѣну 5⁰/₀ облигаціямъ, причитающихся по онымъ процентовъ по 15 іюля сего года.

Выдача новыхъ 4⁰/₀ облигацій начнется немедленно по ихъ изготовленіи.

Часть новаго займа, которая можетъ остаться свободною за удовлетвореніемъ требованій обмѣна, будетъ реализована банкомъ по цѣнѣ не ниже *девятисто пяти рублей за сто*.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ»

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.